

7/2009

МЫ

Ума
ТУРМАН

7/09

7/2009

СОДЕРЖАНИЕ

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Анастасия Бурдина. Песнь
о потерянных. Повесть
в рассказах9

Проба пера. Рассказы Зинаиды
Пурис, Ольги Коршуновой, Никиты
Давыдова, Екатерины Кириковой,
Алексея Каста – молодых прозаиков
из Пензы и Заречного91

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Алексей Будкин. Как стать
исполином?34
Письма в «Мы»2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Сергей Чайкин. Ума Турман: «Не
боюсь уходящего времени»49

■ СТРАНИЦЫ СЛАВНОЙ ИСТОРИИ

Ал. Бродников. И грянул бой. К 300-
летию Полтавской битвы82

■ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Дима – не колдун и не волшебник.
О жизни и творчестве популярного
певца Дмитрия Колдуна
рассказывает журналист
Ник. Кедров147

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и юмора. Выпуск
сказочный140

■ КИНООБЗОР

На наших экранах66

34

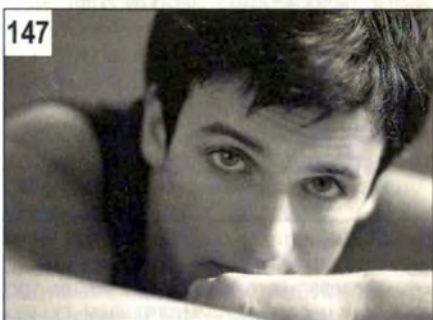
49

66

147

ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ
ПЕНЗЫ

Мы

Основан в 1990 году

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ**

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал "Мы"»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, А-130, 125130
☎ Контактные телефоны
(499) 150-11-97, (495) 733-32-48
E-mail: magazine-we@yandex.ru

Подписано в печать 17.08.2009 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 4500 экз. Заказ № 1136
© «Мы», 2009

ООО «Принт Экспресс»
Денисовский пер., 30.
Москва, 105005.

За материалы, опубликованные в рубрике
«Проба пера», гонорар не выплачивается.

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ Я ПОНЯЛА...

В юности я очень любила читать ваш журнал, особенно то, что публиковалось под заголовками «Письма в "Мы"» и «Говоря откровенно». Потому что то, что волновало моих сверстников, волновало и меня. Я также находила здесь ответы на те вопросы, на которые ищут ответы все подростки. И я в том числе. Здесь не было рекомендаций, поучений, советов, что и как делать. Но как я теперь понимаю, в редакционных ответах и статьях содержалось нечто более важное: они неизменно вызвали стремление всерьез задуматься о том, что и почему произошло с кем-то из наших сверстников (а может быть, могло и не произойти) и самому решить, как лучше поступить в подобной ситуации, если тебе придется в ней оказаться, чтобы не сделать неверного шага.

Сейчас я уже, как говорится, молодая женщина, замужем, воспитываю маленькую дочку. Но помня о журнале, который в юности был моим ориентиром, решила написать вам о том, что случилось со мной несколько лет назад. Может быть, нынешним подросткам будет бесполезно прочитать об этом. Ведь они почти такие же, какими были совсем недавно и мы, вчерашние подростки. Так же, как и они, мечтали о любви и стремились скорее стать взрослыми, узнав вкус «запретного плода». А в конечном итоге глубоко разочаровывались в том, к чему так стремились. Конечно, это ошибки молодости – чего в жизни ни бывает! Но как горько потом осознавать, что не удалось их избежать.

...Свою первую ночь я стараюсь забыть уже много лет. И не могу. Хотя никто не виноват, кро-

ПИСЬМА В «МЫ»

ме меня самой. Случилось это после одной дурацкой вечеринки в техникуме. Мне было восемнадцать лет, подружки считали, что я «засиделась в девках». У всех был постоянный парень, а у некоторых — уже не первый. И все уверяли, что трахаться — это здорово, прямо неземное блаженство.

Меня мучило любопытство, к тому же я боялась, что через год-два парни и правда будут считать меня старой девой.

Однажды мы собрались у одной девчонки. После двух бутылок водки на пятерых я стала очень смелой и пригласила одного парня — Диму — к себе в гости. А у меня как раз никого не было дома. Я решила, что это подходящий случай, чтобы наконец расстаться с девственностью и узнать «неземное блаженство». Дома я, правда, засомневалась: а надо ли? Но Дима в ответ на мои сомнения рассердился и стал ругаться, что знал бы — не поперся бы в такую даль, и вообще, назвался груздем — полезай в кузов. И я полезла...

Пока он раздевался, я чувствовала себя, как приговоренная к смертной казни. Это и было похоже на казнь — так больно и мерзко, что я и представить не могла. Хуже может быть только изнасилование. Хотя то, что между нами случилось, вполне можно назвать изнасилованием, только добровольным. Меня потом даже стошнило...

Только через несколько лет я поняла, что девичья честь — не пустой звук, хоть все мы раньше смеялись над этим понятием. Ес-

ли тебя толкает к парню не любовь, а любопытство, глупость и водка — всё будет противно и гадко. А как мне было стыдно потом, перед мужем! Как я пожалела, что первая ночь у меня была не с ним, таким нежным, заботливым, а с каким-то придурком, который попользовался мной и смыслом...

Наташа
Без адреса

От редакции. Любопытство, глупость и водка... Если не всегда, то, во всяком случае, почти всегда, за редким исключением, этот триумвират властвует в тех случаях, когда встречи молодых людей в конце концов заканчиваются «трахом». Любви нет, нет взаимного влечения друг к другу, нет желания обладать кем-то конкретно, только им и никем больше. Это влечение продиктовано совсем не чувствами. Тут дело не в чувствах и не в человеке, который, вполне возможно, случайно оказался в данный момент рядом с тобой. Это тот случай, когда и побеждает этот самый пресловутый триумвират. Осуждать побежденного не имеет смысла, хотя бы потому, что всегда глупым не бывает никто, иногда — каждый. Любопытство, как говорят в народе, — не порок, а большое свинство. Ну а водка просто разжигает любопытство и умножает глупость.

Конечно, подруги в подобных случаях всегда тут как тут со своими советами и наставлениями. Причем наверняка не все они

уже успели расстаться с девичеством, но ведь так хочется не ударить в грязь лицом, коль подруги считают, что трахаться — здорово. Кому же довелось это испытать, обязательно будут утверждать, какое это блаженство (девушки любят такое выражение — «я летала как на крыльях»). Ведь если блаженства не было, рад чего они тогда столь старательно занялись этим делом? Но наверняка каждой девочке известно, что начало интимной жизни прежде всего несет с собой сомнения, тревожные переживания в ожидании того, что случится, чисто физические болезненные ощущения, а никак не блаженство. Кстати, и блаженство испытывают далеко не все и не всегда, даже в тех случаях, когда это происходит не в первый раз.

Любопытство, конечно, Наташин кавалер удовлетворил. Вроде бы добилась она того, чего хотела, должна быть довольна. Ан нет. Как верно заметил мудрец, «любопытство есть недостаток детей, которые ничего не знают, и дураков, которым есть охота заниматься глупостями».

Но именно этим подвыпившая Наташа и занялась. На самом-то деле не хотела она того, что с ней произошло. Вот и получилось, как говорится: «любопытной Варваре нос оторвали». Нос-то у нее остался на месте. А вот душу покалечили, создав у нее комплекс вины за содеянную глупость. А эта болезненная рана заживает долго.

Все ошибаются. На той вечеринке очередь дошла и до Наташи. Пусть послужит ей утешением то, что не она первая и не она последняя. Наташе, конечно, хочется, чтобы те, кто прочитают ее письмо, смогли избежать подобных ошибок. К сожалению, так уж устроен мир, что новое юное поколение будет совершать все те же

ошибки, что и их предшественники. И учиться не на их ошибках, а на своих.

МНЕ НЕ НУЖЕН НИКТО ДРУГОЙ

Конечно, эта история, как и большинство — о любви, точнее об односторонней любви, невзаимной.

Сейчас я учусь в одиннадцатом классе. Два года назад, когда я была в девятом классе, мне очень понравился мальчик. Он был на год старше, учился в нашей школе. Мы были незнакомы. Через подруг я выяснила его имя, фамилию, номер телефона. Я позвонила, предложила познакомиться, но он бросил трубку. Больше я не могла набраться храбрости и позвонить. Я ходила по школе, искала его глазами, всегда старалась находиться рядом с его классом. Но он всё никак не обращал на меня внимания.

Так прошел год, началось лето. Ко мне приехала сестра, и я ей поведала всю эту историю. Она мне сказала: «Да не бойся ты, познакомься, подойди в начале учебного года, иначе он окончит школу, а ты будешь лить слезы и говорить: "Вот и дура, почему не познакомилась..." Не упускай свой шанс».

Вскоре начался учебный год. Я подождала две недели, и в середине сентября ему позвонила еще раз. Мы познакомились, в школе стали здороваться. Но общались по телефону. Мы созванивались каждый день, болтали часа по два, смеялись, шутили, мне было с ним очень интересно. В общем, я была счастлива!

Прошла осень. Выпал снег. Мы договорились сходить на каток. От меня на каток он ни на шаг не уходил, постоянно был рядом, после проводил до дома... Я была на седьмом небе от счастья.

Через некоторое время звонки стали всё реже, он стал от меня шифроваться, говорил родителям, чтобы отвечали, что его нет дома. И вскоре я узнаю вообще от незаинтересованных людей, что у него есть подруга. Я к нему. Он сказал, что да, что зовут ее Кристина. Сказал, в какой школе, в каком классе она учится. Я, не долго думая, выяснила всё про такую Кристию, но никакого друга Серёжи у нее не оказалось. В общем, он меня обманул. Недели три мы не общались вообще, в школе даже не здоровались. Но потом пришел Новый год. Я его поздравила. Всё стало вроде нормально, потом он меня поздравил с днем рождения. В итоге общение возобновилось. К тому времени я безумно в него влюбилась. Но он мне ничем не отвечал. Я была для него только другом. Я не могла держать всё в себе, вскоре всё ему высказала, всё, что чувствовала на тот момент, но увы... с его стороны не было ничего. Там уже не за горами был конец учебного года, и, осознавая это, я плакала каждый день, зная, что через месяц-два я его больше не увижу.

Потом я познакомилась с новой компанией. Там был один парень, который мне понравился, и я ему тоже. Его зовут Рома. Но мы не начали встречаться, так как все мои мысли были забиты Серёжей. Наступило лето. За всё лето мы с Серёжкой не СМСились, не созванивались. Я очень переживала.

26 августа он мне позвонил и предложил встретиться. Я была в шоке. Оказалось, что он хотел попрощаться. Он уезжал учиться в Томск. Мы встретились. У меня всё внутри вспыхнуло так, как не полыхало никогда. Но мы просто пообщались. У нас ничего серьезного никогда не было, кроме

дружеских объятий. И в этот раз мы погуляли полчаса, на прощание обнялись – и всё... Через день он уехал. Я тогда себе места не находила. Но проводить я его не решилась, он не звал, значит, ему так надо было, да еще там была девчонка – его одноклассница, с которой его связывали какие-то отношения... В общем, я не рисковала, хотя сейчас сильно жалею.

Конечно, в Томске Серёжа сменил номер, но я его узнала, правда, только через два месяца. Я позвонила. Услышав его голос, я расплакалась прямо в трубку, начала говорить, как скучаю, как безумно люблю и т.д. Он сказал, что тоже соскучился ПО ВСЕМ, а про меня лично – ни слова. После нашего разговора я долго плакала, а потом начала встречаться с тем Ромой, про которого говорила, решила отвлечься. Но всё равно моя голова забита Серёжей. К Ромке есть небольшая симпатия, но не больше. И тут мне пишет Серёжа. Неважно, что именно он писал, а важно то, что написал сам, первый. Я была в шоке. После Серёжиных СМСок я не могу успокоиться. Для меня любое слово от него – праздник. Я не знаю, что мне делать. Я так устала от такой любви. Я не могу его забыть. Я не могу взять все чувства, скомкать и выкинуть в мусорку. Как мне быть? С тем парнем мы встречались две недели – он меня бросил, но, если честно, то мне плевать на него уже, мне нужен только Серёжа.

Прошел Новый год, и 4 января Серёжа написал, что он здесь – дома! Мы встретились с ним за два часа до его отъезда (ему вечером уже надо было на поезд). Опять просто поболтали, на прощание я его чмокнула в щечку, он в ответ тоже. И всё. Попрощались, и он ушел. Когда я зашла домой – я была безумно счастли-

ва, но я плакала горячими слезами и от счастья, и от обиды, что так мало времени. Сейчас мы просто иногда переписываемся СМСками, но когда речь заходит о моих чувствах, он начинает передо мной извиняться за то, что я его так люблю, а он меня – нет. А мне от его «прости...» еще больнее.

Но для меня Серёжка – просто идеал. И забывать я его не хочу. Пусть говорят: «Время лечит», «С глаз долой – из сердца вон». Да ничего подобного. Уж точно это не обо мне. Как сделать так, чтоб я стала для него хотя б чуть-чуть больше, чем другом?! Мне не нужен никто другой.

Наташа
Хакасия

От редакции. Устала Наташа от такой любви... Что ж, ее можно понять, потому что такая уж у нее любовь – это она любит, страдает... Только вот нет ни малейшего основания утверждать, что Серёжка тоже любит ее или хотя бы просто уважает или ценит Наташино чувство. Вот уехал на учебу в другой город – и даже номер телефона сменил, не удосужившись поставить ее в известность. Наверняка то, что девушка безумно влюблена в него и вот уже два года, несмотря на то, что у нее нет даже надежды на взаимность, не изменяет своему чувству, льстит его самолюбию. Но не только.

«Ни один человек не способен жить весь день, недели или годы в атмосфере нежной страсти. Всё утомляет, даже то, что тебя любят», – заметил известный французский писатель Андре Моруа. Скорее всего, он не ошибается, утверждая это.

Кажется, то же самое произошло и с Наташиным Серёжей. Вначале он был просто равноду-

шен к ней и милостиво позволял девушке любить себя. Тем более что это не составляло для него никакого труда и не требовало никаких ответных шагов. Ну, есть что-то в мире, что его совершенно не касается и существует вне зависимости от него. Естественно, ему это совершенно безразлично. Вот этим безликим «что-то» стала, по существу, и Наташа.

Теперь же, когда он стал студентом, у него совершенно другая жизнь, другие интересы, новые друзья. В этой новой жизни для Наташи у него уже нет места. А тут еще ко всему добавилась и разлука. Она ведь как ветер – раздувает только сильный огонь, а слабый гасит. Только ведь никакого огня – ни слабого, ни сильного – у Серёжи ведь и вообще-то не было. Так что придется Наташе оставаться со своей любовью в одиночестве. Гордом, томительном и тоскливом. К тому же ее ситуация усугубляется тем, что с самого начала она повела себя, мягко говоря, не самым правильным образом. Мы знаем, что у многих девушек есть такая иллюзия – что понравившегося им парня можно «завоевать», или, воспользовавшись Наташиными словами, «сделать так, чтоб я стала для него хотя б чуть-чуть больше, чем другом». Увы, уважаемые девушки, ни «завоевать», ни «приручить» парня, который не хочет с вами вступать в любовные отношения, нельзя. В лучшем случае можно лишь, воспользовавшись какой-либо ситуацией, одновременно переспать с ним. Но зачем? Только для удовлетворения собственной гордости. Ведь к любви это никакого отношения не имеет, и, скорее всего, не будет иметь никакого продолжения. А может быть, и вообще поставит крест на наших отношениях с таким парнем.

Наташа же с самого начала просто-напросто вешалась парню на шею: рыдала в трубку, объяснялась в любви, говорила, что не может без него... Наверное, услышать такое для любого парня — действительно лестно. Но если ему ничего этого абсолютно не нужно... Вот тогда и меняют номер телефона, шифруются и просят родителей говорить, что «нет дома». Наташе, осознав это, надо было бы отойти в сторону и пережить в одиночестве крушение своих любовных надежд... А она продолжала «доставать» Сергея, невольно подогревая в самой себе свое безответное чувство. Вот так и образовался замкнутый круг, из которого нет выхода. Впрочем, он есть, но только Наташа сама не хочет к нему прибегнуть: ей действительно нужно постараться объяснить самой себе, что ее чувства к Серёже не имеют будущего. Не рассчитывать ни на какое «завоевание» этого парня. Когда она это поймет — ей станет гораздо легче.

И вот тогда действительно время ее вылечит.

ВСЁ ПРОСТИЛ...

Пишу вам не для того, чтобы пожаловаться на жизнь. Жизнь прекрасна! Особенно когда рядом с тобой любимый человек, который тебя понимает.

Я пришел из армии и, как это часто бывает, узнал, что моя девушка мне изменила. И не с кем-нибудь, а с моим лучшим другом, который переспал с ней, а потом всем об этом растрепал. Так эта «новость» дошла и до меня. Сначала хотел поубивать всех на фиг. Я был в шоке: ведь писала, что любит, ждет и обязательно дождется. Я тоже посылал ей письма с признаниями в любви, с планами на будущее, когда мы, наконец,

будем вместе, у нас будет семья, дети. И вдруг такой облом, да еще с соседским парнем, который позарился на чужое добро. Как будто что-то украл у меня. Конечно, тяжело почувствовать, что тебя предали. И лучший друг, и любимая, и, я чувствовал это, — любящая меня подруга. Что оставалось делать? Смириться со случившемся, обоих простить и глотать свои горькие обиды?

А потом решил поговорить со своей девушкой и попытаться понять, почему же она так поступила. И она честно рассказала мне всё как есть. Что я был далеко, писал редко, а мой «лучший друг» пудрил ей мозги, говорил, что лю-

Однажды в компании приятелей они отмечали какой-то праздник. Ну, как всегда, водка, музыка, танцы... Многие в подобной ситуации теряют контроль над собой. Тут и море по колено, и вообще всё нишечем. Моя подруга — не исключение, ей тоже показалось, что ей всё дозволено, ничего предосудительного в этом нет. Вот и не устояла. Потом сама себя за это корила. В конце нашего разговора она попросила простить ее.

Я ее простил. С тех мы вместе уже четыре года. Мы счастливы, у нас растет хорошенькая дочка. А ошибки обязательно надо прощать, особенно самым близким людям.

Макс
Алтайский край

От редакции. Еще в начале прошлого века известный английский писатель и философ Батлер, с большим скептицизмом относившийся к мещанскому миропониманию и религиозному ханжеству, сказал: «Жить — то же, что любить: разум против, здоровый

инстинкт — за». То, что случилось с Максимом, лучшее тому подтверждение.

Большинство молодых ребят, отправляясь на службу в армии, расстаются на время со своими любимыми девушками. Он обещал писать, она — хранить верность и ждать, ждать. А дальше у всех случается по-разному. Бывает, он возвращается, а она уже замужем. Или зеркальная ситуация: она ждет — не дождется, а он возвращается в родные пенаты с молодой женой. Всё в жизни может пойти вразрез с тем, о чём задумывалось ранее — радость встречи, свадьба, начало семейной жизни... Какой она будет — тоже никто, и сами молодые, не в силах предугадать. Впрочем, они об этом и не задумываются, для них и так ясно: впереди счастливая жизнь. Однако браки происходят по любви, и всё же со временем находят причины для разводов или хотя бы супружеских измен. В этих случаях кто-то кого-то может или простить, или поставить крест на прошлом, посчитав, что так будет лучше и ему, а может быть, и им обоим.

Вот и Макс у пришлось решать совсем не простую задачу. Возвратился, можно сказать, к разбитому корыту. Поди тут и реши: она любит по-прежнему или ее любовь осталась в прошлом? А если они всё-таки будут вместе — не появится ли вдруг еще какой-нибудь «лучший друг», который станет его «дублером»? Можно ли простить обиду, стоит ли, в конце концов?

Объективно у Макса было достаточно убедительных и справедливых претензий к своей подруге. Он был вправе махнуть рукой и обратиться внимание на какую-нибудь другую девушку, тем более что на его «изменщице» свет клином не сошелся. Никто бы его

за это не осудил. Да, разум не без основания был против бывшей любви. И всё же победила любовь. Как будто Максим услышал мудрый совет замечательного драматурга Александра Вампилова: «Если собираешься кого-нибудь полюбить, научись сначала прощать».

Вообще-то какое бы Максим решение ни принял, в любом случае его можно было понять. Однако он поступил мужественно. Его подругу можно осуждать, но можно, так сказать, и помирить. Никто не застрахован от ошибок, и нередко обстоятельства превалируют над здравым смыслом. Между тем очень многие девицы выходят замуж, давно расставшись с девственностью, которая сейчас, кажется, не очень-то в цене. Хотя это ведь тоже своего рода измена. Однако же ни для кого из будущих супругов это не имеет решающего значения, и никто не задается вопросом — прощать или нет: что случилось, то случилось. У каждого была своя жизнь. Самое главное — любят ли люди друг друга.

Судя по всему, девушка любит Максима. А по большому счету, измена означает, что изменились чувства, охладела душа, а при встрече перестало радостно биться сердце. Раз такого не случилось, им суждено быть вместе. Причем, как нам кажется, морально девушке придется в будущем гораздо труднее, чем ее супругу. Он простил и вычеркнул горечь обиды из памяти, из своей жизни. Она обманула его на одну ночь, себя — на всю жизнь, ибо горькое чувство пережитого навсегда останется в ее душе. А это тяжелый груз, с ним не так-то просто расстаться. От этого есть только одно спасение — любовь. Любовь Макса и вера в то, что это навсегда.

Анастасия БУРДИНА

ПЕСНЬ О ПОТЕРЯННЫХ

Повесть в рассказах

Иллюстрации Сергея Минина

Иногда ночью меня будят песни потерянных сердец, иногда моё сердце поёт их голосами.

СИНИЙ ШАРИК И САПОЖНЫЙ КРЕМ

Яд дышу, яд ем, яд пью.
Я живу, я нет, я льюсь.
Синий шар, желтый шар, голова в жар.
Веры нет, пути нет,
Масло пролито.
Человека нет, еще одного нет,
Никого нет. Точка. Нет.

Вечеринка достигла той кондиции, когда хорошо всем. Парочки уединились, у бухариков пока не началось похмелье, все счастливы. Хотя и собралась «творческая молодежь», но понты всё же сброшены. В такой приятной обстановке покурить гашик – милое дело.

Молодой поэт Макс соорудил бульбулятор¹, Лёха (не менее молодой художник) изображал маятник. Я боролся с пьяной зевотой. Макс дунул. Лёха качнулся в его сторону. Я взял экс-бутылку.

¹ Приспособление для курения наркотических веществ, изготовленное из пластиковой бутылки.

Анастасия Бурдина родилась и окончила школу в Чистополе, в Республике Татарстан. Сейчас учится в Москве, в Литературном институте имени Горького. Повесть «Песнь о потерянных» – первая публикация Анастасии Бурдиной.

Не вопрос!

– Полное говно! – отплеывался Макс. – Что за дерьмо они туда наметали?

Во рту был мерзкий привкус. Тыфу!

– По фигу, – качнулся Лёха в мою сторону, я передал плюху¹. Тот затаился так, словно хотел выпить весь дым. Он даже стал похож на шарик. На синий шарик. Покруглел и посинел Лёшка...

Но всё равно гашик отстой. Развезло, и всё.

Хлёп! Лёха, синий гад, уронил бутылку!

На лице Макса нарисовался ужас. Лёха хрипло дышал. Раз вха. Два вха. Три вха. И на этот раз упал Лёха.

В сон клонить перестало. В голове воцарилась неестественная ясность.

– Вызывай «скорую»! – прикрикнул я на Макса.

Тот бешено озирался:

– Нельзя... пропалят, какими мы тут плюшками балуемся. – Он искал средство и Лёхе помочь, и чистеньким остаться.

– Вызывай к дому, я его на улицу вытащу. В девятиэтажке нас найти нереально.

Макс поплелся к телефону. Я взгромоздил руку Лёхи на плечо, чтобы если встречу кого, сказать, что тот перебрал, а я тащу его на воздух.

– Сейчас... сейчас... хоть хрип кончился... Скоро лифт приедет...

Быстрее... Быстрее... зачем лифт всегда едет так медленно! Первый этаж. Еще немного. Чуть-чуть. Оттащить от подъезда. Здесь, значит.

Лёха лёг слишком легко. Мне это показалось страшным. Не хотелось даже пульс его щупать: что если не найду?..

А время идет. А мне оставаться здесь мне нельзя. А так Лёху бросать тоже нельзя. Никак.

Но время шло. Но Лёха не двигался. Но я его оставляю не просто так, а с курткой.

В тот самый момент, как я сворачивал ее в аккуратный рулон, из-за угла вылетел сине-красный свет, «скорая». Бежать в подъезд нельзя, поэтому бежать надо от дома. Рядом парк, там не найдут. А если и найдут, то не докажут.

Никогда раньше так не бегал. Пока не почувствовал себя в безопасности, не мог остановиться. Достаточно безопасным мне показался небольшой лесок. Я грохнулся на четвереньки у раскидистой сосны. Через секунду на меня упало всё выпитое и скуренное.

Тогда и четвереньки показались мне чересчур высоким местоположением. Руки перестали держать, на голову будто упала гиря. Распластался на животе.

Я лежал и смотрел налево. Луна была низко. Светила ярко. Я моргнул. Луна стала светить еще ярче. Я моргнул. Она стала желтее. Я моргнул. Светло, как днем. Я моргнул. Их стало две. Я моргнул. Их стало четыре. Я моргнул. Их стало восемь. Потом шестнадцать. Потом тридцать две. Потом шестьдесят четыре. Потом сто двадцать восемь. Я моргнул. Шарик полетели к соседнему дереву. Закрыв глаза, я повернул голову. Шарик жались друг к другу. Я моргнул. Шарик перестали сиять, но свет ос-

¹ Синоним бульбулятора.

тался. Я моргнул. Шарик сложился в силуэт. Я моргнул. На человеке были джинсы и моя куртка. Значит, это Лёха.

Я осторожно подполз к другой сосне.

– Привет! – заявил он и зарябился, как свет на воде.

– Лёха? – Я дополз до сосны и с трудом оперся о ствол. Я хотел встать. Хотел.

– Ну, у тебя и видок! – всплеснул он.

– Как ты от «скорой» сбежал? – Перед глазами всплыла картина, как Лёшка бежит от врачей. Они его ловят, ловят, а он превращается в синий шарик и уплывает в небо...

– Это тебя глючит.

– Галлюциногенный Лёшка. Хах. А галлюциногенный гриб был бы лучше...

– Не-а, – заколыхался он протестующее, – лучше вообще ничем не убиваться. Хорошо это не кончается, а я так вообще умер.

Гиря с головы моя пропала, но туман чуть подрастеевался.

– Как? То есть, не может быть. От чего?

– От аллергии. У меня аллергия на пчелиный воск.

– И что?

– Гашик-то был с примесью. С обувным кремом, отсюда и мерзкий привкус. В состав крема входит пчелиный воск, и раз уж он попал в легкие... никаких шансов.

– Тупость какая.

– А как родителям смешно будет. Оборжешься, – приглушённо булькал он.

– Я не понимаю, как ты на подобный финт раньше не напоролся?

– Да я недавно попробовал.

– Ещё не укурю даже...

– Уже.

– Гашик – это несерьезно. Подсесть можно только, если два года без перерыва пыхать.

– Ага. А кто перестает, начав? Сначала не хочешь, а потом уже не можешь... – Рябь стала мелкой, навязчивой. – Всё равно что с пятого этажа прыгнуть: выжить можно, но шанс один на миллион. Бросай, пока тоже не помер.

– Может, и так. Но я не думаю, что мне после сегодняшнего влезет.

– Влезет, и больше, чем обычно. Ты же еще забыться хочешь, верно?

– Может, и так.

– Ах, да. Я же пришел, чтобы дать тебе дельный совет: беги.

– В смысле?

– Я сказал родителям, куда иду. Сечешь?

Еще бы я не понял! А Лёха уже не просто рябился, а прямо-таки кипел.

– Куда бежать?

– За границу, в Сибирь, хоть в Подмосковье, лишь бы не нашли.

– Спасибо. Зачем ты явился ко мне?

– Просто ты с ума сошел, – вскипел окончательно и вновь рассыпался на пузыри Лёша. С десятым взмахом ресниц стало темно и безлунно. Я вырубился.

Врубился. Раннее утро. Все штаны в лесной фигне. Все мозги в словах Лёхи.

Умер. Из-за меня. Это я достал контрафакт. Как же охота курить! По хорошему мне надо пойти в милицию и признаться. Это было бы правильно. Меня бы поместили в лечебницу. Так будет правильно.

Но Лёхе-то какое дело? Мне для того, чтобы искупить вину, надо застрелится или повесится. Я взял его жизнь, верну своей. Так было бы по Закону. Так бы он почувствовал...

Но какое ему всё-таки дело? Он сам меня предупредил, чтобы я мог жить счастливо. А мертвым этого не сделаешь.

Мне-то какое дело? Человек живет, чтобы получать удовольствие, а мораль, честь, совесть – это умение получать удовольствие не в ущерб другим. Только и всего. Да, я убил Лёшку, но жизнь на этом не кончается же. Я молод, в конце концов, и не могу тратить Свое время на протирание штанов в лечебнице. Сам брошу, если понадобится.

Извини, Лёха, но я жить хочу. Значит, на метро до дома, собрать всё необходимое и умотать куда подальше и побыстрее, пока не начали искать.

А если начали? Вон тот человек... А если прибавить шаг? Не отстает, сволочь. А если замедлить? Тоже замедлил. Он за мной следит! Бегу к метро.

Оторвался. Обрадовался. Так обрадовался, что столкнулся с огромными серыми глазищами. Хотел извиниться, но они впились в меня и хотели выпить до донюшка. Девушка упала, а глаза ринулись за мной.

Засада! Зачем здесь столько ментов?! Тридцать и две собаки... Они за мной. Точно, за мной! Маршируют ко мне... Если вскочить в поезд, то всё равно не уеду. Куда прёте?

И глаза догнали. Пьют, пьют, сейчас ни капли не останется.

Едет поезд... и там тоже должна быть засада! И глаза бегут быстрее поезда. Живым не возьмёте!

В последнем шаге с платформы под колёса, я думаю, что это будет честно.

Бывают сердца, потерявшие границу. Глаза их подобны глазам перелётных птиц. Стук их подобен стуку непрошенного гостя в дверь.

БОЛОТО

Положи свою холодную руку

На мой горячий лоб.

Умоляю, сделай так,

Чтобы мне стало легче хоть на миг.

Я пробовал принять,

но я не смог.

Я пробовал бежать,

но некуда даже идти.

Помоги мне пережить то,

Что солнце встанет еще раз.

Помоги мне забыть,

Что во мне нет смысла.

Дай мне смириться!

Ничто никогда не изменится...

– Маааа, дай воды!
Улыбается, кивает головой.
– Ма, пожалуйста.
Улыбается, кивает головой.
– Мамочка, я пить очень хочу...

Улыбается и кивает головой. А вокруг пустыня. И солнце, которое не греет, а жарит. И жажда. А у мамы вода... И как я хочу пить! Мама, зачем ты меня мучаешь???

– Пить вредно. Но если ты очень хочешь, можешь попить мою кровь.
Смеётся. Идёт красный дождь. Мама тает. Вздрагиваю от ужаса и просыпаюсь. Вдыхаю. Моргаю.

Закрываю глаза и вспоминаю, как мне плохо.

Такое ощущение, что моя голова – наковальня. Бум. Бум. Бум. Боль. Боль. Боль. Бессмыслица. Зачем?..

Поворачиваюсь на правый бок. Лёжа на кровати, опускаю ноги на пол. Нашариваю тапки. Сую в них ноги. Пить надо меньше. Не надо пить вообще... Но как без этого.

Упираюсь руками. Делаю рывок. БУМ! БОЛЬ!..

Непереносимо. Штормит. Комната плывет... комната попадает в водоворот.

Сию на кровати. Еще немного. Осторожно встаю.

БУМ! Боль... Стенка. Без стенки утону в водовороте. Пойду ко дну. Поэтому иду по стеночке. Кухонька. Холодильник. Открываю. Прохлада.

Хватаю бутылку «Бочкарёва». Стеночка, стеночка, стеночка... стульчик. Прикрываю глаза. Мне легче. В голове уже нет противного гула, так... шумчик.

События вчерашнего дня предстают перед глазами с убийственной точностью. Лялая... как можно было прийти на работу в таком состоянии, чтобы популярно объяснить начальнице, насколько меня волнует её мнение по поводу того, что я появился на работу пьяный. А потом я еще пил... За то, чтобы всё было хорошо, чтобы найти новую работу лучше прежней и чтобы просто выпить.

Дааа... Бухал жестко, в гордом одиночестве... никто не хотел напиваться среди недели. Бутылка водки и томатный сок... бутылка водки и бутылка водки... Ночь и дикий оркота.

Зачем я вспомнил? Зачем я это сделал? Снова забыться... как же я хочу вновь забыться. И бутылка пива здесь не помощник, а бутылка водки просто не здесь. Натягиваю кеды, набрасываю куртку. Пропадай всё пропадом! Денег нет, работы больше тоже не будет. Кризис, мать вашу... А эта стерва давно бросала алчущие взгляды на мое место. Младшему братику тоже надо работать. Давно искала повод. Сука. Пути назад не будет. Даже зарплату фиг отдаст...

Ничё, выживем. Жизнь научит, жизнь заставит. Не хочу я сейчас с этим бороться! Не хочу бороться, устал. Надоело. Чуть-чуть отдохнуть. Хоть немного.

А рядом едут машины... спешат люди, автобусы, троллейбусы, трамваи. У забора детского двора стоит неизменный просильщик Коля. Только таблички иногда меняет. «Помогите жертве кризиса». Современно. Остро. Жизненно. Но кто тебе подаст, дорогой? Все мы в одной лодке.

Захожу в «Лиловый слон». Стандартный стенд с ликеро-водочными. Три бутылочки водки (скорее всего, паленой). Стаканчики. Продавщица косится на меня. Рановато для того, чтобы нажраться в хлам. Новенькая, не привыкла еще. Ну, деньги у меня не хуже, чем у других. Не хочешь? Магазинов много... Сюю пятьсот рублей. Получаю сдачу.

Даже пакет не предложила. А я не спрошу. Я из гордости (глупости) спрашивать не буду. Так понесу...

Коля заинтересованно смотрит на бутылки. Я подхожу и задумчиво спрашиваю.

– Много подали?

Коля отвечает не сразу. Он-то понимает, что от его ответа зависит, дам ли я ему выпить или нет. Отвечает вдумчиво, как безалаберный студент на экзамене:

– Не больше, чем обычно.

Хороший ответ.

– У меня тоже не клеится. Пойдем, что ли, выпьем?

Коля, побрякивая, встает, походкой жирного гуся переваливается в опустевший детский двор. Здесь можно бесстыдно распивать спиртные напитки даже днем – детей всё равно нет. А если и есть, то здесь они не гуляют. Сначала пьем с заливкой. После энного стакана понимаю, что убеждаю Колю в чём-то... Он совершенно согласен, но я продолжаю его утешать.

– Ничё не имеет смысла. Ни-че-го... Я мог бы там заработать кучу лавандоса, но это надо себя в грязь втоптать.

– Суета сует и томление духа, – сонно кивает Коля.

– Да даже не в этом дело. Ясен пень – бабло с собой в гроб не положить. Всё это ветер. Пуф. Ничто. Дым. Понимаешь, сегодня есть, завтра нет. Даже моя семья. Отец... жил, работал... и инсульт, мать его! Всё полетело на фиг! Парализовало. Инвалидность. Пособие – грош... заработать не мог. Работать не мог. Без работы не мог. Трудоголик. Недолго мучился... застрелился через год. А мать... с психикой начались сдвиги. У брата с женой в Самаре живет. Они ее только ради квартиры терпят... А так бы выгнали... маму. А я тут с Камскими полянами отмираю...

– И это пройдет... – пьяно всхрипнул Коля.

Камские поляны... Я ощущаю странное родство с этим местом. Гиблое... Да, оно мертво и стремится затянуть с собой как можно больше людей. Золотой телец всегда получает человеческие жертвы.

Сначала хотели сделать ядерную станцию, но... Разлом в земной коре дело опасное, а тут еще недавно Чернобыль был. С реактором не клеится, а дома-то уже построили. Люди, что делали станцию, должны были на ней и работать. И такой облом. Так что решили сделать «русский Лас-Вегас». Закрыли заводы, открыли игровые салоны, автоматы... Но...

В чём разница между русским захолустьем и американским мегаполисом? Прежде чем стать приманкой для туристов, Лас-Вегас создал себе весьма твердую материальную базу. Камские поляны же стоят на болоте. И теперь они тонут вместе с его жителями.

Приезжих практически нет, работы тоже. Гостиницы и игровые автоматы... Сжирают последние деньги... Коля запил проигравшись...

Вот так и я. Растили для чего-то большего. Программист. СГУ. В итоге уехал в Камские поляны, где квартиры подешевле. Хотел жить один. Теперь не очень. Да поздно локти кусать – нечем.

Коля откровенно спал. У меня же включился автопилот. Шатающейся походкой побрел домой. Мимо плыли серые безнадежные дома и сверкающие декорации казино.

ВЕТКА

Проснулся с бодуна. Живешь – хочется выпить, выпил – хочется жить.. на этот раз голова не болела. Просто не мог встать. Было такое чувство, что если я двинусь хоть на миллиметр, то всё взорвется от боли, а желудок поднимет бунт против еды... Зачем надо было столько пить?..

Дзынь! Взрыв! Как больно... моя несчастная голова... даже пеплом посыпать было бы не так больно.

Дзынь! Ооооо... Надо встать и прекратить эту пытку. Надо встать и открыть. На бок, ноги на пол, упор руками. Взрыв! Дзынь!

– Сейчас!

Шаг. Стенка. Стенкашаг. Стенкашаг. Стенкашаг... Дзынь! Взрыв! Стенкашаг. Сенкашаг. Стенкашаг. Щёлк. Скрип.

– Привет!

– Привет...

ОНА... Аня. Тот еще фрукт. Она не пила, не курила, не нюхала. Ей это было не надо. У Ани был свой мир, в котором она и жила, изредка выполняя повзаимодействовать с внешним миром: получить пищу.

Сегодня серые глаза ее были с оттенком бездны колодца, значит, посочувствует.

Аня по-хозяйски схватила меня за рукав и потянула на кухню. Шатаюсь, потянулся за ней. Аня включила чайник (для себя) и достала из холодильника пиво (для меня). Счастье, что я до него вчера не добрался.

Старый электрический чайник зачем-то натужно свистел, выводя причудливый гибрид «К Элизе» и соло на электрогитаре. Никак не соберусь его починить. Да и зачем?

– Чайник твои деньги просвистывает, – заявила Аня.

Я присосался к бутылке.

– Меня с работы уволили.

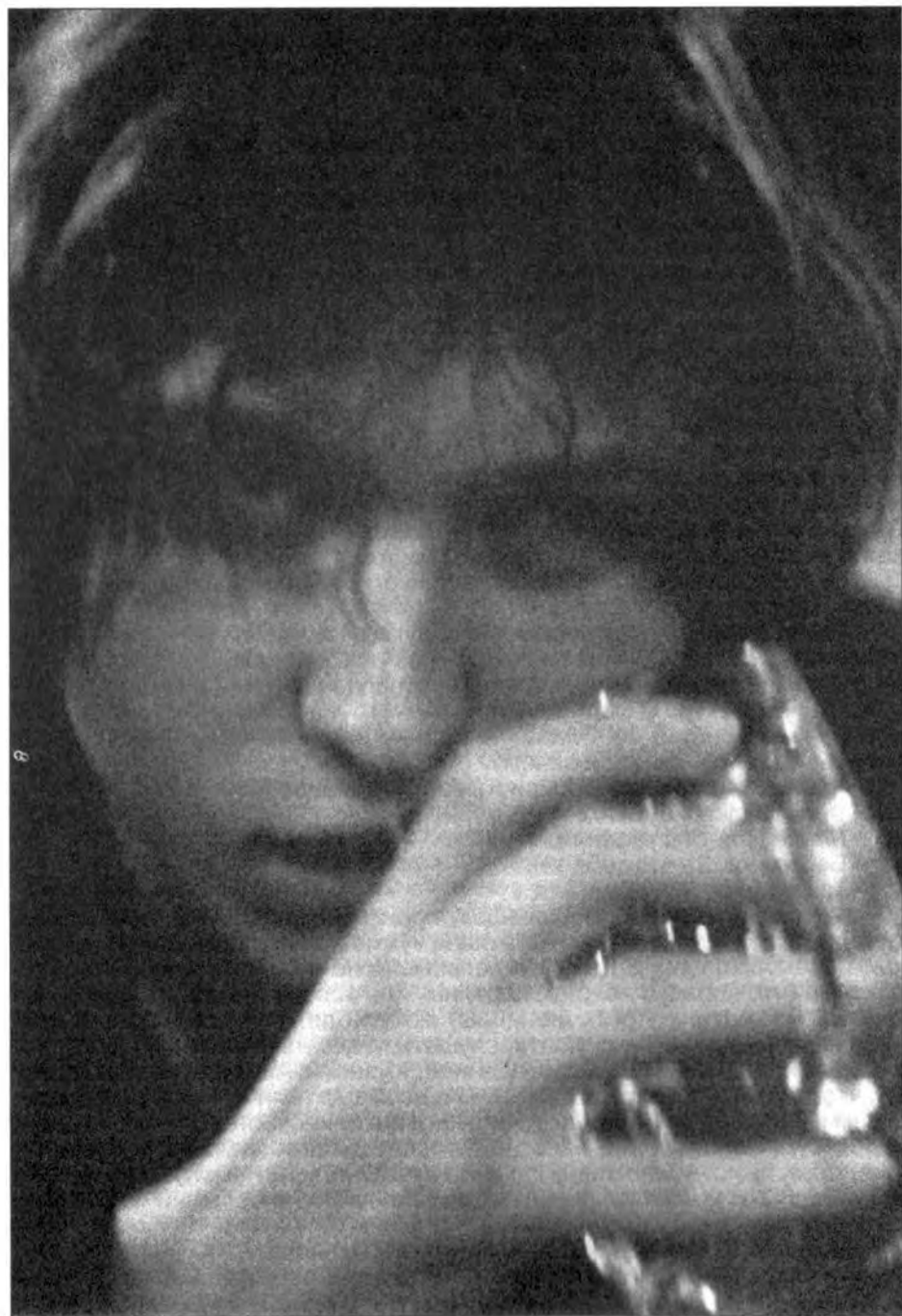
– Бедняжка. За что тебя так?

– Так вышло.

Аня пожала плечами. Не хочешь говорить, не надо. Ей не нужны были детали. Это была губка, впитывающая чужие несчастья и взамен выпускающая великолепную пену: гениальные (я не был в этом уверен) абстрактные (что верно, то верно) картины. Аня рассказывала, что в Москве (здесь она гостила у родственницы) любила до упаду кататься на воскресных электричках и слушать, слушать, слушать пьяные исповеди незнакомых людей. Даже к родственнице, я уверен, Аня ездила лишь потому, что та была одинокой женщиной с двумя детьми в гниющем городе. И сам я был интересен ей, потому что (и пока) несчастен. Такой человек, как я, будь он счастлив, никогда бы не заинтересовал Анну. Впрочем, мне тоже было нужно лишь сочувствие. Она меня выслушивала и не осуждала. Вот и всё, что мне было от нее нужно по большей части. А по меньшей? Не знаю, была ли она...

Аня громко хлебнула чай. Приложился к бутылке.

– И что ты теперь делать будешь? В городе с работой... ну ты сам знаешь...

– Знаю. Выживу как-нибудь.

– Может, тебе в другой город перебраться? В Самару там. К родственникам. Какая-никакая, а родня всё-таки.

– Жени-то? Ох, они помогут...

Брата зовут Евгений. Его жену – Евгения. Мать Марина. Жени не помогут, Женям пофиг. Жени живут в маминой квартире, Женям соседи не нужны. Тем более я... Я более всех.

– Из-за этого тебя уволили? – кивнула она на бутылку.

– Типа того.

– Зачем ты пьешь? Какая от этого польза? Ничего же лучше не становится от этого?

Не станет. Но оттого, что ты мне это скажешь, я ведь тоже пить не брошу? Аня, ты ведь прекрасно знаешь, что голословные утверждения не ведут ни к чему, кроме отвратного настроения. Я отвечу лишь:

– Ну да.

– Я такое не в первый раз вижу. Сначала начинаешь пить ее как антидепрессант и стрессосниматель, а потом она начинает пить тебя... Если тебя что-то не устраивает – действуй, а не пей.

– Ничего не изменишь. Я пробовал.

– Ну да?..

– После того как мама начала умом мешаться, Жени быстренько оформили опеку и захапали квартиру. Им мать была совсем не нужна, только квартира... Смотреть было противно. И я уехал, чтобы начать новую жизнь.

– И начал? Не обижайся, но ты ни фига не сделал. А пьешь, чтобы ничего не видеть. А надо действовать, менять.

– Зачем? Всё равно. Что бы я ни делал, что бы ты ни делала – ничего никогда не меняется. Как было тысячу лет назад, так и сейчас. Кто сильнее, того и мамонт. А другие люди нужны лишь, чтобы ими воспользоваться...

– А что ты хотел? Как ты сам относишься к людям? Ты их используешь, они платят тебе взаимностью. Ты хочешь смысл, но сам ни во что не веришь. Я даже не уверена, любишь ли ты кого-нибудь. Даже себя – не знаю, любишь ли ты.

И она ушла, хлопнув дверью. Куда? Рисовать. Ее огромные глаза стали цвета неба. Аня получила свою дозу вдохновения. А мне надо проспать.

РЫВОК

Медленно открываю глаза. Мерзко... Мне снился прекрасный пруд с чистой водой. Разумеется, я с разбегу сиганул туда. И что? Вода оказалась мутно-грязной, в ней плавали змеи, мелкие крокодилы и гигантские жуки. Я поплыл к берегу. Край был крутой и обрывистый. И по всему периметру были змеиные норы. И из каждой по голове. И все шипят. Стоит приблизиться к норам, они прячутся и шипят из темноты. Уклонут. Укусят. Ужалят. Убьют. Мерзость какая. Но самое противное... Но самым противным было ещё что-то... Что-то, чего я не помню, из-за чего я проснулся.

Надо выпить и помыться. На бок. Ноги вниз. Упор. Рывок. Сел. Встал. Беру чистую одежду. Плетусь в душ. Кран красный. Кран синий. Пусть

будет прохладным и быстрым. Сел в ванну и поливаюсь. Отключиться. Забыться. Забыть. Холодно.

Ария тореадора. Дебильник. Перебьется. Меня нет. Но холодно... слишком холодно. Надо встать. Халат. Так и быть. Отвечу. Номер незнакомый. Кто?

- Алло?
- Привет!
- Женя?!
- Здорово, братишка.
- Недавно сменил номер?
- В прошлом месяце. Забыл сказать.
- Ясно. Как мама?
- Да вот я как раз о ней... хотел узнать... ты случайно не мог бы...
- Дай сюда! Не умеешь – не берись.

Шелест вырываемого из рук телефона. Голос Жени. Женя не любит пролудий.

- Привет! Старая совсем плоха стала. В больницу сдавать неохота, слухи, сам понимаешь... у тебя сейчас с деньгами напряг. Мы тебе заплатим, ты за ней присмотришь.

Что?! Женя... Как это назвать?.. Ты же родную мать продал. Продал – так это называется. А я... я тоже сейчас продам. И подороже.

- За сколько?
- Пять тысяч в месяц.
- А меня вообще-то уволили... Не маловато ли на двоих?
- Семь?
- А лекарства?
- Или восемь, или мы находим другую сиделку.
- Еще пятисоточку, на подарочки.

Шелест. Шепот.

- Ладно. Привезем послезавтра в пять.

Иду в магазин. Беру водку. Ровно столько, чтобы потопить отвращение к себе. Выпадаю в осадок на дно бутылки. Возвращаюсь в себя в двенадцать. Мне снова снился тот же сон. Я вспомнил, что в нём было самого мерзкого. Я. Я тоже был змеей в этом гадком водоеме, его вонь преследует меня до сих пор. И в самом деле: что воняет? Проблевался. Грязь... Как грязно! И мама скоро приедет. Хватаю тряпку.

Всегда, всю жизнь. Как бы мерзко и плохо мне ни было, я умел сказать себе «надо» и начать расставлять всё по своим местам. Я убираюсь мучительно долго, но к десяти вечера привожу квартиру в порядок. Немного вздремнуть...

Проснулся. Принял душ. Оделся. Пил. Чай. Гудок машины. Жени.

Он, виноватый, – «Привет!», она, красивая, – «Вот деньги!». Целую растерянную маму – «Милый!». Сворачиваются. Уезжают. Мать беспомощно смотрит им вслед.

- А Женечка?.. – кротко спрашивает она.

- Уехал. Он навестит тебя. Навестит. Не волнуйся. Всё будет хорошо. Я сделаю. Сделаю.

Я улыбнулся и взял маму под руку. Она слегка обмякла и потянулась за мной. К нам приближались глаза цвета старого колодца. Рот Ани дернула легкая улыбка.

Никогда больше я не видел таких глаз.

Бывают сердца, потерявшие дом. Глаза их подобны глазам брошенных собак. Стук их подобен стуку капли.

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

ИГОЛКА. СЕЙЧАС И РАНЬШЕ

Кто-то наслаждается жизнью,
Кто-то устраивает истерику,
Кто-то плачет в туалете,
А кому-то на всё плевать...
Кто-то ищет Америку,
Кто-то скучает по дому,
Кто-то жаждет свободы,
А кому-то всё еще плевать...
Кто-то умирает трагически,
Кто-то во сне старым,
Кто-то от разрыва сердца,
А кто-то уже умер,
И это, кажется, я...

Вот сижу здесь. Сижу в кабинете у психотерапевта. Или психоаналитика? Может, даже просто в кабинете у психолога... так или иначе, это связано с психами. Я – одна из них. Если повезет – временно, если не повезет – пожизненно.

По своей воле я бы никогда не оказалась здесь, даже не пошла бы на прием к психоаналитику, психологу, тем более обходила бы стороной кабинет психотерапевта. Мда. «Куда ты идешь?» – «К психологу». И уже чувствуешь себя как минимум психом. Раньше было проще. «Куда ты идешь?» – «К ведьме». Звучит намного солидней. А ведьма-то мозги на место и ставила, не хуже всяких там психологов...

И всё же надо было идти на прием в этот кабинет раньше. Теперь и нечего на место ставить. Теперь в голове лишь какие-то глупые рассуждения на тему – что могло бы быть, приторно-горькие воспоминания и некогда модная песенка: «What is love? Baby don't hurt, don't hurt me no more»...

Аннигиляция Аральского провала аннулирует аритмию... Лживое закливание! Зачем ты не работаешь? Зачем ты раньше работало? Зачем ты тычешься в мою голову, как нить в игольное ушко?..

ПЕРВЫЙ ЛОСКУТ. ДОЖДЛИВЫЙ

Когда-то, может быть, неделю, а может, и полгода назад, на моём будильнике стояла эта песня. Я ненавидела вставать рано, а любимая музыка могла чуть поправить дело. Но даже страстно обожаемая песня через месяц ее пребывания на будильнике становилась ненавистой. Я не могла вставать под одну и ту же композицию больше четырех недель подряд. Раньше.

Теперь я не хочу вставать ни рано утром, ни поздно днем, ни очень поздно вечером. Никогда.

Раньше я бы с радостью валялась до полудня, но, лежа на диване, много не заработаешь. А деньги вещь нужная. Так что работать приходилось много и разнообразно: официанткой, раздавать флаеры, участвовать в массовках. Последним (и лучшим) местом моей работы был магазин сетевой связи. Я достаточно мило улыбалась клиентам и начальству, чтобы получить премии почти каждый месяц.

Гримила комнату на Тимирязевской. По умеренной цене. Нас было четверо. Несчастные молодожены Аня и Ваня (тогда они отдыхали в санатории), странная девушка Вера и я. Тесных отношений с соседями у меня не вышло, а когда Аня-Ваня уехали в отпуск, с Верой мы первое время совсем перестали видаться. Но ни наслаждения, ни особых страданий я от этого прискорбного факта не получала. Ну не вижу и не вижу, и не очень-то хотелось. Я считала ее странной, она меня – глупой...

Меня ее мнение не очень-то интересовало, точнее, совсем не интересовало, у меня были заботы поважнее... Прогулки с друзьями, клубы, Интернет, куча симпатий и одна большая, не слишком чистая любовь.

Москва... я никогда не планировала оставаться здесь. Даже проездом в Москве бывать не очень-то любила. Наверное, каким-то шестым чувством, нутром, я ощущала опасность. Уже тогда я предчувствовала, что, однажды побывав здесь, останусь навеки...

Любят ли мотыльки огонь? Любят ли кролики удавов? Я любила Москву...

В России много городов. Все они по-своему красивы, привлекательны. Многие мне даже нравились, но этим всё исчерпывалось. Свой родной город я любила, как хорошие дети любят хороших родителей. А Москва... Москва – это раз и навсегда. Такого я никогда не чувствовала и, наверное, не почувствую. Но влюбиться в Москву – всё равно что полюбить самого лучшего парня в компании. Он либо считает тебя (и большинство других девушек) грязью под своими прекрасными ногтями, либо встречается с одной-единственной умницей-красавицей, а может, он просто гей, и ты не интересуешь его в принципе. Так или иначе, любовь не была взаимной.

Я поняла это еще на вокзале, где у меня из рук вырвали сумку. Хорошо еще документы в чемодан переложила! А что мне вообще понадобилось в Москве? Образование. Ехала поступать в МГУ, на инженерный. Тогда казалось, что мое великолепное знание математики и способность мыслить «масштабно» произведут впечатление на приемную комиссию. Не произвели. Зато по результатам вступительных меня зачислили на заочное отделение вуза родного города. Недолго думая, я вернулась в Москву.

Дождь... Мне казалось, что всё время идёт дождь... И во мне тоже идёт. Радиоактивный, съедающий изнутри...

ВТОРОЙ ЛОСКУТ. КРАСНЫЙ

Я всегда считала самоубийство крайней степенью трусости. Родившись, ты бросил жизни вызов, а теперь глупо бежать к смерти, не вынеся первого удара. В самоубийстве нет ничего прекрасного, романтического... Просто вышли два боксера на ринг: первый – жизнь, несомненно, сильнейший боец, второй – ты, тоже, в сущности, неплохой боксер. Жизнь всё

равно победит тебя, а рефери-смерть избавит от необходимости биться дальше.

Но как отвратительно бежать во время поединка к судье и прятаться за его балахон от соперника. Увольте.

Мне это всегда казалось глупым и смешным. Так почему же я, когда брала в руки нож, с трудом подавляла в себе желание полоснуть по венам? Почему всегда стояла в метре от заградительной черты метро, едва удерживаясь от соблазна сигануть вниз? Почему? Меня часто посещали мысли: а на фиг вообще нужен этот поединок? И если в нём нет смысла, стоит ли продолжать это лицедейство?..

Какой банальный вопрос: в чём смысл жизни? Наверное, это любовь. Но мои любимые друзья далеко, любимые родители далеко, любимого кота сбила машина, любимая Москва игнорирует... Что делать в такой ситуации? Влюбляться, конечно.

Это занятие тоже давалось мне не слишком успешно. Первый опыт был на уровне. Сын почти-олигарха. Он дарил мне розы, водил в дорогие рестораны, катал на своей иномарке... Но стоило лишь переехать к нему – романтика иссякла. Ревновал он меня страшно. Наверное, какой-то комплекс сына богатого отца: «Мой папа столько нагребил, что же скапаю я?» Первый требовал всего моего внимания, времени, сил. Контролировал, что я смотрю, слушаю, думаю. Но покончить с этим я решилась лишь тогда, когда увидела его подносящим романтичный букетик одной рыжеволосой Стерве. Такого я даже ради Москвы терпеть не стала бы.

Второй был чуть лучше, чем первый. Он был милый и добрый. Почти как ребенок... Хотя почему же «как»? Это и был самый настоящий ребенок. Никогда не звонил первым, при малейшем разногласии надувал щёки и ждал моей реакции. Кроме того, он считал совершенно нормальным есть за мой счет, сваливать на меня всю работу по дому и прочими образами сидеть на моей хрупкой шейке... Вообще я хотела детей, но к двадцатилетнему ребенку готова не была.

Третий был лучше их всех. Он катал меня на мотоцикле и приучал к «настоящей музыке». Виделись мы редко, но метко. Впрочем, кажется, мы и сейчас встречаемся... Если очень повезет, Саша придет и проведет меня в сей холодной больнице. Может, даже уже приходил... Но, кажется, я ему не нужна. Да и он мне не нужен, по большому счету. Я сама отказалась от него, когда началось всё это светопреставление. Разумеется, он пытался меня остановить. Один раз сказал, что это не есть хорошо, после чего закрыл свои чудесные уста навек. Впрочем, я не уверена, что второе его выступление произвело бы на меня большее впечатление и что заставило бы вернуться на «путь истинный». Но Саша не хотел лезть ни в мою, ни в чью бы то ни было еще душу. Зачем? Сопереживать кому-то – лишний стресс, да и каждый несет свою ношу, которую ему положено нести... Такого небесного вкуса была лапша, которую он килограммами вешал мне на уши.

Он так не думал, теперь я понимаю. До того, как я в это ввязалась, он никогда не звонил мне «просто так», не провожал до дома, не смотрел обеспокоено и пристально... А еще эти недомолвки, намеки, оговорки. Просто он сразу догадался, чем дело кончится, и решил не слишком-то пытаться меня спасти, чтобы потом не очень страдать. Но нельзя требовать от себя невозможного: у него не вышло. И меня эта мысль, кажется, греет.

Дождь и красный цвет... Они преследовали меня. Красный как любовь, как розы, как кровь, как энергия. Энергия с неопределённым вектором и огромным модулем. Радиация...

ТРЕТИЙ ЛОСКУТ. ХРУСТАЛЬНЫЙ

Мне казалось, что если ты найдешь свое место, всё неприятное и ненужное само собой рассосется, мучавшее и терзавшее чудесным образом полныряет на свои места, а жизнь станет радостной и беззаботной. Но что такое «твое место»? Например, место великолепной хрустальной вазы. Хозяин поставил ее для украшения на книжную полку и доволен. А что если ваза хочет стоять среди ваз? Ей скучно в книжном обществе. Оставив в стороне вопрос «кто виноват», спрашивается: что делать? Ничего. Покрываться книжной пылью, обильной и едкой.

Или поставили вазу к другим хрустальным безделушкам. Это ее место? Бесконечно ловить отражение света в гранях твоих почти копий... Не зная, где ты, где они, чем вы отличаетесь и почему так надо отличаться. Это, конечно, прекрасно и мило, но скучно и нудно до безумия.

И что теперь? Вернее всего рухнуть с самой высокой полки и зачарованно играть со случайным солнечными зайчиками, перешептываться с бессмысленно монументальным полом и ждать, когда тебя, наконец, сгребут в хрустальную кучу и выбросят на помойку.

Где я в нынешний момент и пребываю. А какое вообще применение может найти себе человек? «Единственная цель, с которой мы рождаемся на свет, – это стать счастливыми, вот», – говорит Док (может, даже психолог).

Что такое счастье? Не знаю. Наверно, никто не знает. Когда-то мне казалось: чтобы быть счастливой, надо быть в Москве. Я была в Москве. Где было счастье? Скопить много-много денег – это счастье? Этого «много» не существует. Чем больше этих проклятых бумажек, тем больше их хочется. Любовь? Она эфемерна не меньше, чем счастье... И что нам остается?

Наверное, страдание – естественное состояние для человека. Счастье оупяляет, глупость убивает... Наверное, должны пройти века эволюции, прежде чем человек сможет быть умным и счастливым одновременно.

«Мы бледные тени наших теней...» Где-то я это слышала, но фраза прочно вклинилась в задворки сознания и воспринимается как совершенная истина. Нам дано счастье, но никто не знает, что это и как его достать. У нас есть любовь, но испытать ее дано немногим. Практически никому не дано испытать взаимную любовь. У нас есть вдохновение...

Нет у нас НИЧЕГО! Не мы владеем вдохновением, счастьем, любовью, а они нами. Деньги, секс, наука – всё суррогаты, жалкие попытки контролировать ЭТО. Ты можешь идти к счастью, но придешь лишь, когда оно того захочет. Что надо сделать, чтобы стать абсолютно счастливым? Стать безумцем, счастье любит безумцев. Они ни тоскливы, ни радостны... Мы счастливы или несчастны.

Как глупо! Врачи, посетители, люди жалеют нас. Но кто кого должен жалеть?! Они могут быть счастливы лишь миг, мы – всю жизнь.

Хотя я не знаю. Кто сказал, что счастье лучше радости? Кто докажет, что несчастье хуже тоски? Будь ты хоть трижды несчастен, бывает такая тоска, которая рвет душу на части. Когда ты хочешь кричать и знаешь,

что от этого Вопля лопнут все хрустальные бокалы и вазы... Но ты молчишь, и он рвет тебя на части изнутри. Сейчас я могла бы даже закричать, но Вопль исчез... Теперь то, по чему я убивалась, кажется ближе. Да, счастье ближе. Но я ли это?

За счастье надо платить, и, наверное, жизненная цель каждого человека – так сторговаться с судьбой, чтобы платить не пришлось собой...

Да, Роман Родригович, вы всё-таки сдрыгнули меня с полки... Теперь лежу могучей кучкой хрусталя в анналах помойки жизни и пытаюсь понять, как вернуть себя в первоначальное состояние.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛОСКУТ. ЖЕЛТЫЙ

Завидую я тем счастливым, которые могут вспомнить всё по порядку, разложить по полочкам, найти причину и следствие. Мои воспоминания больше похожи на лоскутное одеяло. То и дело появляется какой-то новый фактор, подробность, которая полностью нарушает прежнюю структуру ткани повествования. Пребывание в этом, несомненно, веселом заведении тоже не слишком способствует развитию логического мышления. Впрочем, мои контакты с обитателями этого чудного места носили крайне ограниченный характер.

Чем меньше город, тем меньше психов (больше алкоголиков). Родной город не очень большой, и родители ухитрились выбить для меня «люкс»: отдельную палату. Я стараюсь отсюда не выходить. Так что встречи с собратьями по несчастью ограничились парой почти родственных объятий и прослушиванием нелепых бормотаний о корабле с «Нинуса», который должен вот-вот прилететь, и КГБ, которое испытывает здесь сверхсекретное оружие.

В сущности, у меня не было особого желания общаться с моими сотоварищами. Сначала вообще не было желания ни с кем общаться, только с собой. Да и теперь нет особого желания. Док говорит, что это затяжная депрессия, но в моём случае сие не так уж и плохо. В моём случае всё могло закончиться полной невменяемостью. Он говорит, что «главную дурь» из меня выбили, осталось «по мелочи».

Док, как называю я его про себя... Наверное, надо бы ему хоть раз пятки поцеловать в знак благодарности. Но что-то не очень хочется. Я даже имени его не спрашиваю из принципа. Отвечаю иногда на всякие там вопросы. Бедняга внимательно слушает, понимающе кивает...

Не знаю, как других людей, а меня бесит это «понимание». Когда приходят родители – я молчу, когда приходит Док – иногда отвечаю, но больше молчу. И все они с умным видом говорят, мол, «я понимаю. Что ты пережила, но надо двигаться дальше...» и так далее, и тому подобное. Они не понимают, я не понимаю, ни один человек не может до конца понять другого, тем более если один из них побывал в таком прелестном событии, как моё...

Сколько веревочке не виться, вешать всё равно будут утром. Как я не люблю вспоминать Это. Но надо. Раз уж взялся копать в своей голове – не бросай сие, несомненно, благородное занятие на самом интересном месте...

Может, я, наконец, смогу преодолеть это дурацкое происшествие? Но как не хочется опять вспоминать! Да где же Док?!

Сейчас всё вокруг желтое. Правильно, что раньше дурки красили в желтый. Цвет безумия, жизни, солнца. Раньше я куталась в одеяло своих воспоминаний, и желтый оставлял меня. Но теперь из одеяла вырван приличный клоч. Не слишком-то укутаешься. Приходится снова пришивать лоскут за лоскутом.

ПЯТЫЙ ЛОСКУТ. ГРЯЗНО-СЕРЫЙ

Над городом собирались грозовые тучи, предвещающие ураган, который должен был разломать меня и всю мою никудышную жизнь, как хлипкий картонный домик. Наверное, так должно начинаться какое-то роковое событие из твоей жизни, но у меня всё вечно не как у людей. Не было ни туч, ни свинцового неба, даже знаменитого «затишья перед бурей» не было. Была логика жизни, которая настойчиво говорила, что если что-то не клеится, то скоро оно разлетится окончательно. Или что-то в этом роде. Было мое не слишком оптимистичное настроение и давно избитый закон подлости. Или Мерфи. Или даже подлого Мерфи. Но не в этом суть.

Суть в том, что серый осенний день никакого отношения не имел к тому, что жизнь пошла под откос. Нет, не жизнь пошла под откос! Я пошла, а она просто покатила за мной следом. Съемная квартира, Саша, вечная экономия, счет копеек, дурацкая мелодия на будильнике и Вера... А еще это глупое чувство. Будто что-то большое и страшное ходит вокруг меня. Кажется, я даже видела его висящим над моей кроватью. Висит себе и следит так внимательно...

Зачем? Тогда-то всё и началось.

В тот день я вернулась с работы где-то в семь. Настроение находилось где-то под плинтусом, и выходить, оттуда не планировало. Мысли были где-то в области под названием «как мне накопить бабла». Ужинать не хотелось. Но внутри меня упорно жило убеждение, что человек должен есть, а шесть часов без еды – это не очень мало. Готовить надо было что-то элементарное, типа бич-пакета. Это была Мысль. Включила чайник и с тяжелым вздохом опустила на стул. В это же время вошла Вера со своим вечным пучком на голове и невнятным бормотанием. И дернул же кто-то меня тогда спросить:

– А?

– Совершенная дисгармония.

– Угу, – разочарованно буркнула я

– Вот ты устала, личная жизнь не ладится, чувствуешь себя несчастной...

– А ты очень счастлива, да?

– Да. Пойми... Нет, лучше попробуй это. – Вера протянула мне довольно тонкую красную книжицу.

Я открыла ее где-то на тридцатой странице и вслух прочитала: «Аннигиляция Аральского провала аннулирует аритмию».

Что за бредятина?! К несчастью, я вовремя прикусила язык.

– Еще раз, – велела Вера. Я подчинилась.

– Еще раз. – Я не смогла отказать.

– И еще разок. – Я процедила сквозь зубы.

– Пока повторяй каждый день перед сном, а там... – Вера мечтательно улыбнулась. – Может, я даже покажу тебя Роману Родриговичу.

Я удивленно посмотрела на нее. Подозрительно-счастливо сверкали глаза Веры, испепеляя остатки моего аппетита... Я развернулась и ушла, точнее, убежала из комнаты, бросив Вере испуганное: «Спокойной ночи».

Какой была моя жизнь? Черно-белая... больше черная. Даже грязно-серая. Какой был смысл погружаться в нее?..

ШЕСТОЙ ЛОСКУТ. АКВАРЕЛЬНЫЙ

Как ни странно, на следующий день заклинание не превратило меня ни в кошку, ни в лягушку, ни в таракана. Сияло солнце, пели птицы, мне было хорошо и весело, в общем, день прошел «на подъеме». Ко всему прочему я нашла на улице бесхозные пятьсот рублей. И этот факт окончательно убедил меня в том, что в этой белиберде что-то такое есть.

Вечером Вера ласково расспросила меня, как жизнь, и прослушала мое устное сочинение на тему «Как прошел день» с улыбкой буддийского монаха на бледных устах. А когда в конце повествования я предложила ей разделить со мной скромную мясную трапезу, Вера аж взвизгнула:

– Мясо? Ты что, хочешь быть трупоедом? Так бездарно засорять свой организм? Пожирая мясо, ты принимаешь на себя грехи этого живого существа...

Со столь радикальным взглядом на мясо я была не согласна, но тем не менее деликатно спросила Веру – что же можно есть?

– Гречку. Гречка – это пирамида. Пирамида совершенна. Когда мы едим гречку, мы приближаемся к совершенству.

Я промолчала, но мясо есть не стала. На протяжении недели Вера заставляла меня читать страницы из книги и вечером гоняла меня по прочитанному тексту. Казалось, что Вера знает «Ритмологию» наизусть.

После недели таких тренировок моя новоиспеченная гуру заявила, что в пятницу мы идем к Роману Родриговичу, «звездному капитану». Я, по идее, должна была от переизбытка счастья пасть к ее ногам и забиться в конвульсиях. Но это была не самая радостная встреча из предстоящих мне на неделе...

В среду мы встречались с Сашей. Гуляли по парку. Болтали. А когда темы для разговора неожиданно закончились (темы всегда неожиданно кончаются, если вся беседа затевалась ради одного-единственного ответа), он сказал:

– Ты изменилась.

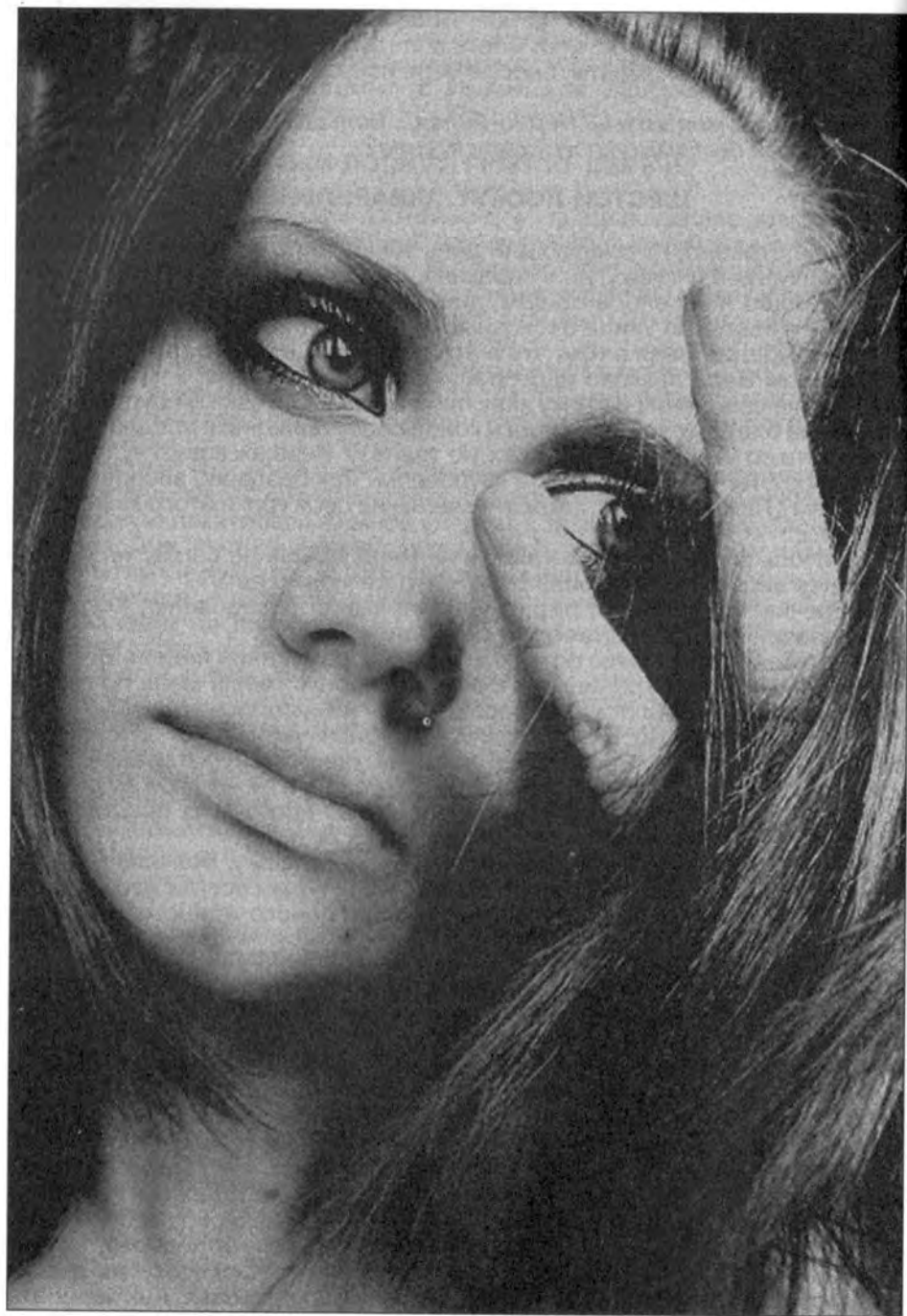
– В смысле?

– Странно себя ведешь. Побледнела, бормочешь что-то непонятное. Перестала есть мясо, в конце концов.

– О да... Вегетарианство – чума двадцать первого века. Спасайся, кто может! – насмешливо заметила я.

– Ты же сама знаешь, что я не об этом. А об этом твоим новым увлечением. Просто складывается такое ощущение, что они тебе мозги полощут. У меня уже нюх на такие вещи – брата чуть ли не с того света вытаскивать пришлось после общения с «просвещенными» вроде этой твоей Веры. Но ведь ты взрослая девочка и сама во всем прекрасно разберешься.

Я не могла понять: смеется он надо мной или хочет предложить свою помощь. Но судя по Сашину лицу, вновь приняшему отстраненный вид, помощь как раз и заключалась в сих мудрых словах. Как меня это

бесило! Он никогда не хотел стать частью моей жизни, он хотел просто ошиваться поблизости. А теперь вознамерился стать моим личным пастырем, так и не став близким человеком... Вот счастье-то привалило!

– Да, я прекрасно разберусь сама.

Развернулась и хотела уйти.

– погоди! Да послушай же! Что-то здесь нечисто, говорю я тебе! Ты же так себе жизнь ломаешь, в конце концов!

– А что ты вообще знаешь о моей жизни? Что ты ответишь, если я скажу, что она уже сломана? А?

Он молчал. Я бесилась:

– Правильно, ты промолчишь, потому что ничего не знаешь. Хотя... скажи мне чисто ради интереса: что же ты понимаешь под сим интересным термином?

– А?

– Что для тебя жизнь, Саша? Что надо беречь от этой твоей поломки?

Он ухмыльнулся.

– Моя жизнь – это тридцать сребреников. Не слишком много, но и не очень-то мало, если это всё, что у тебя есть. Нельзя копить себя по монете, экономить, цепляться за деньги, воровать. Надо всегда давать в долг: друзьям, врагам, незнакомцам, всем. И никогда не ждать, что тебе его вернут. Но самому всегда аккуратно возвращать долги. А когда почувствуешь конец... кинуть оставшуюся пригоршню монет под ноги какому-нибудь Иуде. Может, Христа и не продадут в миллионный раз...

– Красиво сказано.

– Пусть это глупо и наивно. Но это правда, потому что прекрасна и умна лишь ложь.

А ты меня опять не слушал. А я не хотела слышать тебя. Кажется, ты даже заготовил эту проповедь заранее. Неужели ты настолько хорошо знал меня, что предугадал всю цепь вопросов? Видимо, не слишком хорошо, иначе твои слова возымели бы нужный эффект. А тогда я не нашла ничего лучше, кроме как упреком кинуть их тебе же в лицо.

– И ты так живёшь? – спросила я с горькой издевкой.

– Нет. Но я не могу смотреть, как ты без оглядки вручаешь свои почти не потраченные сребреники даже не Иуде, а вообще какому-то мелкому подлецу.

– Знаешь, ты прав. Я большая девочка и во всём разберусь сама. Отвезешь меня домой?

Он угрюмо согласился. Мы молчали всю дорогу, но ехали так быстро, что тревожные мысли нагнали меня лишь в комнате. Он никогда раньше так не распалялся. Тогда я впервые и задумалась: куда же я иду? К Роману Родригovichу. Кто он такой? Гуру Веры. Кто такая Вера? Моя соседка... И зачем я туда иду? Я хочу счастья, а они обещали дать его мне.

«Надо прежде увидеться с Романом Родригovichем, а потом уже... Да, – решила я. – Ошибки нет и не может быть». Всё было верно, если не принимать во внимание элементарный факт, что счастье – не милостыня, чтобы его раздавали всем нуждающимся...

Я этот факт во внимание не принимала, потому и заснула со спокойной душой. Только вот царство Морфея не одарило меня розово-счастливым сном. Напротив, подсуло тёмно-липкий кошмар.

Мне снился странный цирк. Всюду было темно, освещен лишь купол, но, несмотря на это, я прекрасно видела, что в зрительном зале сидят

одни лишь клоуны. Особенно в память врезался клоун с нарисованными слезами, отвратительно широкой улыбкой и каким-то овальным носом...

Но и была не и зале. Я была под куполом. Я должна была идти по туго натянутой нити, без страховки. Права на ошибку нет, одно неверное движение – и меня поглотит темнота цирка, как она уже поглотила арену, оставив свету лишь купол. Я говорила, что не умею ходить даже по канату, что не смогу, слишком уж ново... Конферансье, оранжевый орел, отвечал:

– Глупости! Вся твоя жизнь – сплошное хождение по нити без страховки. У тебя есть право на ошибку. На сколько угодно ошибок! Ты можешь отклониться вправо, влево, назад, вперед... и сколько угодно раз. Главное – исправить их, вернуть равновесие, если угодно. Твой выход.

Меня толкнули на нить. Балансируя с помощью нелепого старинного шеста, я шла покачиваясь. И как раз в тот момент, когда я начала ухитряться получать удовольствие от этого странного процесса, прилетел почему-то зубастый черно-белый попугай и начал орать:

– Рома хоррроший! Ррррома хоррроший!

Противная птица уселась на левый конец шеста. Я зло прошипела:

– Роман Родригович, слезьте, пожалуйста!

Проснулась. Вера как раз разговаривала по телефону с этим таинственным типом. И, кажется, с чересчур громким воодушевлением произносила его имя.

– Хорошая новость, – лучезарно улыбнулась она. – Обычно с новичков берут за вход тысячу рублей. Но тебя я смогу провести бесплатно.

– А разве мы там будем не одни?

– Нет, у нас много братьев и сестер, – таинственно сказала она.

Казалось, что ритмология вернула краски в мою жизнь... пока они будто призрачные, акварельные. Но мне казалось, что дальше будет лучше.

СЕДЬМОЙ ЛОСКУТ. ОБЕСЦВЕЧЕННЫЙ

Мы шли к дому культуры Тимирязева. Вера хранила молчание. Кажется, она морально готовила себя к встрече с Романом Родриговичем. Я тоже безмолвствовала и, кажется, тоже готовилась к встрече с Романом Родриговичем.

Толпа (человек триста), осозная значимость происходящего, приглушенно-почтительно гудела, словно люди в ней говорили лишь шепотом.

Впрочем, может, это лишь игра моей памяти? Да-да... Рыжий парень с рыжими веснушками громко разговаривал и заразительно смеялся. Нет-нет... Толпа вела себя так, как положено вести себя трехсотголовой толпе: жила своей беззаботно-несдержанной микрожизнью, не ощущая атмосферы таинства, в которую меня заботливо погрузила Вера. И только огромные серые глаза были озабочены атмосферой таинственности. Они так заморозили меня, что я чуть не отстала от Веры.

Моя новоиспеченная гуру и некоторые из толпы обменивались ритмологическими приветствиями. Это было похоже на: «*Восходящее солнце возвращает восторг*». Тогда я не очень хорошо разобрала, а сейчас и вспоминать не хочу.

Что я тогда чувствовала? Кажется, мне было всё равно. Я думала о Саше, о том, что он сказал, о том, что это, наверное, правда... Ну или почти правда. Тогда я не могла поверить, что тридцать сребреников моей жизни находятся в моём безраздельном пользовании. Но, как говорит Док, мы в ответе за всё, что с нами происходит. За все неудачи, удачи, случайности, нереализованные планы в ответе лишь я. Не хотела (а сейчас не готова) так думать. Поэтому на протяжении всего стояния у входа я старалась выкинуть из головы Третьего и его рассуждения о жизни. Выходило кривовато.

Неожиданно дверь в здание открылась, и народ бурной рекой потек в ДК. Злая контролерша сердито проверяла билеты, но стоило Вере сказать, что «она со мной», как на бальзаковском лице появилась полунежная улыбка, обращенная к нам, полузверский оскал, обращенный к толпе. Меня это почти фантастическое явление не занимало.

Мы вошли в красивый актовый зал. Красные кресла, грязно-желто-оранжевые стены, деревянная сцена. Стандартный набор не слишком большого, почти провинциально ДК нарушал лишь странный, ни на что не похожий запах. Чего? Счастья, наверное.

Роман Родригович взошел на сцену. Внешность оратора не внушала особого трепета: крепкий, низкий, лысоватый мужчина лет тридцати с хвостиком, прямоугольные очки. Никаких особых примет. Ничего интересного. Человек с такой внешностью не может быть «пастырем народов»... И даже когда он открыл рот, чудесного превращения, увы, не свершилось, оно произошло чуть позже...

– Здравствуйте! – сказал он убаюкивающе-четко. – Господа, давайте сразу к делу. Если вы здесь, значит, есть какая-то неудовлетворенность жизнью. – Есть. – Вы чувствуете её бессмысленность? – Да-да. – Вы несчастны? И не знаете почему? – В голове приятная дымка, в голове бабочки, я ему верю. – Это потому, что вы – камень.

Я верю ему. Безоговорочно. Верю. Да, я камень. Я знала это всегда. Камень несчастен, камень бесполезен, камень валяется на земле, камень – это я.

– Камни, вы сейчас на самой низкой ступени осознания. Всего их семь... – Он начертил на доске пирамиду. Я люблю пирамиды. Я хочу быть камнем в пирамиде. Ведь они совершенны, а я хочу быть совершенной, потому что совершенные счастливы. Я хочу быть счастливой. – ...И звездный капитан – высшая ступень осознания для человека. Выше поднялась лишь Она, Радостея. Ра-дость. Она достигла Ра, она достигла солнца и теперь несет его людям. Гармонизируйте свою душу с помощью ритмологии, и вы тоже станете звездными капитанами. Вы будете счастливы.

Я хочу быть счастливой!

– Повторите: *«Радость разительно разносит Родос».*

Я повторила. И еще. И еще очень много заклинаний. Я кричала их. Я знала их. Я была ими.

Неожиданно-резко тело потребовало мою душу назад. Я вернулась в толпу. Кружилась голова. Я упала на чересчур жесткое кресло. Душа требовала простора, на секунду тело выгнулось почти дугой в безумной попытке ее удержать, но не смогло, обмякло и некрасиво развалилось в кресле.

Казалось, я перестала существовать в этом мире.

Тогда все краски напились меня и стали настолько яркими, что превратились в прекрасное белое пятно.

ВОСЬМОЙ ЛОСКУТ. ХРОМИРОВАННЫЙ

Осуществилась я здесь же, но не сегодня, не вчера, не завтра. Это случилось тысячу лет спустя. В помещении, чем-то напоминающем больницу, но несравненно уютнее. Белый мраморный пол, в котором я отражалась, как в зеркале, идеально чистые обои приятного молочного цвета, позолоченная люстра и красивые (что удивительно для казенного учреждения) железные кровати. На этом странности не заканчивались. В палате стояло около двадцати кроватей, и все без исключения «пациенты» спали, к тому же ничего похожего на тумбочки или шкафы в комнате не наблюдалось. Ни капельниц, ни лекарств...

И всё же было в этом странном месте что-то, что заставляло меня считать его именно больницей. Какой-то специфический запах медикаментов, безнадежности и вины. Но до конца понять, что это за место, я не могла. Но точно знала, что я в будущем, которое наступит через тысячу лет, и что меня здесь ждут.

– Здравствуйте. – Сзади послышался тихий печальный голос, человек (если это был человек) передвигался совершенно беззвучно, раз его шаги не разрушили белую тишину, царившую здесь.

Я обернулась. Это был мужчина. Вот всё, что можно было определенно сказать о его внешности. Черты лица «доктора» (он даже одет был в белый халат), казалось, находились в постоянном движении и никак не могли сложиться хоть в сколько-нибудь постоянное выражение. Лишь в его глазах, цвет которых тоже нельзя было уловить, была неизмеримая тоска.

– Здравсьте... – рассеяно откликнулась я. – Меня зовут...

– Не надо имен. Ваше имя мне ничего не скажет, вам мое и подавно. Более того, они нам никогда больше не понадобятся. Стоит ли засорять сознание ненужной информацией? Можете обращаться ко мне как угодно, Гость. Но не думаю, что вам понадобится обращаться ко мне. Вы здесь лишь для того, чтобы выслушать историю. Не так ли?

Да, я здесь, чтобы выслушать историю.

– В 2053 году, – начал он без предисловия, которое, по его мнению, тоже было ненужной информацией, – Сэмюэлем Валенцо был открыт элемент, который получил название Тонатий (То). Тонатий стал основным компонентом препарата «Гипнос». Препарат избавлял от бессонницы, нормализовывал сон, кроме того, он делал сны более красочными, яркими, увлекательными. Мгновенный результат, побочных эффектов не выявлено. К 2300 году не осталось ни одного человека, не употреблявшего и не имеющего предков, употреблявших тонатий. В это же время средняя продолжительность сна человека составила тринадцать часов в сутки. В 2300-м Земля терпела экологическую катастрофу. Её признаки появлялись много раньше, но тогда их удавалось локализовать. В тот же год почти всё население планеты погружается в сон и не может решать появившихся задач. Тогда был разработан препарат «Панацея», который блокировал способность человека к фазе быстрого сна. Также он блокировал центр удовольствия, находящийся в мозге. Мы почти перестали спать, наши способность к спонтанным чувствам практически атрофиро-

валась, «Панацея» увеличила продолжительность жизни на неопределенное количество лет. Мы выжили. В последние пятьсот лет среди нас не было зафиксировано ни одного случая рождения или смерти. Некоторые из нас стали погружаться в сон. Некоторые из спящих умерли. – Последнюю фразу он произнес с той же интонацией, с которой обычно говорят «умер счастливым».

– А звери? Природа? – Были вопросы и поважнее. Но они летали по моему сознанию, так до конца не оформившиеся, но оттого не менее тревожные. Голова болела и кружилась. Мне было плохо.

– Человечество как вид находится в спячке. В биосфере сохранены некоторые виды растений и животных. Вне биосфер жизнь невозможна.

– Вы уже не относите себя к человечеству, не так ли?

– Да. Вы бы назвали человеком того, кто не может любить? Быть счастливым? Того, кто не может даже радоваться? Впрочем, у некоторых представителей вида сохранились, как рудимент.

– А вы не пытались найти лекарство? Противоядие?

– Нет. Иначе мы уйдем в спячку или выйдем. Эмоции, особенно положительные, отрицательно влияют на работу головного мозга. С понижением работоспособности мы не сможем управлять биосферой и выйдем...

– Зачем вы не пытаетесь? Зачем вы живете? Зачем вы нужны? – зло спросила я. На меня смотрела моя жизнь, моя прошлая, ненавистная жизнь. И тогда мне стала понятна природа тоски в его глазах. Это существо тосковало по кому-то большому и сильному, кому-то, кто сможет исправить всё, что они натворили...

Я с торжеством рассмеялась в лицо этому огрызку человечества и моей жизни. У меня-то теперь есть большой и сильный Роман Родригевич со всемогущей ритмологией. А вы, ребята, справляйтесь как-нибудь сами...

В ту же секунду мигрень стала невыносимой. Я упала на неожиданно мягкий пол и перестала существовать... Точнее, проснулась.

Металл, повсюду металл... и ничего живого. Тогда мне казалось, что без ритмологии моя жизнь превратится в такой же хромированный рудимент.

ДЕВЯТЫЙ ЛОСКУТ. ЦАРСТВО О

Проснулась я у Веры. Мир шатался. И я тоже. Комната плыла. Что же вчера было? Сон? Галлюцинация? Пророчество? Фак! Как мне плохо. Не иду на работу. Иду гулять. Я должна понять.

Как я хотела понять! Я шла по асфальту, асфальт плыл. Всё исчезало, реальны были лишь звуки. Я слышала, как поет фонарь, я слышала мысли прохожих, я слышала, как кричит мое сердце... я сама была лишь звуком. Плюхнулась на скамейку. Смотрела вдаль.

«Аннигиляция Аральского провала аннулирует аритмию». Мне легче.

«Аннигиляция Аральского провала аннулирует аритмию». Совсем хорошо. Но как же хочется спать. Засыпаю.

Просыпаюсь... Где я? В школе. Кажется, уснула на уроке. Хорошо, Алла Витальевна не запалила. Говорит. Про декабристов.

– Каховский должен был убить царя, если он откажется подписать отречение...

Да... Революционеры. Тоже ведь хотели как лучше. Как большевики. А почему все так любят декабристов и ненавидят большевиков? Тоже хотели убить царя, установить диктатуру. Ну и что, что временно. Те тоже временно хотели. Потому что они умные? Потому что они жертвовали большим? Чем большим? У них было больше денег и власти... Но что деньги в сравнении с жизнью? Они равны, если округлить до целочисленных, а тысячные доли никого не должны волновать...

– Декабристы принесли на алтарь человеколюбия великую жертву. И их жёны тоже...

Жертва. В том-то всё и дело. Как же мы любим жалеть! Кто страдал, тот и прав... Христос страдал, декабристы страдали, русский народ страдал.

Понтий Пилат не страдал, большевики не страдали, я не страдаю... я...

Я проснулась. Снова у Веры. Встала. Взглянула в зеркало. Взрыв на фабрике ядохимикатов. Ковер мягкий. Я сплю? Не знаю. Но я голодна. Иду на кухню. Там Вера и... Роман Родригович?!

– Я сплю? – безнадежно спросила я.

– Нет. Ты проснулась впервые в жизни, – ласково ответил Роман Родригович.

– Мне плохо.

Вера взглянула на меня обеспокоено-нежно. Роман Родригович еще нежнее ответил:

– Это нормально, милая. Вы очищаетесь и готовитесь к новой жизни. Продвигаетесь необычайно быстро. Вот это вам поможет. Выпейте, милая, выпейте.

Он протянул стакан. Я выпила. Роман Родригович нежно смотрел на меня и что-то говорил. Голова закружилась. Мне стало хуже. Или лучше?

Я, наконец, вернулась в свое нормальное состояние. Я стала О. Я нараспев говорила: «Ориентируясь по орбиталам озираю окрестности». Я была звуком, я была своей душой, я была всем, я была ничем. Меня не было...

Я очнулась на своей кровати. Это сон? Пошла на кухню. Выпила настойку Романа Родриговича. Мир менял очертания. Меня окружали лишь звуки. Пела моя кровать, моя подушка, простыня, пол... я была О. Из этой какофонии выделялся лишь нежнейший голос Романа Родриговича:

– Ты Ничто, твое место Нигде, твое время Никогда. Ты ведь чувствуешь это? – Я чувствовала. – Ты Ничто и поэтому ты ВСЁ, милая. Ты ВСЁ, что есть. Это приятно и почетно. Но у этого есть свои минусы. У тебя нет и не может быть ничего Своего, ведь ты и есть ВСЁ. Ты станешь ВСЕМ, я вижу. Надо лишь отказаться от всего ненужного, материального, оно тебе мешает.

Я кивала. О кивала. Я подписывала бумаги. Дарственную на квартиру в родном городе.

Это была не я. Это была О.

Царство О... Я не могу сказать, что во владениях этого звука мне было хорошо или плохо. Это было ни на что не похоже. Иногда мне кажется, что я снова хочу побыть там... Но сделать это? Ни-за-что.

НИТЬ. СЕЙЧАС И ПОСЛЕ

Я не помню, сколько находилась в таком состоянии. Лишь нежнейший голос Романа Родриговича, мой вопрос – а это реальность? – и крик пугая: «Рррома хоррроший!» Потом всё исчезло, и я оказалась здесь. Сначала я была О, несмотря на то, что действие наркотика (не хочу помнить названия!) прекратилось. Я слышала звуки, но не слышала, что мне говорили люди. Потом стала их понимать. Понемногу и односложно отвечать. Мне рассказали, что я подписала дарственную на квартиру, а когда родителям предложили продать и их долю, они забили тревогу.

Кажется, я отремонтировала своё одеяло... Только вот кутаться в него я буду, лишь если температура вокруг достигнет абсолютного нуля.

Меня спасли. Док вошел.

– Здравствуйте, как самочувствие? – У него добрые глаза, и он немножко картавит.

– Хорошо. А как вас зовут? – Удивленно смотрит на меня, но, работая в Кащенко, привыкнешь и не к таким чудесам.

– Алексей Романович Скворцов.

– Алексей Романович, ведь человек рожден для счастья?

– Да, я так думаю

– А я достойна счастья?

– Конечно.

– А почему его нет?

– Я думаю, тебя не было. Ну как бы сказать... Счастье стучится к каждому. И не один раз, я думаю. Ко мне стучалось не раз. Только вот чаще всего сами гоним счастье от дверей... Просто оно не похоже на то, что мы хотим. Оно то, что нам надо. Вот мы практически никогда не хотим того, что нам надо. Я вот не знал.

– И мы несчастны только потому, что не знаем, что нам надо для счастья? Да?

– Для счастья надо не пытаться получить то, что тебе не нужно. Ну, там гонятся за богатством, престижем. Надо понять, что надо Тебе, а счастье само на голову рухнет, с позволения сказать.

– Не верю я вам...

– А вы вот попробуйте.

И попробую! Сон ли это? Явь ли? Не знаю. И не важно. Главное, что я снова Я, не О. Всё еще иду по нити под куполом цирка. Качнулась влево. Чуть не упала. Выворочилась. И теперь я выбираю, куда мне идти, пусть мой путь – лишь нить. Даже в ней заключено бесчисленно количество дорог. И на этот раз я выберу свою.

Я счастлива. Глаза скачут по комнате, а карандаш рисует канатоходца с шестом над бездной рыжих клоунов.

Бывают сердца, потерявшие цель. Глаза их подобны глазам фарфоровых кукол. Стук их подобен стуку часов.

Но пока глаза способны отражать небо, пока сердце способно стучать в унисон, они могут найти дорогу.

КАК СТАТЬ ИСПОЛИНОМ?

«Чтоб ты жил на одну зарплату!» — кричал контрабандист Лёлик своему другу Геше в культовой советской комедии «Бриллиантовая рука». Сегодня страшилка оказалась востребованной: как существовать на зарплату, если ее как следует «откорректировали», как протянуть на пособие по безработице, если оказался за воротами, а что делать детям тех родителей, которых постигли форс-мажорные обстоятельства и которым, не исключено, придется помогать своим старикам, получающим скудную пенсию? Кризис в той или иной степени не обошел стороной никого. Конечно, у каждого свой кризис, и каждый в конечном итоге находит свои пути его преодоления. И найдет, потому что необходимо выжить и обеспечить себе нормальную жизнь. Просто у кого-то изменится социальный статус, поскольку придется найти менее престижную работу, и т.д. И всё же каждому придется ответить на главный вопрос: как стать исполином?

Когда финансы поют романсы, неуютно, к тому же нет твердой уверенности в завтрашнем дне, да и сегодняшние будни плотно наполнены трудностями, как подсолнечник семечками. Но всё же, как правило, все они преимущественно ложатся на плечи взрослых, которые несут ответственность за судьбы семьи и детей. Как и что бы всем ни пришлось пережить, однако подростки воспринимают все превратности судьбы, когда они уже, как говорится, «просеются» через родителей, которые служат своеобразным волнорезом, первым принимающим на себя девятый вал кризисного шторма и смягчающим для них его удары. Впрочем, так оно и должно быть.

И всё же нашим читателям было бы, наверное, более интересно узнать, как воспринимают и переживают кризисные явления сами молодые люди и как они относятся к тому, что сейчас волнует нас всех. Поэтому мы попросили писателя Леонида Жуховицкого, профессора Московского международного университета, который ведет семинар на факультете журналистики, чтобы студенты младших курсов его семинара написали нам о том, что, по их мнению, представляет собой для них их личный кризис. Поэтому материал каждого из написавших имеет один и тот же заголовок — «Мой личный кризис».

* * *

Когда начинаешь задумываться обо всех тех сложностях и неприятностях, что преследуют тебя на каждом шагу, порой становится довольно сложно расставить приоритеты и сказать с уверенностью, какие же проблемы являются первостепенными, какие могут потерпеть отлагательства, а какие

и вовсе можно проблемами не считать.

Итак, на первом месте в итоге оказывается здоровье. Довольно сложно всё успевать и жить в полную силу, когда при малейшем колебании погоды у тебя начинается подсакивать давление. Отсюда сразу же вытекают другие проблемы. В первую очередь — плохое настроение. Во-вторых, проблемы в университете: ведь с высоким давлением из дома выходить не рекомендуется. В лучшем случае на вялых ногах доползешь до университета, отмучаешься несколько пар. В худшем — снова пропустишь пару-две, а то и целый день.

Из-за проблем в университете сразу возникает проблема перегрузок, вызванных сдачей долгов и дополнительных заданий, самочувствие однозначно лучше не становится. А под влиянием обоих этих факторов исчезают и силы и время на решение проблем с работой (либо бизнесом). Также становится не до попыток наконец-то наладить личную жизнь, о которой со всеми вышеперечисленными проблемами напроочь забываешь. Да кроме того, когда нету времени на заработки, о личной жизни и вовсе можно забыть — ведь в наше время основой для таких отношений зачастую бывает материальное благополучие.

А когда в университете одни долги, с деньгами никак, на личном фронте пусто либо опять же одни проблемы, то от всего этого мозги начинают понемногу плавать. Как правило, в итоге не выдерживаешь, срываешься, плюешь на всё и ударяешься в загул, забыв обо всех нерешенных проблемах. Затем после загула снова пытаешься восстановить побитое здоровье, а потом

начинаешь разгребать еще большее количество накопившихся за время бессмысленного загула проблем.

И тогда начинаешь думать, что вся жизнь – одна большая проблема... Но в такой ситуации самое главное – сказать себе: «Ну да! Проблемы! Ну и что теперь? Умереть и не встать? Проблемы есть у всех. Если же заикливаться на каждой из них и расстраиваться вместо того, чтобы хотя бы попытаться решить, то их станет только больше! Надо держаться и бороться до последнего!»

Сказав себе это, ты будешь целиком и полностью прав. Ведь мысли материальны, а в сочетании с усилиями и активными действиями они способны помочь тебе решить практически все проблемы! Ведь проблемы – это вещь преходящая. Самое главное – продолжать жить и вертеться, несмотря ни на что. Я много раз оказывался в таком положении, что руки опускались и жить совсем не хотелось. Но стоит хотя бы немного постараться настроиться на лучшее – глядишь, и силы появляются, и настроение приходит в норму, и само по себе всё начинает улучшаться.

Надо сказать, я на себе испытал принцип «жизнь – она как зебра» и могу с уверенностью сказать: она реально такая. До середины 2007 года у меня было всё ужасно мрачно. Затем до середины 2008 всё резко улучшалось, а с середины того года всё опять рухнуло. Да, признаюсь, положение вещей до сих пор остается далеко не лучшим, но я всё же продолжаю верить, что дальше всё будет только лучше и лучше. Обязательно покажется свет в конце туннеля. Как было сказано в одной замечательной фразе – «и на нашей улице когда-то пе-

ревернется грузовик с пряниками!».

Виталий КАРЛОВ

* * *

Как легко сказать человеку: «Мне бы твои проблемы». Перечеркнуть весь его внутренний мир, мысли, переживания этой короткой фразой. Еще проще сказать это ребенку. Конечно, что для взрослого ушибленное колено или потерянная монетка? Ничего. И как-то забывается при этом, что сердечко у ребенка невинно, оно меньше и слабее и что его ушибленная нога переживает не намного меньше, чем вмятина на новой машине.

Поэтому с годами проблемы для наших эмоций не усиливаются, быть может, их просто становится немного больше. Что такое кризис? Пожалуй, не вдаваясь в подробности, можно сказать, что это продолжительная проблема. Что его обычно вызывает? А вот тут уже у каждого свое. Есть на обед не французский багет, а простой батон – кому-то тоже кризис. А кто-то питается черствой краюшкой черного и рад этому, но кризис для него – понимание того, что у кого-то и этого нет.

Есть ли у меня свой кризис? Безусловно, есть. Он есть у всех, не все его видят. У какого-нибудь балагура, скажем, вся жизнь – это кризис, но он в этом никогда не признается, потому что не заметит. Поймет он это уже потом, возможно, даже в самом конце. Мой личный кризис заключается в том, что я такой, какой я есть. Раньше меня это не особо волновало. Казалось, что плюсы, которые во мне есть, перекрывают минусы. С возрастом всё кажется наоборот. Как-то мне друг прочел одно четверостишие:

Иметь друзей
мне стало больно,
Пожалуй,
что с меня довольно.
Вокруг меня –
посредственность,
А минус мой –
ответственность.

Несколько высокомерно, но не правда ли, что-то в этом есть? И чем чаще задумываешься над этим, тем больше вгоняешь себя в состояние депрессивного настроения. Я тяжелый человек. И всё бы ничего – если бы для других. Тогда бы я просто ходил и хвастался: смотрите, какой я тяжёлый, – и чтоб вас всех мной передавило! Но нет – я иногда бываю слишком тяжел даже для себя. Вечный поиск себя, поиск своих недостатков, поиск недостатков в других людях и беспочвенная идеализация того, чего нет.

Когда смотришь на прошлое – как на пристанище, истязая себя мыслью, что оно ушло. Когда не видишь белых полос, а уже радуешься хотя бы серым. Когда за чем-то пятишься от удачи, но кидаешься стремглав туда, где неизвестно дно. Когда находишь в людях то, чего в них нет и быть не может, доводя до того, что оно начинает действительно проявляться. И когда, дойдя до поставленной цели, ты кидаешь ее себе под ноги, топчешь и плюешь, проклиная всё, что с ней было связано – счастье, горести, достижения, потери, честь, силы, энергию, помощь – всё!

Это ли не кризис?

Но с кризисом можно справиться. Он продолжителен, но не вечен. Но что если кризис – это характер? А что если характер – это жизнь?

Кирилл КАРАНДЮК

* * *

Зрелость – это вступление в тот возраст, когда человек начинает терять волосы, зубы и иллюзии.

Представь. Спустя пятнадцать лет ты, наконец, получила должность главного редактора самой востребованной и популярной газеты города. Ты сидишь за столом в огромном кожаном кресле, по щекам у тебя текут слезы, но не от счастья: в голову закрадываются тревожные мысли.

– Почему же?! – недоумевая, спросишь ты возмущенным голосом.

Может, потому, что кто-то скажет тебе, что журналистика не женская профессия? Да нет! Ты с детства любила узнавать новости первой и делиться ими. В любой профессии нужно быть востребованной. Надо идти, не смотря ни на что, к своей мечте. С самых низов и верх по карьерной лестнице.

Впервые ты переступила порог этого огромного здания еще совсем девочкой, озирая помещение глазами, полными юношеской наивности и надежд. Это был первый самостоятельный шаг по жизни. Никто особо не жаждал помочь тебе занять место под солнцем. У тебя не было связей, богатых родителей, а чувство гордости не позволяло даже и подумывать о карьере через постель.

Но душа требовала завоеваний, хотелось покорить весь мир, показать всем свой талант и доказать незаменимость.

А время тем временем не стояло на месте. Шли годы. Подруги одна за другой выходили замуж, кто-то успел обзавестись детьми, другие уехали за границу в поисках нового, но ты верила в иное, говоря всем, что возраст –

только цифры и убеждая себя, что всё еще успеется.

Сейчас тебе тридцать четыре. Ты имеешь Visa gold, ездишь на «БМВ» пятой модели, купила двухкомнатную квартиру в ипотеку, предпочитаешь костюмы Prada и на ногах Маноло Бланик. Просыпаясь каждое утро, ты говоришь себе: «Как личность я состоялась».

Ну а как насчет женщины? Все эти годы в твоей голове была только работа. После того как тебе дала отставку твоя первая любовь ради Ирки с третьего курса, ты предпочла закрыть свое сердце на засов. И решила, что любого мужчину можно сменить вместе с грязным бельем в постели. А сейчас романы особо и не клеятся. И ты уже не молодая девчонка, морщинки по краям глаз начали проступать лет пять назад, фигура в принципе и неплохая, но уже не та. Да и рядом с собой хочется видеть не очередного альфонса, а как минимум человека с таким же достатком. Но такие зачем-то предпочитают тех, кто поглупей и значительно моложе. Мужчины боятся успешных женщин. Почему? Потому что женщина в первую очередь хрупкое существо, о котором надо заботиться, женщина – хранительница очага и, естественно, мать.

Ну и что, надо похоронить себя у плиты среди грязных полотенец?

Конечно, нет! Просто не так опасна преждевременная старость, как запоздалая молодость. Ты думаешь, что где-то просчиталась, что-то упустила... Дело не в этом: ты просто впала в депрессию. Психологи называют это кризисом.

Кризисы бывают разные: экономические, финансовые, социально-демографические. Но при-

чем тут ты? Притом, что ты испытываешь психологический кризис среднего возраста. Состояние, при котором невозможно дальнейшее функционирование личности в рамках прежней модели поведения, даже если она целиком устраивала тебя. Стресс, страх, чувство неуверенности и неполноценности одолевают изнутри.

Произошла переоценка своего опыта, когда многие из возможностей, о которых ты мечтала в детстве и юности, уже кажутся безвозвратно упущенными, а наступление собственной смерти оценивается как событие с вполне реальным сроком, а не «когда-нибудь в будущем». Не стоит опускать руки, надо просто попробовать разобраться в себе.

И это касается не только женщин, но и мужчин. Люди, попавшие в это состояние, часто находят выход в алкоголе, наркотиках и самоубийстве. Число законченных суицидов среди мужчин в среднем в четыре раза больше, чем у женщин. Причина также кроется в одиночестве: ведь количество людей, нашедших свою вторую половину, в этом возрасте превышает число одиноких почти в пять раз.

Стремление к самореализации – это хорошо. Но главное – в череде повседневных дел и суматохе не забывать о самом важном. Ведь так приятно, просыпаясь утром, понимать, что ты не одна. Что рядом есть человек, который разделит с тобой всю жизнь, и не только счастливые моменты, но и в беде и горе подставит свое плечо и поддержит. Люди должны принадлежать друг другу, это их естественное желание. Чтобы, обернувшись однажды назад, сказать детям и внукам: «Я прожила потрясающую жизнь». Ведь мы не

знаем, сколько нам уготовано на этой планете, и надо жить полной жизнью каждую секунду, а не проживать одну неделю за другой, чтобы не понять однажды, что в глазах теперь не огонь, а пепел, и ни сил, ни желания нет, лишь апатия и депрессии.

Надежда ДЁМКИНА

* * *

Финансовый кризис, так неожиданно свалившийся на голову россиянам осенью прошлого года, буквально спас меня от роковой ошибки. При всех горестях этого явления мне бы хотелось сказать спасибо тем американцам, которые не погасили свои кредиты вовремя. Любые отношения, будь то дружба или любовь, по-настоящему проявляются лишь после бед, которые люди переносят вместе. Моя «любовь» не прошла и первой проверки, однако ко всему я привыкла относиться с юмором, и даже этот случай не стал исключением.

Как раз в то время, когда премьер-министр РФ Владимир Путин, излучая радость и гордость за свою страну, сообщил, что Россия – островок стабильности, в мою личную жизнь также пришло долгожданное спокойствие: у меня наконец появился молодой человек, и не какой-то там, а самый настоящий предел мечтаний. «Мечта» носила имя Миша и имела два высших образования, что являлось очень важным критерием, хорошую, интересную работу и какую-никакую машину. Миша был внимательным и заботливым, романтичным и чутким – в общем, таким, о котором думаешь вечерами после напряженной работы и попытками совмещения этой работы с институтом.

В редкие выходные, когда мне удавалось оторваться от дел, Миша приглашал меня в театры, необычные музеи и уютные кафе, где мы могли говорить о чём угодно. И вот после пяти месяцев нашего романа, как раз когда Россия вдруг резко перестала быть «островком стабильности» и цены на продукты ракетой устремились вверх, Миша решил сделать мне предложение. По всей видимости, тонкий разум моего возлюбленного не смог прочувствовать неминуемое разорение, которые над ним нависало: мои финансы уже запевали романсы, а прекратить их песнь мне никак не удавалось – ситуация в газете, где я работала, была весьма сложной, приходилось терпеть и верить в лучшее, а это означало мое полное поражение в войне за принесенный в ресторане счет и конец долгим телефонным разговорам, которые по нелепой случайности оплачивала я.

Мои удивления начались после разговора с Мишей, который состоялся однажды вечером в моей машине на пути домой. «Мне нужно с тобой поговорить», – загробным тоном промолвил Миша. «Конечно, давай», – готовясь к самому худшему, ответила я. «Мне сократили зарплату на полторы тысячи рублей», – продолжил в том же духе он. Меня уже начало отпускать, так как я понимала, что если отнять эти полторы тысячи от его зарплаты, общая сумма не изменится. Но Миша стал еще мрачнее и, вперившись в меня взглядом, заявил: «Теперь, Анют, придется брать маленькое кофе в "Шоколаднице", а не большое...» Сначала я подумала, что это шутка, и собралась уже подыграть Мише, но, увидев его расстроенное лицо, решила, что не нужно. Всю дорогу

до дома я упорно размышляла на тему, как пятьдесят рублей, которые составляли разницу между уже недосыгаемым большим кофе и маленькой порцией, раз в неделю могли повлиять на его бюджет. Однако, как мне стало ясно уже много позже, это было лишь начало абсурдов.

Спустя неделю мы должны были праздновать то ли полгода, то ли еще какую дату, и я пребывала в радостной эйфории, предвкушая цветы, конфеты, подарки и прочие радости этого милого праздничка. В тот день я заехала к Мише на работу, привеза с собой пирожные и другие сладости, долго выискиваемые мной в различных кондитерских магазинах. Я прихорашивалась перед зеркалом заднего вида, когда в нём показался мой ухажер. В руке у Миши был какой-то баллон, полный синей жидкости. Я пыталась разглядеть, что же это такое, но тыма помешала мне сделать верные выводы, да и вряд ли я могла догадаться, что решил мне подарить мой избранник. Миша с приветливой улыбкой просунул в окно, чтобы чмокнуть меня в щеку, при этом спрятав за спиной свой дар. Сев в машину, Михаил гордо просунул большую пластиковую бутылку в дверь салона и поднял ее вверх: «Это тебе, Анютик! Поздравляю с нашей годовщиной, если можно ее так называть!» – торжественно произнес он. «Что это?» – спросила я, пытаясь найти хоть одну этикетку на этом замечательном изделии. «Это моющая жидкость для стекла машины: у меня на работе друг отказался от одной упаковки, и я решил, что это можно подарить тебе», – радостно пояснил Миша... Дома я наотрез отказалась рассказывать о проведенном вечере, а тем более о, пожалуй, са-

мом удивительном подарке за всю мою жизнь.

Свадьба неумолимо приближалась, а впереди было еще столько дел, связанных с ее организацией, более плотном знакомстве с родителями и прочими радостями жизни. Обсудить дела насущные Миша пригласил меня в итальянский ресторанчик. Обговорив его работу, где его так безжалостно лишили денег, мы перешли к более приятным разговорам. Любимый рассуждал на тему медового месяца, когда я решила выпить таблетку, чтобы избавиться от докучавшей головной боли. Я уже засунула пилюлю в рот, когда Миша удивленно взглянул на меня и с видом Колумба, увидевшего Америку, заявил: «Ты что?! Запей! Возьми воду – она же здесь бесплатная!» Не стоит даже и рассказывать, как я была счастлива, узнав, что мне не придется пробиваться в туалет, чтобы попить воду из-под крана, а можно просто заказать «бесплатную» воду и пить ее, сколько захочется. Сам Миша не нашел в своем высказывании ничего странного и даже обиделся на невольный смехок, вырвавшийся у меня после его слов.

Кризис, взявший в плотное кольцо моего друга, кажется, стал угрожать и нашим отношениям. Я никак не могла понять, почему мы не можем пойти в музей, где вход стоит двадцать рублей, почему цветы, подаренные им, завядали до того, как я донесу их до вазы. Я пыталась понять причины этой экономии, но у меня никак не получалось: Миша жил не один, а с мамой, которая оплачивала квартиру, продукты и даже одежду моему спутнику, а сам Миша получал весьма и весьма прилично. Наконец, мои розовые очки стали постепенно сходить на нет. Я уже

отчетливо видела перед собой маменькиного сыночка, который трясся за каждую копейку и при этом был безумно в себя влюблен. От меня Миша требовал практически того же, каждый день он допрашивал меня, сколько рублей я потратила, сетовал на то, что мне приходится работать практически бесплатно, а все мои разговоры на тему того, что я мечтала об этой работе и увольняться не собираюсь, вызывали лишь ухмылку. Мне становилось уже откровенно стыдно, когда Миша приходил в кафе, где мы сидели с подругами, ни в чём себе не отказывал, а потом, нежно улыбаясь, смотрел на меня.

Незадолго до нашего разрыва мы ехали куда-то в пригород и по дороге заехали на заправку. В машине, помимо меня и Миши, сидел еще мой лучший друг Matteo. Я надеялась, что мой любимый хотя бы предложит некоторую помощь, от которой я, как всегда, откажусь – всё-таки при каждой нашей встрече я забирала его на этой машине с работы, а потом отвозила до дома. Однако в тот момент, когда я собиралась повернуться к Михаилу, любимый увидел что-то безумно интересное за окном машины, а потому не смог обратить на меня никакого внимания. «Анют, давай сегодня я тебя заправлю, а то что мы, как нахлебники, всё время ездим на тебе, а ты еще и платишь», – сказал Matteo, выбегая из машины. Как только дверь за ним захлопнулась, Миша повернулся ко мне и улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой: «Ну что, нам еще долго ехать?» – поинтересовался он. От заботливого и чуткого молодого человека уже не осталось и следа: полторы тысячи рублей украли у меня предел моих мечтаний и

оставили скупого и достаточно наглого парня.

Когда мы расстались, мир всё еще созывал саммиты по поводу финансового кризиса, а диалоги о мерах его предотвращения велись с такой же частотой, как и раньше. С деньгами по-прежнему было непросто, да и проблемы, связанные с ними, только начинали появляться. Но мой личный кризис был уже преодолен. Незамужняя, одинокая и не сказать, что богатая, я чувствовала себя намного лучше, чем месяц назад. И правда: наверное, любые испытания, даже глобальные, посылаются нам, чтобы стать умнее, сильнее и аккуратнее.

Анна СУЛЕЙКОВА

Что ж, возможно, прочитать все эти студенческие работы любопытно. Только вот ведь какая незадача: всё то, о чём написали будущие журналисты, можно было написать и до кризиса, да и вообще когда угодно, вне зависимости от того, что происходит на белом свете. Здоровье всегда было на первом месте, личная жизнь тоже постоянно волнует молодежь, «жизнь как зебра» – с этим ощущением мы живем постоянно. О чём, собственно, и говорит Виталий Карлов. Это вечные вопросы, и что бы ни происходило в мире, они постоянно будут существовать. Вопросы, которыми задается Кирилл Карандюк («что если кризис – это характер? Что если характер – это жизнь?»), – риторические. Они даже не требуют ответа. Надежда Дёмкина размышляет о том, что может не сложиться личная жизни девушки, даже дослужившейся до главного редактора и усевшейся в большое кожаное кресло. Правда, в слезах. Но так ведь это может слу-

читься всегда и со всеми и не имеет прямого отношения к служебной карьере. Однажды наш легендарный мим Вячеслав Полунин, рассказывая о встрече с друзьями детства, заметил: «Двое моих давних приятелей стали удачливыми бизнесменами, для которых, казалось, нет никаких проблем. А третий вроде бы никаких особых успехов не добился, но, глядя на него, я понимал, что он счастливее всех нас».

То, что рассказывает Анна Сулейкова о своем Мише, было и раньше, будет и всегда: жалко парню стало тратить деньги на свою подругу, вот и «притормозил» он со щедростью. Хотя между тем она, по сути, говорит не о жадности своего Миши (это ведь черта характера, и кризис тут ни при чём), а о том, как кризис сказывается на отношениях между людьми. Маркса трудно упрекнуть в том, что он был далек от истины, утверждая – «бытие определяет сознание». А материальное благополучие – очень важная составляющая нашего бытия. И оно, естественно, сказывается на всех аспектах нашей жизни: и на отношениях между людьми, и на том, каким становится общество в вопросах криминализации, коррупции, нравственности и т.д.

Однако, по большому счету, если бы в этих студенческих произведениях изредка не мелькало слово «кризис», трудно бы было понять, о чём же они всё-таки (я не говорю о работе Анны Сулейковой – у нее тема четко прочитывается). Зачем – понятно: попросил руководитель семинара рассказать студентов, как воспринял кризис каждый из них, – вот вам, пожалуйста. Только, судя по их откровениям, их лично этот кризис не коснулся никак. Для того чтобы рассказать о том, как

нынешняя ситуация сказалась на жизни человека, этот человек должен ее пережить во всех проявлениях. И в том, средств на достойную жизнь не хватает, что денег на оплату учебы больше нет, а на развлечения – тем более, и красивый отдых тоже...

Безусловно, большинству наших юных читателей, прежде всего тем, кто еще учится в школе, не грозит увольнение с работы, задержка заработной платы, но очень скоро им придется столкнуться с теми же проблемами, что и их родителям, то есть с проблемами, порожденными кризисом. Поэтому о них неплохо бы знать, а еще лучше быть готовыми к тому, чтобы их преодолеть.

Для слова «кризис» в китайском языке существует два иероглифа: один из них обозначает «большая опасность», а другой – «великий шанс» или «великая возможность». Надо сказать, что и то, и другое иероглиф обозначает очень точно. Например, разразившийся экономический кризис резко увеличил число преступлений на сексуальной почве. И дело не в том, что появилось слишком много страдающих вкусить запретный плод. Вот в поселке Чудино две местные дамы подкараулили хилого агронома, связали, и одна из них изнасиловала его. Девушки попали под сокращение на заводе и надумали пересидеть кризис на нарах. Одна из них получила четырехлетний срок и не горевала: «В тюрьме хоть накормят досыта». Другой присудили штраф, что ее очень огорчило: «Откуда у безработной деньги на штраф? Лучше бы тоже в тюрьму отправили». Вот и получается: и срок небольшой, и накормят, и работой обес-

печат, а значит, можно зарабатывать. В итоге за полгода по стране около восьми тысяч мужчин и женщин осуждены за преступления против половой неприкосновенности.

В большинстве случаев увольняют тех, кто не очень нужен, не профессионален, словом, без кого можно обойтись. Теперь работодатели освобождаются от балласта. Если направление, на котором трудится сотрудник, убыточно, или за двух-трех таких гавриков может эффективно работать один – до свидания. Кризис всех расставит по местам. Не соответствуешь – ищи работу попроще. Наверное, понятно, о чём речь. Некоторые молодые люди в рабочее время предпочитают играть в компьютерные игры, лалить по сайтам «Одноклассники», «В контакте», «Знакомства». Забава, конечно, увлекательная, но, в принципе, бесполезная. Никакой работодатель не станет терпеть

таких «компьютерщиков» в своем офисе, и зря такие ребята удивляются и обижаются, оказавшись выставленными вон (таких историй – тьма). И вы не должны забывать, что увольняют обычно самых неквалифицированных. Постарайтесь, повзрослев, не попасть в их число.

До кризиса мы привыкли жить неэкономно. Незаконно во многих смыслах. Там, где с данным объемом работы вполне справился бы один человек, у нас может работать и четыре. Вот, к примеру, во Франции ежедневную шестнадцатиполосную газету делают двадцать человек. У нас над еженедельником «Литературная газета» трудилось сто пятьдесят сотрудников. Так было. Но дальше мы не сможем нести подобный груз. И вот совсем свежий пример: как стало известно, совсем не бедная редакция газеты «Комсомольская правда» намерена в самое ближайшее время сокра-

тить четверть своих сотрудников... Еще Максим Горький сказал: «Чтобы жить, надо уметь что-то делать». И делать хорошо. Это, кстати, тоже необходимо, чтобы жить достойно.

Каждый из нас хоть раз в жизни спрашивал себя: почему у нас получается хуже, чем, скажем, у немцев, японцев или американцев? Ведь мы в своей массе вовсе не глупее, чем они. Довольно аргументировано ответил недавно на этот вопрос крупнейший российский специалист по социальным проблемам Евгений Гонтмахер. Корень наших проблем заключается в нашем отношении к труду: «Мы способны на прорывы, можем изобретать. Но российский работник плохо умеет трудиться систематически. Наш работник не готов к соединению импровизации с напряженной и часто неблагодарной работой. Мы "страна менеджеров среднего звена", как поет группа "Ленинград". При этом претензии молодых специалистов исключительно высоки». Так что ответ на вопрос: «Быть России великой державой или мы так и останемся страной менеджеров среднего звена?» — предстоит дать сегодняшнему юношеству, которому принадлежит будущее.

Мы уже упоминали, что кроме понятия «большая опасность», иероглиф, обозначающий слово «кризис», символизирует и «великую возможность». Для подростков это, скорее всего, обозначает готовность к тому, чтобы преодолеть трудности, созданные кризисом. Проще говоря, научиться зарабатывать деньги, чтобы помочь родителям и иметь возможность не отказывать себе в том, что необходимо или чего хочется.

Мест, где реально подобрать

себе на время подходящую работу, — уйма. Было бы желание. Наиболее популярные профессии — промоутер по рекламе, продавец-консультант, младший менеджер по продажам, курьер.

Промоутер — одна из самых распространенных «временных» профессий среди подростков. Каждому прохожему они буквально засовывают в руки рекламки. Неважно, что в них: «абсолютно космические» очки с подставками для пива на дужках или стиральная машина с «самым эффективным отжимом белья в России». Главное, чтобы листочек положили в карман. Одна такая рекламная девушка так ответила, почему она выбрала именно эту работу:

— Платят тут ничего, да и стою целый день на солнышке, смотрите, как загорела уже, — застенчиво говорит девица. — Десятый класс окончила и решила себе на карманные расходы заработать.

Как оказалось, платят очень даже «ничего» — тысячу рублей в день и пятьсот целковых за полдня. Если работать по часам, то платят по сто двадцать рублей в час, а потом еще и премиальные. Для ученицы десятого класса — неплохой заработок. Но очень часто доверчивые тинейджеры становятся жертвами обмана — могут получить за работу в два раза меньше.

Продавцы-консультанты и младшие менеджеры по продажам занимают второе место в рейтинге «летних» профессий. В принципе, это почти одно и то же, но разница в том, что в обязанности первых входят обслуживание и консультирование клиентов, а на вторых лежит более высокая ответственность: они отвечают за первичную консультацию, за ключи от касс и оформление торговых договоров и заказов. Инте-

ресно, что эта работа не требует ни высшего образования, ни опыта.

Оклад продавцов и младших менеджеров колеблется от десяти до двадцати тысяч рублей в месяц. Есть возможность карьерного роста. Особенно занятых тинейджеров радует возможность гибкого графика, что позволяет не только подзаработать, но и потусоваться. Можно устроиться как на полную ставку, так и на почасовой график.

Следующая по рейтингу популярности – профессия телефонного оператора. Это девушки, так сказать, сидящие «на проводе» и принимающие заказы на различные услуги: такси, пицца в офис или на дом, заказы деликатесов японской и китайской кухни, консультирование клиентов по вопросам продаж. В их обязанности входят телефонные опросы, приглашение соискателей на открытые вакансии и разные внутренние мероприятия. За месяц можно получить от двухсот до четырехсот долларов плюс небольшие премиальные за усердие. Главное требование – грамотная, четкая речь и образование не ниже среднего.

Операторы ПК и модераторы занимают четвертое место по популярности. Молодой оператор ПК одной из фирм, торгующих электроникой, так объяснил, что входит в его обязанности:

– Консультирование клиентов по телефону, ввод информации в компьютерную базу данных, проверка и корректировка информации. Не особо устаю.

Принимают ребят с двадцати лет, да и опыт работы (год) требуют почти везде. Средняя зарплата – от четырнадцати до двадцати тысяч рублей в месяц.

Модераторы занимаются при-

мерно тем же, что и операторы ПК, только вся их деятельность проходит в Интернете. Они следят за тем, чтобы остальные сотрудники, пользующиеся Интернетом, занимались работой, а не лазили по Всемирной паутине. Модераторы, работающие на форумах, чатах и эхо-конференциях, отвечают за соблюдение установленных правил поведения пользователей сетевых ресурсов. Работать они могут даже дома, получая полноценную зарплату и месячные премиальные.

Самое последнее место в рейтинге занимают курьеры. В месяц получают девять-десять тысяч рублей, а за одну доставку при сдельной работе – двести рублей. Плюс оплата проездного и мобильного телефона. Постольку летом тинейджерам охота не только зарабатывать деньги, но и развлекаться, то курьеры обычно устраиваются не на целый день, а по договоренности, т.е. по часам или по количеству доставок.

Однако стоит зайти в какой-нибудь дворик, и можно встретить компанию подростков, каждый из которых держит в одной руке бутылку пива, а в другой – сигарету. Он «отдыхает», так ему кажется. На самом деле он просто лодырь. К сожалению, эта наша национальная особенность. Как очень точно заметил когда-то Николай Васильевич Гоголь: «Есть у русского человека враг, непримиримый и опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот – лень».

Но это, так сказать, служивый люд, работающий «на дядю». Есть среди молодых людей и «солидные» бизнесмены. Вот, например, Юля Х. из Липецка. Пока ее сверстники штурмуют всевозможные фирмы в поисках

работы, она сама позаботилась о своем заработке. В пять лет Юлия обожала играть «в магазин». Теперь у семнадцатилетней девушки собственный отдел по продаже товаров для животных в универсаме в самом центре города.

— Свой бизнес я решила организовать еще в школе. Поняла, что без карманных денег не обойтись, а просить у родителей стыдно, — признается бизнес-леди. — Пробовала подрабатывать, но на чужого дядю вкалывать не хотелось. Тогда и пришла в голову идея с зоомагазином.

Первым делом одиннадцатиклассница подготовила документы, оплатила госпошлину и отправилась в налоговую инспекцию. А через неделю из обычной школьницы превратилась в индивидуального предпринимателя с правом торговли товарами для животных. Дело стало за малым — стартовым капиталом. Его-то в размере тридцати тысяч рублей юная коммерсантка и одолжила у бабушки.

— Первое время я торговала только кормом и разными фенечками для домашних любимцев: домиками, ошейниками, клетками, кормушками. Очень боялась прогореть, — признается бизнесвумен. — Только через год начала закупать собак, рыбок, хомячков и другой «живой товар».

Теперь каждую неделю предпринимательница обходит все зоомагазины в маленьком городе — смотрит, по какой цене отоваривают горожан ее коллеги.

— Я сильно цены никогда не накручиваю, стараюсь установить их либо на том же уровне, либо ниже, чем в других магазинах, чтобы ко мне покупатели шли. Я так уже переманила к себе несколько постоянных клиентов.

Для своего магазина Юлия даже

провела рекламную кампанию — сама распечатала на принтере листовки и разбросала их по почтовым ящикам в ближайших районах.

— Без рекламы сейчас ни одно дело не поднимешь, а платить специалистам дорого. Вот и приходится одновременно быть и продавцом, и бухгалтером, и рекламным агентом, — авторитетно заявляет девушка.

Первые месяцы школьница не получала ни копейки с торговой точки: всё шло на погашение бабушкиного долга, оплату аренды и налогов. Зато теперь торговля «живым товаром» ежемесячно приносит Юле по двадцать тысяч рублей.

— Остальное уходит на развитие бизнеса, ведь в этом деле огромное количество затрат. Ежемесячно я вношу в свой бизнес-план все расходы вплоть до тряпочки и моющего средства, которым буду протирать витрину магазина. И никогда не беру из кассы деньги. Ведь это самая распространенная ошибка молодых предпринимателей: подсчитали выручку за день — и айда прожигать все деньги в кафе. У меня несколько друзей на такой расточительности прогорели.

В планах Юли расширить свое дело и открыть зоомагазин в самом центре Липецка. А чтобы приблизить свою мечту, ежемесячно откладывает на карточку «НЗ».

...Десяток сотрудников, офис в крупнейшем технопарке столицы, обороты, исчисляемые не одним миллионом рублей. Компьютерная компания Степана Пономаренко — одна из многих московских IT-контор. Вот только ее генеральному директору недавно исполнилось девятнадцать лет.

— Зарабатывать на компьютер-

ных технологиях в столице выгодно – эту истину я понял еще в пятнадцать лет. Тогда друг пригласил меня настроить технику в свою компанию. Я сделал всё очень качественно, и тот в благодарность стал подкидывать мой телефон своим знакомым. Через год у меня уже появились постоянные клиенты, а еще через год я понял, что пора официально зарегистрироваться. И учредил свое ООО.

Первых доходов едва хватало на зарплату сотрудников. Зато теперь фирма Степана тянет локальные сети по всему юго-западу столицы и строит свой центр обработки данных. И даже обзавелась дюжиной постоянных клиентов – юный возраст руководителя их ничуть не смущает.

Превращение из лица физического в лицо юридическое заняло у студента всего две недели – именно за это время он успел арендовать офис и оформить необходимые документы.

– Первым делом нужно составить устав будущей фирмы, учредительный договор и договор аренды. Правда, вместо последнего подойдет и гарантийное письмо от собственника помещения. Потом пойти с этими бумагами в налоговую. После регистрации необходимо открыть расчетный счет в банке, – вспоминает дорогу во взрослый бизнес юный предприниматель. – Вот и всё. После этого начинаются рабочие будни. У меня работают несколько постоянных сотрудников, заработная плата у которых фиксированная. И еще столько же ребят, которые работают на сдельной основе. Первое время я пытался все проблемы улаживать по-дружески, но быстро понял – нужно действовать жестче. И ввел систему премий и штрафов.

Одно плохо – в перерывах между деловыми переговорами с клиентами и работой над проектами времени на учебу совсем не остается. Получение высшего образования пришлось отложить на несколько лет.

А ученики нижегородской школы №186 решили пойти своим путем. В стенах родной альма-матер ребята организовали бизнес, аналогов которому еще не было в России. И открыли страховую компанию «Формула успеха», которая страхует... от «двоек». К ним может прийти любой ученик школы и застраховать свои успехи в учебе или творческой деятельности. Сначала клиент заполняет страховой полис и делает взнос – от тридцати до семисот рублей. В компании вычисляют его средний балл за прошлую четверть и вносят его в базу данных. По окончании следующей четверти снова проводятся необходимые подсчеты: если клиент улучшил свои результаты, то за каждые 0,1 балла ему возвращают 20% от суммы взноса. Ну и, конечно же, сам взнос. Если балл ухудшается, ему ничего не отдают. А если остается прежним – он получает обратно свои деньги.

За четыре года, что существует «бизнес за партой», в клиентской базе компании «Формула успеха» уже больше пятисот имен и целая армия сотрудников – маркетологи, финансовые директора, бухгалтеры и страховые агенты. И даже несмотря на то, что всем «работникам» от одиннадцати до шестнадцати лет, зарплату юные страховщики получают «по-взрослому». Страховым агентам начисляется по 15-20% от каждого взноса, а заработок управляющих зависит от коэффициента трудового участия.

По итогам работы начальник каждого отдела выставляет оценки своим подчиненным, которые и влияют на доход каждого сотрудника.

Несмотря на всю серьезность предприятия, принцип «не навреди учебе» предприниматели соблюдают свято. Поэтому офис компании «Формула успеха» открыт только на переменках. В остальном же всё, как у взрослых: бело-зеленая корпоративная форма, устав фирмы, часы приема. Одно плохо: как только президент получает аттестат об окончании школы, он вынужден уйти в отставку. А бразды правления страховой компанией переходят к его младшему коллеге.

Вот так сегодня молодые люди отвечают на удары кризиса. Собственно, за границей подростки уже давно стоят у руля собственных компьютерных фирм, заводов и даже авиакомпаний. Например, в четырнадцать лет американская школьница Эшли Коуллс открыла сайт, который сейчас приносит своей владелице миллион долларов ежегодно. Уже в шестнадцать лет на заработанные деньги Эшли купила особняк с четырьмя спальнями, на первом этаже которого и расположился офис ее компании. Начинала предпринимчивая девушка с восьмью долларами, которые она заняла у своей мамы. Зато теперь родительница заняла должность управляющего и помогает своей дочери.

Ее коллега из Великобритании Мартин Хэлстед пошел еще дальше: на деньги, оставленные в наследство бабушкой, а также заработанные на нескольких работах, он в восемнадцать лет основал собственную авиакомпанию. Теперь «подростковые» самолеты будут дважды в день совершать рейсы между двумя на-

учными городами – Оксфордом и Кембриджем. Правда, пока в авиапарке юного бизнесмена единственный восьмиместный борт. Но Мартин очень надеется на расширение бизнеса.

Не рано ли с юридической точки зрения школьнику открывать свой бизнес? Как поясняют специалисты, согласно закону о государственной регистрации физических лиц и индивидуальных предпринимателей открыть собственное дело можно только с восемнадцати лет. Правда, в пункте «з» статьи 22.1 этого закона прописан ряд исключений, руководствуясь которыми, можно встать у руля собственной фирмы уже с четырнадцати. Самое простое решение – заручиться согласием родителей (усыновителей, попечителей) на ведение предпринимательской деятельности. В этом случае нотариально заверенное «добро» нужно представить в регистрирующий орган вместе с пакетом документов. Второй путь – связать себя узами Гименея. Ведь с того момента, как подросток вступает в брак, он признается полностью дееспособным. Правда, без согласия взрослых поход в загс тоже не имеет смысла. Если подросток всё же решил организовать собственное дело, ему следует помнить, что за все его финансовые неудачи отвечают родители. Подробнее это прописано в статье 1074 Гражданского кодекса (ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним).

Так что и в самом деле кризис должен всех расставить по своим местам. И каждый должен найти свое место, суметь преодолеть лень – опасного врага – и стать по-настоящему исполином.

Алексей БУДКИН

КУМИРЫ И ЗВЁЗДЫ

У нее имя индийской богини, она дебютировала в семнадцать, достигла славы в двадцать и сегодня известна как одна из ярчайших и высоко ценимых звезд Голливуда. Ее актерский дар выходит за пределы любых амплуа, одно ее имя в титрах обеспечивает фильму успех, а ее необычайная, характерная красота записала актрису в фавориты миллионов зрителей по всему миру. Она не подвластна ни моде, ни годам, а потому говорит:

**УМА ТУРМАН:
«НЕ БОЮСЬ УХОДЯЩЕГО ВРЕМЕНИ»**

Всё загадка таланта и особенностью актерского дара Умы Турман, понять и определить сложно. Он выходит за пределы любых традиционных амплуа и существует как бы сам по себе. Записной героиней романтических историй она не стала – но в ее карьере есть подходящие роли. У нее есть немалый комический потенциал – но комедия не доминанта в ее творчестве. Не ее стихия и суровый драматизм – но при желании в фильмографии можно найти и подлинно драматические ленты. Наконец, в фильме Тарантино «Убить Билла» неожиданно для всех она выступила в роли бой-бабы с мечом наперевес – хотя, безусловно, звездой боевиков по-женски Ума всё равно не станет: уж слишком явно Тарантино сыграл на контрасте женственности и силы, чтобы такое можно было повторить.

Что ж, не все загадки можно разгадать и не всё поддается пониманию. Но это не самое главное, когда речь идет об актрисе такого дарования. Для нас гораздо важнее другое: в каком бы амплуа ни предстала перед зрителем Ума Турман, она никогда не оставит его равнодушным, безразличным к тому, что происходит на экране, к тому, чем и как живут ее героини. Такая она и в одном из ее последних фильмов – психологической драме голливудского режиссера, русского эмигранта Вадима Перельмана, «оскароносного» создателя ленты «Дом из песка и тумана», в новой работе которого «Вся жизнь перед глазами» (в нашем отечественном прокате – «Мгновения жизни») мы вновь встречаемся с Умой Турман.

Это фильм про совесть. Ту самую, которую в анекдоте «имеют регулярно». Про то банальное и

старомодное понятие, которому удивлялся и которым восхищался Кант. Про то, как важно в любой критической ситуации поступать по совести, делать правильный выбор, чтобы потом не жалеть всю оставшуюся жизнь. Очень странный фильм... Дружили две девочки – христианка и девочка «легких нравов». Дружба была крепкой до тех пор, пока их сумасшедший одноклассник не принес в школу ружье...

Совесть, жить по совести, чистая совесть – что это? Насколько это важно? Как поступить так, чтобы избежать мук совести? Этот вопрос не будет давать героине фильма (Уме Турман) и зрителю пока.

«Вся жизнь...» – это история провинциальной жизни, которая проходит перед глазами Дианы, красивой женщины, любящей жены и матери, которая не может забыть события пятнадцатилетней давности – массовое убийст-

во в колледже. Когда-то пацанка-бунтарь и нонконформист, Диана стала спокойной, а иногда и нравоучительной женщиной-преподавательницей. Она любит мужа и очень бережет свою восьмилетнюю дочь, которая очень похожа на свою маму в молодые годы. Хотя Диана когда-то бредила, что однажды покинет эту провинциальную дыру, она всё же счастлива, оставшись здесь. Ее существование спокойно, размеренно и вполне комфортно, но внутренние переживания, словно уснувший вулкан, пугают ее изо дня в день, содрогаясь и предвещая обильное извержение эмоций, опасных для психики. Переживания Дианы таятся очень глубоко и не дают ей покоя. Это ее воспоминания. Диана то переносится в прошлое, то живет настоящим.

Прошлое – это она, пятнадцать лет назад, беззаботный подросток. Учится в школе, есть лучшая подруга – Морина. Всё идет своим

чередом, девочки – будущие женщины – вовсю мечтают о счастливой взрослой жизни, любимом человеке.

Но не для всех в школе юность окрашена в розовые цвета. Есть еще парень по имени Майкл. Его затравленная и нестабильная психика в один день переходит в сумеречное состояние, и он берет в руки оружие и приходит с ним в школу. Расстреливает всех, кто ему попадает на глаза. Не уходит от этой страшной судьбы в лице подростка с автоматом в руках и Диана с Мориной. Он находит их в туалете и предлагает на выбор, кому из них умереть. Морина вызвалась первой, а Диана от страха не могла произнести ни слова. Морина расстреляна в упор, как и многие ученики и учителя в школе.

Вихрем проносятся воспоминания в голове уже взрослой Дианы, перед глазами она всё время прокручивает эту сцену и уже к фи-

«Мгновения жизни»

налу картины, во время вечера встречи выпускников, она начинает видеть призраков из прошлого и чувствовать себя бестелесным призраком, что явилось последней каплей для ее угасающего рассудка...

Фильм можно назвать очень тревожным и страшным. Поражает чудовищный и кричащий контраст между спокойной, приятной обстановкой, в которой живут хранительница домашнего очага Диана и ее семья, и образами убийства в воспоминаниях героини. Жутко выглядит сцена расстрела в школе. Хаос летящих порванных бумаг, перевернутые столы, осколки стекла и труп учителя в неловкой позе на луже крови – всё на фоне отчетливо стучащих оглушительных автоматных очередей юного безумца.

Дико смотреть на этот ужас, минуты назад еще мирно жужжащую школу, в мгновения превратившуюся в фабрику смерти, воспаленным очагом горящую в памяти полусумасшедшей Дианы. Даже спустя пятнадцать лет героиня не может оправиться от пережитого в школе ужаса. Но постепенно зритель понимает, что у нее не просто последствия шока, а нечто другое: ее мучает то, как она повела себя в той ситуации.

Прошло много лет. Муж изменяет, дочь неконтролируема, навязчивые воспоминания пережитого ужаса, угрызания совести. Не жизнь, а сплошной кошмар. Она понимает, что сделала неправильный выбор в той ситуации. Ничто нельзя вернуть, но в этом фильме волею режиссера героине дан такой шанс – вернуться в прошлое и исправить свою ошибку.

В фильме зритель общается с двумя Дианами, между которыми

пятнадцать лет жизни: девушкой-подростком и взрослой женщиной. К сожалению, приходится осознать, что дети не всегда наследуют от родителей их лучшие качества, и что они не будут слушать их советов и наставлений, пока сами не обожгут пальчик. Что какая бы сильная любовь ни была между мужем и женой, она всё равно уходит, а страсть растворяется в потоке лет. Но всё же, несмотря на всё это, люди счастливы. И Диана счастлива, ведь она когда-то этого сама захотела. Вряд ли когда-то родители Умы, когда называли ее именем богини, могли поверить, что их дочери хотя бы на экране придется пережить весь этот ужас.

Родители Умы были людьми необычными. Сама она, так сказать, из династии записных красавиц. Ее прадед – прусский магнат барон Фридрих Карл Иоханнес фон Шлебрегге, а его жена-швед-

ка Бригитта Холмквист, красавица-манекенщица, вдохновила самого Сальвадора Дали. В виде скульптуры-ню она до сих пор стоит у ворот маленького шведского портового городка Треллерборга. Мама Умы, Нена фон Шлебрегге, по молодости хипповала, входила в десятку самых преуспевающих супермоделей пятидесятих годов и часто украшала собою обложки знаменитых журналов.

Первым мужем матери был легендарный идеолог контркультуры Тимоти Лири, с которым она очень скоро развелась, сохранив, однако, хорошие отношения, и даже уговорила его стать крестным отцом своей дочери. Так Ума породнилась с другой крестной дочерью Лири, кумиром молодежи Вайноной Райдер. Нена же предпочла остановить свой выбор на Роберте Турмане, отце Умы, который помог ей впоследствии сделать карьеру психоаналитика.

Глава семейства, экзальтированный янки, первым из американцев получил божественный сан тибетского буддийского монаха из рук самого далай-ламы. Правда, монашеская жизнь ему скоро наскучила, он вернулся в США, стал профессором религиозного факультета Колумбийского университета. Буддистские увлечения родителей не могли не оказать влияния и на детей: у всех трех братьев актрисы имена индуистских божеств – Дахен, Ганден и Мипам; самую младшую и любимую он назвал Ума Каруна Мета Упекха. В буддизме словом «ума» обозначается особое состояние человека – «серединный путь», на языке суахили – «ботинки», в индуистской мифологии – «любой предмет женского рода»; «каруна» – страдание; «мета» – любовь; «упекха» – хладнокровие.

Ума своим именем гордилась –

вряд ли в Америке найдется еще одна девушка с таким именем – до тех пор, пока не побывала в Японии. Жители Страны восходящего солнца стеснялись называть ее по имени. Выяснилось, что «ума» по-японски означает «лошадь». Замешательство вежливых японцев можно понять: не называть же кобылой голливудскую звезду. «А вообще-то, – говорит актриса, – меня называли Умой в честь богини индуистской мифологии. Кажется, этим именем в индийской грамматике обозначается любой предмет женского рода. Имя смешное, но навеки мое. Кстати, в Индии оно встречается на каждом шагу. Для них это звучит так же обыденно, как для нас – Джейн».

В детстве Уму, по ее рассказам, дразнили Рыбой-молотом (такая здоровая рыбина с тупыми круглыми глазами и огромной головой). Сверстники относились к ней без симпатии. С жестокостью, присущей только детям, они гоня-

ли ее по школьному двору, швыряли камнями, дразнили. «Ну почему я такая страшная?! Ну зачем меня так по-идиотски называли?!» — плакала пятнадцатилетняя девочка. Ее братья в юности были далеки от родительского отвращения к насилию. Могли и накостылять обидчикам. Но не она. «Первые четырнадцать лет жизни я провела в убеждении, что я ужасна и внешность моя ужасна, — вспоминает актриса. — Нос страшно длинный. Кто-то из маминых коллег даже советовал сделать пластическую операцию. Да и рост... Не очень-то приятно иметь рост метр восемьдесят в двенадцать лет. Я ощущала себя гадким утенком. Конечно, с одной стороны, хорошо иметь братьев, а с другой — плохо быть девчонкой среди трех мальчиков. Сама становишься в некотором смысле мальчишкой. Размываются представления о различиях между полами».

А потом началась мятежная

юность: «Чтобы окончательно вывести родителей из себя, мне пришлось стать обычным американским подростком. Лет в двенадцать я в пику им записалась в группу поддержки одной футбольной команды. Ну, все эти палочки с кисточками и помпонами, слоганы-кричалки, танцы с подскоками, гольфы, короткие юбочки на радость сексистам. Папа пришел в ярость».

Сейчас Турман выглядит совсем не так, как в молодости. Тогда она не отличалась особой жизнерадостностью. Трудно представить себе веселенькую резвушку в 180 сантиметров ростом и туфельках 42-го размера, скачущую на дискотеке. Но возраст и обстоятельства могут до неузнаваемости преобразить женщин. «Меня считают довольно красивой, — говорит Ума Турман, объективно оценивая себя в Голливуде. — Но, как актриса, я меняю свой облик от роли к роли. Для меня моя внешность подобна палитре, я смотрю на нее, как на рабочий инструмент. Сейчас мне нравится быть высокой. Правда, это иногда смущает партнеров. А вот Де Ниро, хоть и гораздо ниже меня, очень любит стоять со мной рядом в кадре. Прошло много времени, прежде чем я смогла принять себя такой, какая я есть. В лице мальчишки даже не смотрели в мою сторону. Им нравились другие девочки. Мне нужно было немножко вырасти, чтобы при таком лице можно было носить мой большой нос». Ума даже подумывала — не поменять ли свое имя на какое-нибудь более традиционное, вроде Келли или Линды, — но вовремя остановилась. Однако уже в те годы в ней проглядывал талант, она даже выступала на сцене школьного театра. Правда, актерская карьера заладилась не сразу.

«Всё, что я могла дать своим детям, — я дала, — сказала тогда Нена. — Остального добивайтесь сами». Когда Ума, будучи измученным бесконечными издевательствами сверстников пятнадцатилетним подростком, заявила родителям, что едет в Нью-Йорк, она получила от них вместе с тремя сотнями долларов и завернутым в фольгу бутербродом книгу о самураях. Из всего, что она прочитала по дороге, ей запали в душу слова: «Справедливость, верность и мужество — вот три природные добродетели самурая». Как показалось девушке, в них крылась некая сила, так необходимая ей в огромном жестоком городе.

«Адова кухня» — так называлось место, расположенное в самом опасном районе Бруклина, где поселилась Ума, устроившись в ближайшую пиццерию посудомойкой. Ее комната была сырой и темной, пропахшей бедностью и одиночеством. Город пугал ее настолько, что она предпочла ему общество книг и бесплатной пиццы. Много курила и мало спала, отчего ее длинное нескладное тело обрело идеальные пропорции

фотомодели. Воспользовавшись старыми связями матери, она начала работать в модельном агентстве. Казалось, что на элитном подиуме взойшла новая звезда. Она без труда получила славу, которой многие добиваются годами, но быстро поняла, что это не то, что ей нужно. Зато уже к пятнадцати годам сбылась ее мечта — мелькнувшую на сцене в любительском спектакле Уму заметили два искателя талантов из Нью-Йорка. Она поступила на актерские курсы, но до первых работ в кино пришлось подождать два года.

В шестнадцатилетнем возрасте состоялся ее кинодебют в фильме «Поцелуй папочку на ночь». Здесь она сыграла дрянную девчонку, которая грабила мужчин, предварительно отравив их наркотиками. Фильм провалился: сценарий был на удивление бездарным. «Первый опыт съемок повлиял на меня не слишком благоприятно, — признаётся Ума. — Я чувствовала себя не в своей тарелке и вообще не была уверена, что правильно выбрала профессию».

«Приключения барона Мюнхгаузена»

После пары-тройки эпизодических ролей была возвышенно-ироническая, безумная фантазия «Приключения барона Мюнхгаузена» самого Терри Гиллиама. Режиссер смело спародировал картину Боттичелли «Рождение Венеры». Венерой, как нетрудно догадаться, была ослепительная блондинка Ума Турман. Ее заметили и пригласили в «Опасные связи» со звездными Джоном Малковичем и Мишель Пфайффер, которых восемнадцатилетняя старлетка затмила без особых усилий. Невинная девственница, только что перешагнувшая порог монастыря, ангелочек Сесиль де Воланж, которую соблазняет распутный, но неотразимый Джон Малкович – виконт де Вильмонт, разбивает сердца мужчин и покоряет зрителей. Когда они увидели, как нехотя, стыдливим движением Сесиль стягивает с себя ночную рубашку, они, безусловно, поняли и оценили, насколько

правдоподобно сыграла юная актриса этот критический и переломный момент в жизни девушки.

С этой роли Уму стали воспринимать не иначе как сексуальную нимфетку и эксплуатировать ее обнаженную натуру по полной программе. Режиссеры охотно использовали ее пленительный образ, и пять лет актриса охотно демонстрировала в кино красоты своего тела. В фильме «Приключения барона Мюнхгаузена» она явилась обнаженной Венерой на створке морской раковины, и журналисты восхищенно вздохнули по этому поводу: «Эта сцена заставила бы самого Боттичелли свежими красками переписать свое знаменитое полотно». Девушка играла бисексуальную красотку и прочие провокационные роли в неглиже. Миф о собственной привлекательности, к которой Ума была совершенно не готова, умер в тот момент, когда в ворохе писем, ежедневно приходивших

на ее домашний адрес, обнаружилась посылка от парня из Бруклина: юноша, долго добивавшийся взаимности от Турман, приложил нож с запиской: «Ты хочешь, чтобы я убил себя?» Вот тогда Ума действительно испугалась. Внезапно она поняла, что красота – это власть, а красота, которую ты до конца не осознаешь, – это смертельное оружие. Когда после недельного добровольного заточения в стенах собственного дома девушка вышла в свет, она была одета в бесформенный свитер, широкие мужские штаны, и с этих пор любые предложения «просто излучать сексуальность и получать за это деньги» Турман отвергала резко и бескомпромиссно. «Лучше я буду безработной, чем секс-символом, – отвечала Ума, – у меня нет желания жить в мире, где секс – это международная валюта». Ей казалось, это был единственно справедливый поступок.

К тому же самой Уме роли ку-

кольных красоток не приносили удовлетворения, поскольку ей приходилось демонстрировать тело, а не талант, который, как она справедливо считала, у нее был. Поэтому она отказалась от нескольких заманчивых финансовых предложений и неожиданно уехала в Европу.

Истинной же причиной отъезда стал страстный роман и скоропостижный брак с англичанином Гэри Олдменом, который был на двенадцать лет старше своей подруги, – известным актером, блиставшим талантом и скандальной славой пьяницы и дебошира. В стельку пьяный Олдмен гонял на автомобиле с таким же бедолагой Кифером Сазерлендом, постоянно попадая в различные передрыги. К тому же в алкогольном угаре Гэри становился ужасно подозрительным и ревновал молодую жену буквально к телеграфному столбу. Девушка всеми силами и известными ей способами старалась помочь супругу вернуться к нормальной жизни.

В подобных случаях большинство проблем в голливудских семьях решается с помощью психоанализа. Ума уговорила Гэри обратиться к знакомому психоаналитику – старому приятелю мужа. Узнав, что Гэри страдает приступами патологической ревности, тот вместо помощи заявил, что дыма без огня не бывает. Он предположил, что Ума бессознательно подает Гэри поводы для переживаний. В результате Олдменом овладела параноидальная идея: узнать, кто же ее любовник. У него созрел хитроумный план: уговорить Уму пройти сеанс психоанализа у своего приятеля, а во время «лечения» подменить его собой, чтобы та ни о чем не догадалась, и таким образом вывести тайну.

Многие психоаналитики проводят свои сеансы, исключая визуальный контакт с пациентом, — либо сидя за его спиной, либо вообще скрываясь за ширмой, тихим голосом задавая вопросы. Гэри договорился с приятелем, что в какой-то момент он незаметно подменит его и, изменив голос, сам начнет задавать наводящие вопросы. Во время сеанса психоанализа Ума легла на кушетку, через некоторое время ее врач извинился и на секунду вышел из кабинета, а вместо него вошел Гэри. Имитируя шепот своего друга, он продолжил допрос. Конечно же, Ума сразу узнала голос своего мужа, однако, как и свойственно актрисе, решила разыграть спектакль. На вопрос, не мечтает ли она о ком-нибудь, кроме Гэри, Ума притворно вздохнула и громко ответила: «Да, я люблю одного человека. Это врач-психоаналитик. Он приходит ко мне каждую ночь, и ни

одна запертая дверь ему не помеха».

Бабник и пьяница, с одной стороны, и испуганная угловатая девочка — с другой. У этих людей не было ничего общего, но тем не менее они поженились. Она варила ему овощной суп — у Гэри был гастрит — и регулярно вытаскивала из полицейских участков, задержанного за пьяные дебоши. Брак продолжался чуть более полутора лет. Олдмен охарактеризовал причину их развода на удивление романтично: «Жить с ангелом на самом деле тяжелый труд». После очередного пьяного автопробега ангел выгнал дьявола из дома, с горечью признав: «Это была моя первая любовь и моя первая ошибка». Ошибку исправил развод.

В целом творческий путь Умы Турман складывался довольно удачно: за десять лет работы в кино она снялась в семнадцати фильмах. Правда, в ее репертуаре преобладают роли второго плана. Но это — кредо актрисы, она никогда не скрывала, что для нее имена партнеров по съемочной площадке значат больше, чем величина роли и размер гонорара. Всех удивило, что на волне успеха она согласилась на небольшую роль юной красавицы, ради которой пожилой англичанин бросает свою спутницу, в фильме «Месяц на озере». Но дело в том, что эту немолодую даму играла легендарная Ванесса Редгрейв, тогда больше думавшая об искусстве, а не о поддержке чеченских террористов.

Присутствие Турман всегда ощутимо, не случайно режиссеры борются за нее, как за лишние сто миллионов бюджета, а одно ее имя в титрах обеспечивает фильму семьдесят процентов успеха.

Наиболее яркий пример – лента «Генри и Джун», в которой ей досталась роль жены скандально известного писателя Генри Миллера. Она настолько срослась с образом этой нелепой истеричной бисексуальной женщины, что трудно вообразить, что реальная Джун Миллер могла бы быть какой-то другой.

И вот наконец «Криминальное чтиво» Квентина Тарантино выводит Уму Турман в ранг кинозвезд первой величины. Когда Ума танцевала с Джоном Траволтой, у мужской части зрителей замирало дыхание и съезжала крыша, а прекрасная половина населения нашей планеты смогла, наконец, понять, что не только блондинки могут пленять мир своей красотой.

Уж кто-кто, но, во всяком случае, брюнетки должны быть благодарны Квентину Тарантино за то, что в «Криминальном чтиве» он надел на блондинку Уму Турман несиний-черный парик. После вы-

хода фильма на экраны пришел конец засилью блондинок на сцене, в кино и на телевидении. Все женщины хотели быть похожими только на роковую Мию Уоллес, героиню из этого самого «Чтива». Хотели так же танцевать, носить такие же белые блузки с черными брючками до щиколоток, сводить с ума Джона Траволту и обладать ее неповторимой грацией. Но воплотить в жизнь все эти желания было по плечу далеко не каждой. Поэтому со свойственной женщинам изобретательностью они остановились на самом простом и доступном: постриглись и перекрасились «под Уму Турман». И вот уже ослепительная крашеная блондинка Мадонна встряхивает, как в юности, черной гривой, а следом, как день переходит в ночь, меняют окрас Мелани Гриффитс, Гвинет Пэлтроу... И тут уж никого не волнует, что настоящая Ума Турман – пепельная блондинка.

Когда фильм вышел на экраны,

«Криминальное чтиво»

С Джоном Траволтой в фильме «Будь круче!»

нее совершенную машину убийств. Невеста долго работала на Билла и считалась лучшей в его команде, все члены которой скрывались под кличками смертоносных змей. Невеста получила прозвище Черная Мамба – за свою эффективную и умелую работу.

Но приходит день, когда Невеста решает выйти из бизнеса, а это сулит неприятности для банды. В день свадьбы команда Билла, именующая себя отрядом убийств «Смертельная гадюка», расправляется с женихом и всеми, кто был на свадьбе. Невеста чудом остается жива, пять лет проводит в коме, а когда выходит из нее, обнаруживает, что ребенка, которого она должна была родить, не существует. Она не знает, что, находясь на больничной койке, всё же смогла выносить и родить девочку и что ее дочь жива. И месть женщины, потерявшей ребенка, на которой и построен сюжет первой части ленты, становится

ся битвой женщины за право обрести собственное дитя. Черная Мамба бросается мстить убийцам. Что ж, женщина, лишенная счастья материнства, как считает Тарантино, имеет право на месть. Роль «крутого парня», то, к чему собственно, стремились и режиссер и актриса, судя по всему, удалась.

Важной вехой в биографии Турман стал «Гаттака» – недооцененный критиками фантастический фильм, рассказывающий о недалеком будущем, когда генную инженерию превратят в большой бизнес и на свет появятся детисупермены, зачатые в пробирке, и обычные люди, подверженные болезням. Партнер Умы, Итан Хоук, играет обычного человека, который из-за болезни сердца не может исполнить свою мечту о полете в космос. Притворившись сверхчеловеком, он становится навигатором корпорации «Гатта-

ка» и обрекает себя на жизнь в постоянном страхе разоблачения. Он влюбляется в героиню Турман — генетически совершенную девушку, влюбляется вначале по сценарию, а затем и по жизни.

Правда, как утверждает сам Хоук, у него это произошло гораздо раньше, чем в фильме: «Я оказался за ней в очереди к банкомату в Ист-Вилледже. Стоял и думал: это самое прекрасное существо из тех, что мне доводилось видеть в жизни. Она только что вышла в "Опасных связях", а я сыграл в "Обществе мертвых поэтов". Я представился, но она не смотрела этот фильм, была со мной вежлива, но отнеслась, как к обычному фанату. Через пять лет мы оказались вместе. Я напомнил ей этот эпизод у банкомата. Ума была так удивлена! Оказалось, она ничего об этом не помнит».

Вообще-то странно, что Ума поначалу не обратила внимания на Итана, поскольку к тому времени он был уже очень известным актером, иконой «поколения икс», идеалом восторженных малолеток и кумиром своих сверстников. Его дебют в кино состоялся в детском фантастическом фильме «Исследователи», когда мальчику исполнилось четырнадцать лет. Затем была сложная драматическая роль в фильме «Общество мертвых поэтов», очень удачные актерские работы в диснеевской ленте «Белый клык», в картинах «Реальность кусается», «Перед рассветом», «Гамлет», продемонстрировавших зрителям, что его творческий потенциал достаточно велик.

Казалось бы, их встреча была предопределена давно и окончательно. Во время одной из поездок в Индию старик-провидец сказал Уме, что ее судьба — мужчина с цепочкой на ноге. В ответ девушка только улыбнулась, не приняв

слова старика близко к сердцу, но ни с того ни с сего вдруг решила сама надеть цепочку на щиколотку. «Чтобы лишний раз подчеркнуть свой сорок второй размер ноги», — шутила она, избавившись от комплекса на этот счет после того, как Квентин Тарантино во всеуслышание заявил, что таких божественно сексуальных ступней, как у Умы, нет больше ни у кого. Однажды в перерыве между съемками «Гаттаки» Итан залюбовался заснувшей в кресле Умой с дымящейся сигаретой в руке и раскрытой книгой на коленях. Внимание Итана привлекли ступни ее босых ног, красноречиво воспетые Квентином: повинувшись какому-то внутреннему порыву, он аккуратно расстегнул серебряный браслетик на ноге девушки и надел на себя. Тот день они называли днем своего обручения.

Их свадьба состоялась в мае 1998 года, венчание происходило в церкви Святого Иоанна на Ман-

хеттене, а невеста, по свидетельству очевидцев, была «очень беременна». Через два месяца у них родилась дочь – Майя Рэй Турман-Хоук. Как известно, Майей звали и мать Будды, так что после этого в доме появились две богини. Ума давно хотела ребенка, и супруги сошлись во мнении, что рождение дочери стало прорывом в их жизни. «Я горжусь, – признался Хоук журналистам, – что моя жена вот так взяла и сделала это. Нашла в себе мужество отказаться на какое-то время от съемок, чтобы родить». Казалось, они навсегда нашли друг друга и были по-настоящему счастливы, вместе с малышкой учили наизусть детские песенки и стишки.

Итан Хоук – едва ли не самый известный актер своего поколения, который сумел добиться признания и при этом не был задействован ни в одном блокбастере. Параллельно с кино он играет в театре, снимает фильмы, пишет романы. Один из них – «Золотая среда» – лег в основу его же фильма «Стены Челси», в котором была занята и Ума Турман. «Ей обычно предлагали роли либо полубогинь, либо настоящих стерв. Я же хотел, – говорит Хоук, – чтобы она сыграла обычную женщину – что-то более близкое ее естеству».

После съемок Турман, наконец, решила сделать перерыв, бросила курить и погрузилась в новую для себя стихию материнства, а вскоре у ее трехлетней дочери появился братишка. Долгожданный в буквальном смысле слова ребенок. В том числе и для Квентина Тарантино, на двенадцать месяцев отложившего работу над картиной «Убить Билла» и терпеливо дожидавшегося, когда его талисман – звезда «Криминального чтива» – родит второго ребенка и сможет приступить к съемкам. «Надо ждать свою Дитрих – и история отблагодарит тебя», – объяснил Тарантино свою верность актрисе. Правда, для этой роли режиссер заставил «свою Дитрих» сбросить двенадцать килограммов: в Голливуде шутили, что Уме пришлось сбрасывать по кило за каждый месяц простоя.

Турман выполнила поставленную перед ней задачу, хотя ее диета состоит обычно из шоколада, пудинга и бананового мороженого. Наверное, ей помогло то, что она буквально помешана на ультрасовременных спортивных снарядах и влюблена в свой «Реформер» – модную машину для поддержания мышечного тонуса. «Мое тело всегда меня слушалось, – сетует актриса на издержки своей фигуры после беременности. – Я четко реагировала на прибавление в весе. Но после родов организм точно вышел из-под контроля, растекся, как тесто на сковороде, в разные стороны. Отвис живот, распухли ноги. Даже мое любимое плавание не помогало. А вот чудо-тренажер стал моим лучшим другом». Что ж, возможно, без «Реформера» зрители могли бы и не дожидаться «Убить Билла».

Только вот на личном фронте победы сменились поражением,

блестящий брак неожиданно распался, как бы подтверждая тем самым, что вовсе не случайно в счастливые голливудские браки никто не верит. Как ни печально, после высказываний о сверхчеловеческом счастье и клятв в вечной любви Ума и Итан расстались, храня гордое молчание о причинах столь скоропостижной развязки. Правда, ходили слухи об интрижке Хоука и канадской модели со смешным именем Дженни Перцов, его партнершей по фильму «Забирающие жизни». Но ведь слухи – вроде бы не столь уж серьезный повод для принятия скоропалительных решений, тем более что Ума Турман неоднократно заявляла, что «постарается сохранить свой брак любыми методами». Увы, это ей не удалось. Впрочем, здесь каждый сам себе судья, и только он сам вправе определять, что в его жизни было хорошо, что плохо, в чём он достиг подлинных высот, а где потерпел неудачу. Как удивительно точно сказала актриса в одном из своих интервью, «пройти через испытания, измерить свои силы и самому решить, что считать достижением, а что нет – это и есть волшебный узор нашей жизни».

Неожиданно для многих последовавший за разводом 2005 год стал для Турман самым продуктивным – вышло в свет три картины с ее участием: «Будь круче!», «Мой лучший любовник», «Продюсеры» – плюс два фильма, в которых она играла сама себя. В прошлом году она сыграла в телефильме «Цинковая кровать» и официально объявила о своей помолвке со швейцарским мультимиллионером Арпадом Бюссоном. А в этом году Ума станет монашкой, сумевшей спасти сотни девочек в Уганде в драме «Девочка-солдат». В основе сценария

С Арпадом
Бюссоном

фильма будет книга Кэти Кук «Похищенные ангелы», повествующая о драматических событиях в этой африканской стране в 1996 году.

Сегодня бывшей нимфетке уже сорок. Однажды в интервью она сказала по этому поводу: «Это очень хороший возраст. Мир видишь как-то яснее. С двадцати до тридцати я была сплошным комком беспокорства, ожиданий и самокопаний. А теперь... Есть что-то чудесное в согласии с собой. Да, в согласии с собой начинаешь жить полной жизнью. Потому что видишь: у всего на свете есть другая сторона. Не видев обратной стороны Луны, мы подозревали, что там, втайне от нас, в темноте происходит нечто злое. Потом появились аппараты, которые сняли ее, и выяснилось, что там ничего страшного нет. К тридцати шести годам у меня появился такой аппарат в личном пользовании. Через него я смотрю на жизнь. И теперь точно знаю, что всё в ней относительно. Опыт утешает. А его приносит только время, возраст. Поэтому я не боюсь уходящего времени, мне нравится, что оно идет».

Сергей ЧАЙКИН

НА НАШИХ ЭКРАНАХ

НА УДИВЛЕНИЕ много в одной афише фильмов, в названии которых присутствуют цифры. Есть ли в них, цифрах/числах, какой-нибудь особый смысл? Или своя магия? Или они просто цифры, указывающие на время, адрес, градус, возраст? Но даже если так, то как они появились? С потолка? Не знаю, специальных исследований на эту тему не встречала, но вот, согласитесь, было бы интересно узнать, откуда возникли и почему буквально впечатались в память «9 с половиной недель» (Эдриан Лайн) или «Рим, 11 часов» (Джузеппе Де Сантис), или «Четыреста ударов» (Франсуа Трюффо), или «8 с половиной» (Федерико Феллини), или «100 дней после детства» (Сергей Соловьев), или «101 далматинец» (Стивен Херек), или «Четыре комнаты» (Роберт Родригес), или «Четыре свадьбы и одни похороны» (Майк Ньюэл)... Можно продолжить. Как правило, я так думаю, срабатывает «эффект благозвучия», это когда автору сценария или режиссеру кажется, что так звучать будет лучше, что именно это сочетание слов и цифр «ласкает слух», как говорится, «на ухо ложится» (или наоборот: раздражает, «царапает»). Иногда идет расчет на «аллюзии», это когда, например, «9 с половиной недель» благодаря своей пресловутой «половине» напоминает что-то хорошее, талантливое, даже великое. Конечно, «8 с половиной» Феллини. Других половин и не припомнишь. Кстати, если вдруг кто-то еще не знает, напомним, «8 с половиной» — это порядковый но-

мер картин Феллини: всего их было семь и одна короткометражная, т.е. «половина», поэтому новый фильм стал восьмым с половиной. Так что здесь цифра совершенно осмысленная. Случается, что речь идет просто о неправильном переводе, как например, в случае с классической картиной французской «новой волны» «Четыреста ударов», которая, по мнению многих переводчиков, не что иное, как идиоматическое выражение, обозначающее «беспорядочное движение».

В принципе тема «цифры/числа в названиях» довольно любопытная. Но, боюсь, без специальной подготовки тут не обойтись. Надо быть и киноведом, и психологом, знать нумерологию, и каббалистику, и бог его знает, что еще. Поэтому отложим эту тему до пополнения образования и приступим к репертуару. Но тем, кто чувствует себя готовым к такому исследованию, как говорится, карты в руки.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ приступить к свежей испеченной анимации под названием «9», хотелось бы вспомнить еще одну девятку, ожидаемую в конце года. Мы уже упоминали «8 с половиной» Феллини, так вот «Девять» («Nine») (возможно, название к моменту выпуска и прокат изменится!) — мюзикл по мотивам этого шедевра. Первоначально, а было это двадцать пять лет назад, он был поставлен на Бродвее (музыка и слова И. Йестона) и удостоился пяти премий «Тони», в том числе и в главной номинации «лучший мюзикл года».

В американской версии главный герой, всемирно известный режиссер по фамилии Контини (Дэниэл Дэй Льюис), переживает «кризис среднего возраста» на всех жизненных направлениях: в творчестве и в личной жизни. Как и герой Марчелло Мастоияни, сыгравшего в 1963 году у Феллини кинорежиссера Гуидо Ансельми (который никак не мог решиться начать съемки нового фильма, потому что чувствовал себя не готовым, опустошенным, груз прошлых отношений тянул к земле, не давая воспарить), так и Гуидо Контини пытается понять, что в его жизни значат женщины, с которыми он был и с которыми всё еще продолжает быть так или иначе связан: жена (Мэрион Котийяр), муза Клаудия (Николь Кидман), любовница (Пенелопа Крус), дизайнер костюмов (Джуди Денч), американская журналистка, пишущая о моде (Кейт Хадсон), проститутка времен его ранней юно-

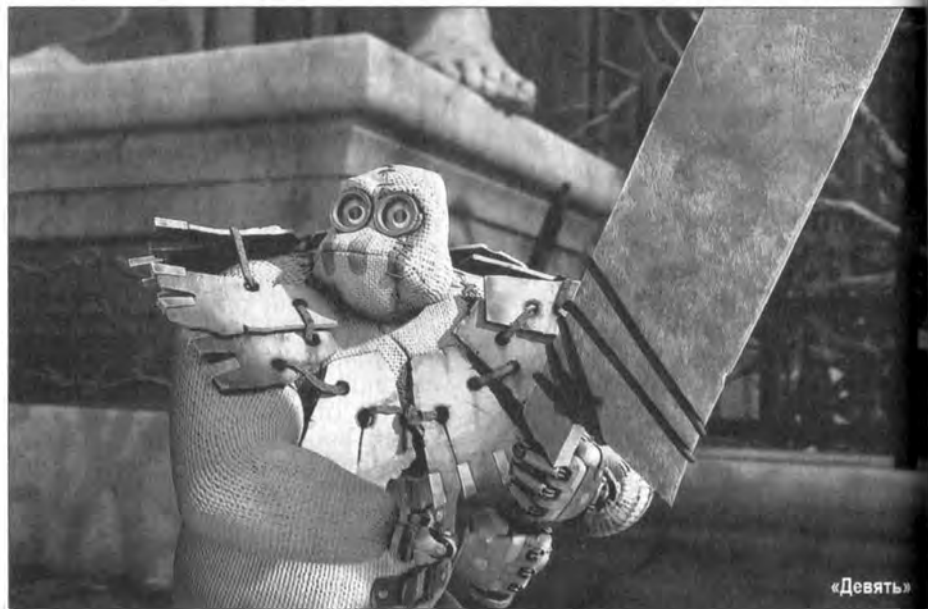
сти Сарагина (Стейси Фергюсон) и мать (Софи Лорен).

Фильм музыкальный, но интерес, конечно, ему обеспечивает связь с Феллини, который своим шедевром вызвал к жизни сначала сценический, а затем и кинематографический музыкальный опус. Думаю, всё также благодаря имени великого итальянского маэстро кино и его шедевр исполнителями роли Гуидо на бродвейской сцене в разные годы были Антонио Бандерас, Джордж Клуни, Джонни Депп – и все они рассчитывали сыграть эту великую роль в фильме. Но режиссер Роб Маршалл сначала пригласил испанца Хавьера Бардема, а когда тот отказался, сославшись на то, что вообще решил взять на год тайм-аут, пригласил Дэниэла Дэй Льюиса. Любопытно также, что на роль Клаудии, музы режиссера, которую в оригинальном фильме сыграла Клаудия Кардинале, пробовались Кэтрин Зета-Джонс,

Деми Мур, Жюльетт Бинош – и, наконец, была утверждена Николь Кидман, которую лично я никогда бы рядом с Клаудией Кардинале не поставила. Кидман хорошая актриса, но слишком холодная, слишком анемичная, не способная разжечь ни плотской страсти, ни духовного огня. Я субъективна, так что можете со мной не соглашаться. Дива итальянского кино 1950-1970-х годов Софи Лорен (75 лет) всего второй раз за 55-летнюю карьеру снимается в мюзикле: первый фильм датируется 1972-м и называется «Человек из Ла Манчи». Но поскольку актриса на протяжении жизни записала много песен и выпустила несколько дисков, то она оказалась подготовлена к «поющей роли». Лорен никогда не снималась у Феллини, но вот с Марчелло Мاستроянни они часто играли вместе супругов или любовников, и зрители неоднократно называли их лучшей парой итальянского кино

(«Вчера, сегодня, завтра», «Развод по-итальянски», «Подсолнухи», «Особенный день»).

Анимационный фильм-тези **«Девять»** («9») родился из 11-минутной мультипликации, которую студент лос-анджелесской киношколы Шэйн Эккер снял в 2005 году. Крошечный студенческий фильм так понравился, что его даже номинировали на премию «Оскар». «Оскар» тогда Шэйну не достался, но это огорчение лихвой окупили с десятков других фестивальных призов и приглашение снять полнометражную анимацию. Прошло четыре года, прежде чем Шэйну Эккеру удалось превратить свой первый замысел в полнометражную анимационную картину, действие которой разворачивается в параллельном мире в постапокалиптическую эпоху, когда всем достижениям человечества грозит полное уничтожение. Собственно говоря, бо- льшая их часть уже превращена

«Девять»

В этой тотальной разрухе на обломках цивилизации живут грязные тряпичные куклы, отличить которых друг от друга можно лишь по номеру на спине. Есть среди них № 9-й (озвучивал Элайджа Вуд), прирожденный лидер, готовый отомстить за убитого друга, который когда-то спас ему жизнь, и помочь остальным выжить. Вокруг него спланивается группа очень разных, но объединенных целью в победу и завидным упорством борцов: это ветеран войны под № 1 (Кристофер Пламмер), престарелый изобретатель под № 2 (Мартин Ландау), мужественный механик № 5 (Джон С. Рейли), мечтатель и художник № 6 (Криспин Гловер) и храбрый боец № 7 (Дженнифер Коннелли). Борьба им предстоит с железными мутантами, которые отдаленно напоминают одни – фигурки глиняных кошек, другие – фланирующих тарелей (наполовину летучих мышей, наполовину скатов), третьи – насекомых с неправдоподобно длинными привинчивающимися ножками и стручками вместо тел. Фильм очень эффектный, динамичный и, естественно, научно-фантастический, так что отлично подойдет для семейного просмотра и дальнейших разговоров с молодым поколением о цивилизации, об опасностях, ее подстерегающих, и о необходимости защищать малую (где живешь!) и большую (наш общий шарик!) Землю.

Следующий фильм с цифрой 9 в названии (третий за год!) называется «Район № 9» («District 9») и снят режиссером Нилом Бломкампом. Фильм художественный, но, как и «9», снят в жанре научно-фантастического экшена и повествует о борьбе за выживание. Инопланетяне, которым подходит прозвище «креветки», эда-

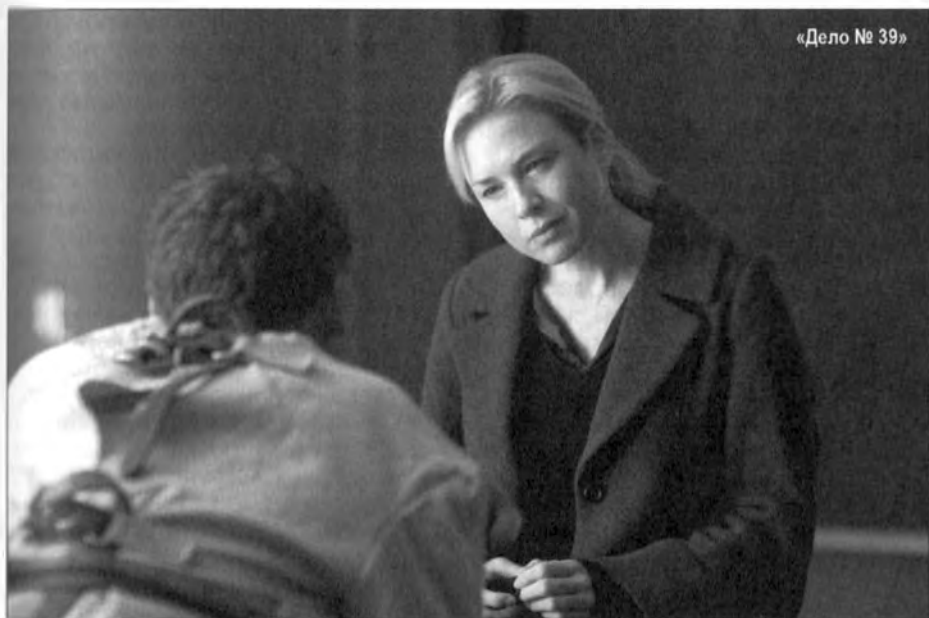

кая пометь омара с кузнечиком, выглядят весьма тошнотворно. Они прилетели на землю в космическом корабле, который сначала завис над Йоханнесбургом, а потом там же и приземляется. Кто они, откуда и почему их тарелка обесточилась – всё это вопросы без ответов. Бедные «креветки» за время своего зависания чуть не умерли от голода, поэтому никакой опасности в момент их обнаружения для людей не представляли. Тогда ученые решили переселить их на Землю, чтобы вести научные наблюдения. Но не всех такое решение обрадовало, многие инопланетян бояться – и вполне оправдано. Согласитесь, нам есть что вспомнить из жуткого кинематографического опыта, например всех «Чужаков». Так что вскоре лагерь «креветок» превращается в тюрьму, довольно удаленную от города. Государственный чиновник по имени Вилкус ван дер Мер-

ве (это имя очень глупого персонажа анекдотов), которого играет Шарлто Копли, поставлен во главе группы, которая должна решить весь комплекс задач, возникших в связи с «креветками». А проблем масса: люди против, но и «креветки» не хотят переезжать, и тогда ван дер Мерве вызывает спецназ, который приезжает на бронетранспортерах с огнемётами, чтобы «помочь» инопланетянам переехать. Ван дер Мерве собственными руками уничтожает дома, где, надо сказать, уже подрастает новое поколение инопланетян. Логика простая: они мерзкие, мы их не любим, поэтому давайте их в кипяток, как омара. Эта – уж не знаю, научная ли, но фантастика – поставлена режиссером-дебютантом и спродюсирована Питером Джексоном (трилогия «Властелин колец»). В конечном счете ван дер Мерве поселится вместе с инопланетянами в Районе 9, проникнется к ним неж-

ными чувствами, подружится с «креветкой» по имени Кристофер Джонсон, потому что он воспитан, умен и даже создал секретную лабораторию, в которой ведет изыскания по реанимации космического корабля. Большая часть истории связана с попыткой проникнуть в секреты инопланетного вооружения, что довольно странно, поскольку оно, это оружие, выглядит не так устрашающе, как оружие землян, во всяком случае, последние нападают, а бедные «креветки» только и делают, что гибнут. После того как у ван дер Мерве вырастает клешня, он обретает способность использовать инопланетное оружие, и тогда уже за ним начинается охота его собственная команда. Для пущей путаницы и суматохи появляется группа гангстеров из Нигерии, продающих инопланетянам кошачий корм. Если бы это была комедия – нет вопросов, но всё происходящее снято так серьезно, что

полей-неволей начинаешь искать скрытые смыслы. И находишь: раз действие происходит в Южной Африке, то, наверное, нам намекают на сегрегацию и апартеид. Название «Район № 9» тоже с намеком, потому что в Кейптауне был так называемый 6-й район, в котором неграм разрешалось иметь свои дома и свой бизнес, но в один прекрасный день сюда приехали бульдозеры и всё сравняли с землей. Местное же население переселили. Аллегория, значит?! Не уверена. Впрочем, любители жанра что-нибудь для себя найдут.

В конце года ожидается еще одна анимация под названием «\$9.99». Может быть, всё это количество девяток связано с 2009-м годом, и тогда это стереотип подсознания? А, может быть, просто совпадение? А может быть, это перевернутый знак дьявола? На это в сюжете есть намек. Но о фильме с тремя девятками мы поговорим в следующих обзорах,

а пока не так чтобы «девять», но нечто вроде. Триллер **«Дело № 39»** («Case 39») примечателен участием Рене Зеллвегер, которая до того – надеюсь, не ошибаюсь – в триллерах не снималась. Ее героиня Эмили Дженкинс социальный работник, повидала в своей жизни всякие ситуации, но ни разу не сталкивалась с родителями, которые были бы убеждены в том, что они обязаны убить своего ребенка. Эмили делает всё, чтобы спасти десятилетнюю Лилит, и в конце концов забирает чудесную девочку к себе. Тут-то и начинается самое страшное. Первые отзывы характеризуют фильм как самый страшный за последние несколько лет, в этом «деле» под номером 39 есть всё – преступление, саспенс, хоррор, – и как бы ты ни был к ним готов, они подстерегают тебя вновь и вновь, причем в момент, когда ты только успел расслабиться. Фильм называют блестящим не только с точки зре-

123») тоже повторение пройденного, но только в том смысле, что являются римейком одноименной ленты 1974 года. Режиссер Тони Скотт («Враг государства», «На линии огня», «Дежа вю», «Дни грома»), актеры Дензел Вашингтон и Джон Траволта – настоящие мастера в жанре триллера. На этот раз они объединились, чтобы рассказать историю о террористах, захвативших поезд в нью-йоркском метро и потребовавших от властей выкуп в десять миллионов долларов за жизни пассажиров. Как известно, даже когда требования террористов выполняются, шансы у заложников спастись в лучшем случае остаются 50 на 50. В своем жанре, учитывая мастерство съемочной группы и особенно мастеров по спецэффектам, фильм сделан блестяще. Но вместе с тем от Тони Скотта всегда ждешь чего-то большего, если не сказать – выдающегося. Траволта выглядит настоящим гением зла, а

Дензел Вашингтон, как всегда, убежденным поборником добра и справедливости, но на этот раз страсти и нюансов в их актерской работе нет как нет. Траволта – наемник, Вашингтон – переговорщик, обслуживающий компанию, управляющую метрополитеном. Для него десять миллионов долларов – огромная сумма, но жизни людей бесценны. Звучит банально и благородно. Оригинального фильма мы не видели, так что сравнивать, к счастью, не с чем. Но известно, что все фильмы, в которых происходят катаклизмы самого разного рода, во многом зависят от второстепенных ролей, в данном случае – от пассажиров. Они должны быть милые и обаятельные, и их должно быть жалко. Здесь они скучные и невыразительные, а значит, некому сопереживать. Да и спецэффекты, которые мы сначала похвалили, в общем-то в своем техническом совершенстве доведены до абсурда.

Джон Траволта
в фильме «Опасные пассажиры поезда 123»

«Пункт назначения 4 в 3D»

Так, например, полицейская машина, попавшая в аварию на большой скорости, летит не согласно законам физики, а так, как это будет эффектнее для зрителя. И все службы метрополитена какие-то абстрактные, а потому неправдоподобные. Законы экшена требуют, чтобы на экране был только один главный герой, чтобы всё происходило быстро, резко, чтобы не было диалогов, потому что они тормозят действие, но в результате такого расклада на экране остается одна лишь глупость без смысла и человеческого содержания. Типичный случай, когда техническая сторона кино, пусть даже доведенная до совершенства, разрушает содержание и уничтожает эмоцию.

Возможно, все мои рассуждения лишены сколько-нибудь серьезного основания, а сводятся лишь к претензиям. Вот смотрит же зритель **«Пункт назначения 4 в 3D»**, причем уже в четвертый раз

(«The Final Destination 4») и вовсе не смущается оттого, что ему подсовывают одну и ту же сюжетную схему, один и тот же шаблон. На этот раз хоррор, снятый Дэвидом Р. Эллисом, рассказывает историю подростков, которые отправились на автомобильные гонки. Ник (Бобби Кампо) и его друзья были на трибунах, когда произошла ужасная авария: гоночный автомобиль на огромной скорости врезался в зрительскую массу: кровь, разорванные на куски люди, изуродованные тела – жуткое зрелище, от которого стынет кровь. Вереница взрывов – и вот уже все оставшиеся в живых зрители погребены под трибунами стадиона. Некоторое облегчение приносит тот факт, что все это Нику лишь привиделось. Однако юноша уверен, что это пророческое предостережение, он спасает друзей из лап смерти, но старуха с косой предпринимает новую попытку забрать тех, кому поначалу

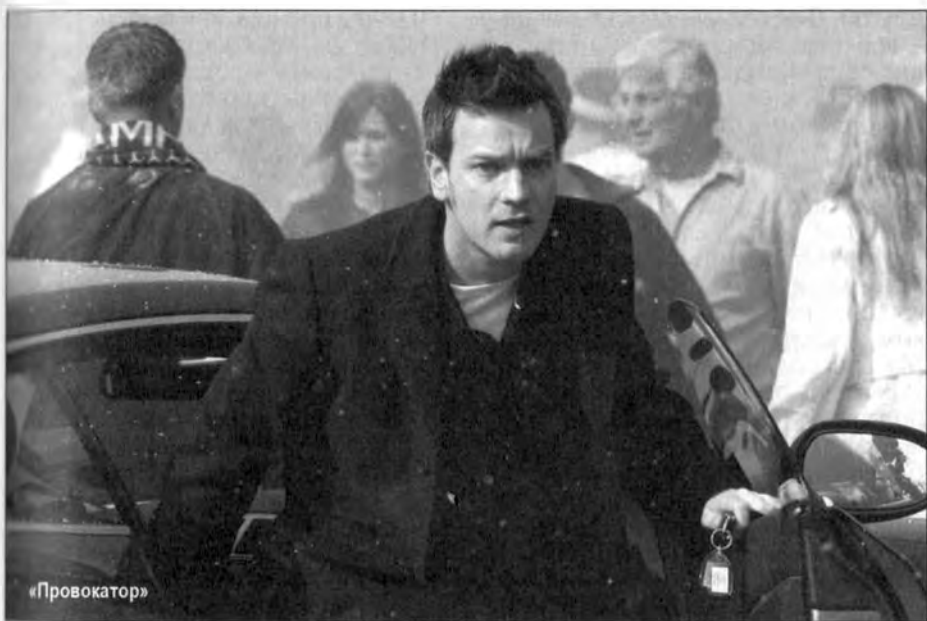
удалось избежать злого рока. Она возвращается, чтобы прикончить их всех поодиночке еще более жестокими способами, чем авария на автодроме. Схема «предвидения» безотказно работает вот уже в четвертый раз. Думаю, главным образом потому, что логика здесь простая и устрашающая для любого человека: если смерть тебя заприметила, то тебе не отвертеться. И никакое предчувствие, никакое предвидение и россыпи знаков не помогут.

Российский фильм замечательного режиссера Карена Шахназарова «**Палата № 6**» был представлен в конкурсе Московского Международного кинофестиваля 2009 года. Сценарий фильма написан по мотивам полной загадок, парадоксов и тревоги одноименной повести А.П.Чехова, которую в равной степени можно назвать самым пессимистичным и самым жизнеутверждающим сочинением писателя. В центре сю-

жета основанная на реальных событиях история врача психиатрической лечебницы, который становится ее пациентом. Доктор Андрей Ефимович Рагин со своим одиночеством, отчужденностью, рефлексией – одна из ключевых фигур не только чеховского творчества, но всей мировой литературы XX века. Карен Шахназаров решил перенести действие повести в наши дни, потому что он уверен, что «в нашей нынешней жизни нет никакого смысла. А что такое сумасшествие? Это отсутствие смысла». Это фрагмент интервью режиссеру газете «АиФ». Думаю, лучше, чем сам он, о фильме не скажешь, поэтому цитирую: когда накладывается чеховский текст на современность, то «становится понятно, какой глобальный кризис идей мы сегодня переживаем. Идея социализма отошла на второй план, у христианской идеи тоже не лучшие времена. Трагедия безверия и есть, в су-

«Палата № 6»

«Провокатор»

щности, главная тема "Палаты № 6". Доктор Рагин не верит. А рядом с ним его собеседник, оппонент, пациент палаты № 6 Громов, который верит. И оглянувшись на всю свою жизнь, Рагин понял, что прожил ее неправильно. Но найти ответа на вопрос: "А как правильно?" он уже не может – у него нет идеи. Вот от чего он свихнулся!» Актер Владимир Ильин за роль доктора Рагина получил на ММКФ «Золотого Георгия». Я довольно часто рекомендую наши фильмы смотреть – и не только чтобы поддержать «отечественного производителя», но и для того, как в этом случае, чтобы поддержать собственные мозги.

НУ И ОТРАБОТАВ наконец все названия с цифрами, посмотрим на английский фильм **«Провокатор»** («Incendiarу»), который следовало бы перевести как «Подстрекатель». Итак, перед нами мелодрама-триллер, жанр, который

чаще пользуется успехом у зрителей, особенно когда в роли любовника-журналиста Джаспера Блека Юэн МакГрегор, а он, как известно, актер, от которого «можно ждать». Вот с этими ожиданиями и отправимся в кинотеатр. А здесь трагедии... одна за другой – и все они ставят в тупик до тех пор, пока не начинаешь понимать, что всё это женское рукоделие (режиссер Шэрон Магуайр), укороченно-навороченный симбиоз женского романа и телесериала. Сначала под звуки печальной музыки молодая мать (именно так обозначена в титрах героиня Мишель Уильямс) рассказывает о своей любви к сыну. Тут же нам показывают мальчика, такого милого и чудесного, что почти сразу понимаешь: авторы заготовили ребенку страшную участь. Но не успеваешь об этом подумать, как молодая мать уже оказывается в квартире своего любовника (МакГрегор) и видит его в постели с

другой. С облегчением вздыхаешь – всё-таки мелодрама! Но проходит пара минут: ан нет, опять трагедия! Муж молодой матери вместе с сыном отправляется на стадион, где террористы взрывают бомбу. Оба погибают. Мужа не жалко, потому что перед этим нам уже успели услужливо сообщить, что он полный идиот, а потому и жену упрекать в прелюбодеянии грешно: ведь когда живешь с таким придурком, разве можно от МакГрегора отказаться? Но, объективно говоря, всё-таки женщина потеряла и мужа и сына, да еще всё это случилось, пока она разбиралась с предателем-любовником. Фиаско по всем статьям. А тут еще примешивается чувство вины за смерть мужа и сына. С этого момента в фильме три пласта: первый – драма матери, отягощенной чувством вины (на некоторое время она даже сходит с ума); второй – журналистское расследование ее друга-репортера

(между прочим, как выяснится, он любит ее, ну просто бабник, просто мимо юбки пройти не может), который пытается выяснить правду о взрыве, так как с этим взрывом что-то нечисто; и третий пласт, связанный с фигурой босса погибшего мужа «молодой матери», который каким-то образом замешан в террористическом акте (он тоже влюблен в женщину). Вот такое «мыло» в формате кино. Нас им каждый день на убой кормят по телевизору. Можно и на большом экране посмотреть. А можно и не смотреть. Не суть важно.

И еще одно, столь же не идеальное кино, хотя и называется **«Идеальный побег»** («A Perfect Getaway»). Здесь кому-нибудь может пригнаться фамилия Миллы Йовович в титрах, остальные имена нам малоизвестны, включая имя режиссера Дэвида Туи. Итак, медовый месяц – самое счастливое время для молодоженов. Они, Клиф (Стив Зан) и Сидни (Милла

Милла Йовович
в фильме
«Идеальный побег»

Йовович) – красивая пара, добившаяся успеха в жизни и впереди ожидающая только счастья и радости. Их свадебное путешествие на Гавайи похоже на сказку. Правда, всё это омрачается пугающими сообщениями о том, что на острове, куда они отправляются, орудут серийные убийцы. Однако беспечные новобрачные решают продолжить свадебное путешествие, отмахнувшись от предостережения. Прибыв на место, они знакомятся с другой молодой парой, Ником (Тимоти Олифант) и Джинной (Кьеле Санчес) и отправляясь на остров Кауай, в джунгли, чтобы пройти по специально проложенному туристическому маршруту, усыянному трогательными предупреждениями: «Осторожно, камнепад», или «Осторожно, обрыв», или того лучше – «Осторожно, возможна вулканическая лава». Трогательность этих предупреждений в том, что все они находятся вдоль тропинки, идущей

по краю обрыва. С одной стороны отвесная скала, идущая вверх, а с другой – отвесная скала, идущая вниз, и деться вам от вышеуказанных напастей некуда. Вскоре к ним присоединится третья пара Клео (Марли Шелтон) и Кейл (Крис Хемсворт), на первый взгляд обычные туристы-походники, вот только она приветлива и дружелюбна, а он неприятен и агрессивен. Для молодоженов вся эта прогулка – повод для пикника, поэтому у них с собой много вещей и провизии, а вот Ник и Джина путешествуют налегке, правда, потом откуда-то будут появляться всё новые и новые вещи, которые якобы их. Впрочем, до пикника дело так и не дойдет, путешественники очень быстро обнаружат, что убийцы не выдумка, а жуткая реальность, с которой они таки столкнутся. Молодые люди составляют план побега, но всё идет не по плану... И снова знакомая мысль: была бы это комедия – никаких претензий. Вот и со-

общения в газете и по радио о том, что на острове Гонолулу убита молодая чета, как «чеховское ружье», прозвучало, значит, должно «выстрелить» – значит, жди маньяков! Режиссер неспешно нагнетает фильм саспенсом. Поначалу кажется, что просто джунгли сами по себе опасны. Но постепенно атмосфера сгущается и уже начинает казаться, что люди опаснее джунглей. Выясняется, что Ник побывал в Ираке и что его «невозможно убить» – эти загадочные слова произносит Джина. Потом начинает казаться, что кто-то следит за ними. Не стоит пересказывать триллер, расписывая, кого и как убили, а в финале еще и объяснив, кто это сделал. О судьбе трех пар у вас есть шанс узнать из фильма. Актеры работают вполне неплохо, а для зрителей, любящих головоломки, авторы припасли несколько совсем неожиданных ходов. Если вы задумаетесь о том – правда ли всё, что происходит в фильме?

– скажу с уверенностью: нет, правда. Значит ли тогда, что это выдумка и обман? Пожалуй, тоже нет! Тогда что – часть трагедии?! Кем придумано?

И напоследок нашим маленьким детишкам 3D анимация шеном и фантастикой под названием «**Миссия Дарвина**» («Gisele»). Веселое приключенческое кино для всей семьи с участием бригады спецназа, составленной из лабораторных морских свинок и отправившейся на борьбу с масшведшим миллиардером, который хочет установить власть над миром, запрограммировав домашние электробытовые приборы, произведенные его корпорацией, таким образом, чтобы выполняли его инструкции. Фильм понравится детям всех возрастов. Экшен нон-стоп. Злой сумасшедший миллиардер по имени Сейб уже давно на примете у ФБР, Бюро ничего не может с ним сделать, а вот Жи-Форс за од

«Миссия Дарвина»

...он умудрились спасти планету, ...анеся вирус в его программное ...обеспечение. И сделал это один ...акер, который пытался доказать ...сом, что он умнее компьютера. В ...фильме есть не только свинки. ...сть хомяк, который часто и громко ...пукает, есть гиперактивный ...крот, которого Николас Кейдж озвучивает без характерной для него ...напористости. Самого Дарвина озвучивает Сэм Рокуэлл, свинку-сексапилку по имени Хуарес – Пенелопа Крус, а Бакки – Стив Бушеми. Конечно, не очень понятна техническая подоплека сюжета: каким образом домашняя бытовая техника может управляться дистанционно и как она установит контроль над всем миром? За счет того, что в один прекрасный момент все стиральные машины, кофемолки, мясорубки, пылесосы и прочее взлетят в воздух, «перегруппируются» в том смысле, что

из их отдельно взятых частей сложатся гигантские роботы, которые довольно сильно смахивают на трансформаторы. Они-то, эти роботы, и начнут уничтожать нужные людям вещи – эдакие слоны в посудной лавке. Но нашему спецназу все эти премудрости не страшны: толстая морская свинка по имени Харлей оказывается внутри микроволновки и проходит все циклы от пирога до курицы и выходит оттуда цела и невредима и в своем первозданном виде. Значит, наши победят!

Надеюсь, что и ваш поход в кино, где вам, зрителям, авторы услужливо заготовили все стадии – от пирога до курицы, от веселья до ужаса – закончится так же победно, и вы выйдете такими же, как и вошли. САМИМИ СОБОЙ! Готовыми к новым свершениям.

Елена НИКОЛАЕВА

Измученная многолетней Северной войной Европа всячески провоцировала юного шведского короля Карла XII пойти в поход на Москву в надежде, что ее оставят в покое. Да он и сам стремился уничтожить не только северную российскую столицу, но и разорвать Россию на несколько кусков. Российский же царь горел желанием вернуть исконные славянские земли и выйти к северному морю. В воздухе пахло грозой. Историческая битва, в которой решалась судьба России, стала неизбежной –

И ГРЯНУЛ БОЙ

К 300-летию Полтавской битвы

Несколько раз Отечество наше подвергалось угрозе уничтожения. Тогда во весь рост вставал народ, и враг был обречен и повержен. Так было на Куликовом, Бородинском, Прохоровском полях. Так было и во время судьбоносной Полтавской битвы в 1709 году.

В начале XVIII века Россия, окрепшая в ходе петровских преобразований, вознамерилась вернуть исконные славянские земли – территории, некогда принадлежавшие Новгородской республике и утраченные московскими царями во время Ливонской войны и Смуты – и выйти к морям. Прорубить окно в Западную Европу через Балтику и через полуоткрытое окно Черноморья, выйти на ее южные земли в Переднюю Азию и Африку. Пётр I уже отвоевал Азов и Таганрог, но Чёрное море оставалось еще «озером турецких султанов». Воевать на два фронта он не мог и сосредоточился на возвращении Балтики. Побережье Финского залива, Нева должны были стать русским предместием Европы.

Однако на пути этих устремлений стал молодой, энергичный, самонадеянный и талантливый шведский король. В 1700 году на шведском престоле оказался восемнадцатилетний Карл XII. До поры до времени он ничем не проявлял задатков выдающегося военачальника, больше напоминая легкомысленного хулигана. Будущий союзник Петра, польский король и наследственный саксонский курфюрст Август II Сильный (свое прозвище он получил за то, что лишь по достоверным данным был отцом семидесяти детей) говаривал, что Карл провалился в отцовские ботфорты, откуда его неплохо было бы вытащить за шиворот и наказать

розгами. Всё так. Только в начале XVII века предок Карла XII Густав Адольф первым придумал рекрутские наборы. Малоземельные шведские дворяне охотно служили офицерами. В результате Швеция при относительно небольшом населении приобрела сильнейшую в Европе профессиональную армию. Армии двух императоров сошлись под городом Нарвой.

Пётр только что начал создавать регулярную армию, оснащать ее современным оружием, но не успел завершить задуманное. Армия была напичкана иностранными наемниками, всякого рода советниками и авантюристами. Пётр же после поездки в Европу слепо доверял им.

В итоге – жестокое и, казалось, безысходное поражение России. Европа аплодировала. Карл был признан самым выдающимся, самым непобедимым полководцем всех времен. Шведский король выпустил медаль в честь победы, на которой был изображен Пётр, бежавший от него, теряя шпагу и шляпу. Хор словословия был так единодушен, что Карл и сам поверил в это. Не поверил в это один Пётр. Он несколько не сомневался в предназначении России и в то, что заложенный им Петербург станет новой её столицей. Карл же был самонадеян и легкомысленно заявил о петровской затее: «Пусть строит, всё равно это будет наше». Пётр же понимал, что поражение потерпела не его армия, которую он задумал как современное войско, а та спешка, с которой начиналась война, и шаткость и непрочность его союзников.

Правильно было сказано, что если в строительстве кораблей, создании промышленности можно

было доверять иностранцам, то на войне, требующей героизма, самопожертвования, презрения к смерти и других воинских качеств, рассчитывать на них невозможно. Стало абсолютно ясно, что умирать за «эту страну», за эту варварскую Московию они не будут.

С невиданным упорством, большой энергией Пётр проявил одно из самых сильных своих качеств – умение извлекать уроки из событий, использовать неудачи как толчок, рычаг для их преодоления, как орудие победы. Он стал создавать новую армию. Он делал вывод в «Гистории швейской войны», что когда это несчастье, вернее, «великое счастье» произошло, оно вынудило русских отказаться от войны и проявить небывалое трудолюбие и активность. Прошёл новый массовый призыв в армию, рождалась мощная уральская металлургия, было отлито триста новых пушек и гаубиц, Разведки доносили в Европу: «Русская армия стала втрое сильнее прежней».

Карл XII с презрением отказался прислушиваться к этим сообщениям. Он почитал себя Александром Македонским, и один из его генералов с беспокоеством говорил, что король «делает вид, будто бог непосредственно внушает ему, что он должен делать».

Карл начал боевые действия на территории Польши, двинулся, чтобы посадить на престол «своего» польского короля Станислава Лещинского и разгромить саксонского союзника России курфюрста Августа II.

К началу 1707 года русские армии сосредоточились недалеко от Львова. На генеральном совете собрались ведущие русские военачальники. Здесь был разработан план осторожного постоян-

ного изматывания шведских войск, в котором говорилось, что «надо будет дать баталию при своих границах, когда того неохотимая нужда потребует будет». А в «Польше на переправах и партиями также оголошением провианта и фуража томить неприятеля».

Был расчет перекрыть все направления движений войск шведского короля на Москву через Белоруссию или Украину. Везде укреплялись крепости, готовились отряды легкой кавалерии, подготавливались отряды сопротивления местного населения, предусматривалось уничтожение всех источников снабжения.

Высшей точкой плана должно было стать генеральное сражение на русской территории. Где оно будет? Конечно, никто не знал, но в истории позднее высветилось название – Полтава.

Этот небольшой город-крепость был обнесен земляным валом с деревянным палисадом для защиты от набегов крымчаков. В зиму 1708 – 1709 гг. тут кипела работа. Пётр приказал укрепить ее согласно предписаниям тогдашней инженерной науки. В городе было всего две с половиной тысячи жителей, но ее гарнизон состоял из четырех тысяч человек. Командиром гарнизона Полтавы был расчетливый, мужественный и стойкий бригадир Алексей Степанович Келин.

В это время Карл XII уже распотрошил всех основных союзников Петра. С первых дней выведена из союза с Россией Дания. Он громил поляков и заставил отречься от престола короля Польши, но, по выражению Петра, «завяз в Польше». А затем направил свои войска на разгром последнего союзника России саксонского курфюрста Августа. Ав-

густ был разгромлен и вышел из войны. На южном фланге боевых действий была опасная Османская империя (Турция), хотя и заключившая перемирие, но готовая вторгнуться в случае новых поражений России вместе с крымским ханом на южные земли.

Европа рукоплескала Карлу XII и толкала его продолжать войну с Москвией, чтобы, не дай бог, он не развернулся и не пошел вмешиваться в европейские дела. «На Восток! На Восток!» – рукоплескала и призывала Европа Карла XII. Как это напоминает мюнхенских вдохновителей Гитлера! Действительно, тогда Россия осталась в одиночестве. И, казалось, была обречена на поражение. В этот момент склонился к измене украинский гетман Мазепа, умный, изворотливый, интуитивный правитель, некогда друг Петра I. Он посчитал, что Пётр проиграл, и решил перейти к Карлу, чтобы сохранить те свои привилегии и привилегии нового дворянства – казацкой «верхушки». А привилегии у Мазепы были немалые. Он владел ста тысячами крестьян на Украине и двадцатью тысячами в России. Пётр I к нему благоволил, Мазепа к Петру – тоже. Гетман не раз одаривал царя. При первой встрече – золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, саблю в золотой оправе, золотое ожерелье с алмазами, а затем были скакуны, шит на золотой цепи, украшенный яхонтами и рубинами. Царь тоже щедро одаривал гетмана и питал расположение к нему и даже выдал ему бывших соратников – генерального писаря и судью Василия Кочубея и полковника Искру, которые раскрывали Петру глаза на готовящуюся измену. Но Мазепа медленно выбирал, примеривался, кто победит, и твердо ре-

шил уйти к Карлу. Знаменем этого ухода он избрал «вольность» и «самостийность», хотя Мазепа сам недолюбливал запорожское буйное казачество и советовал в одном письме к Меншикову разгромить Запорожскую сечь, но русскими войсками.

Причина этого почти безграничного доверия Петра крылась в том, что Мазепа, оказавшись в 1689 году в Москве, в разгар противостояния между Петром и Софьей, раньше многих русских вельмож сообразил, куда дует ветер, и сразу отправился в Троице-Сергиеву Лавру с поклоном и подарками Петру и его матери.

Хотя Мазепа не одерживал крупных военных побед, он стал одним из первых кавалеров ордена Андрея Первозванного, причем награжден был им раньше самого государя. А ведь это была единственная в то время государственная награда. Пётр выхлопотал для него у австрийского императора титул князя Священной Римской империи. Весть об измене гетмана прозвучала для царя как гром среди ясного неба.

Вопреки распространенному мнению, Мазепа хотел изменить, Петру не в пользу Карла, а в пользу Станислава Лещинского, тайно договорившись с польским королем о воссоединении двух частей Украины и переходе ее в состав Речи Посполитой. Вот такую «самостийность» готовил своим подданным вероломный гетман.

Предатель рассчитывал, что главным театром русско-шведской войны станет Прибалтика, а он тем временем без помех осуществит задуманный план. Когда Мазепа узнал, что Карл XII идет на Украину, его первой реакцией были слова: «Дьявол его сюда

несет!» Всех хотел перехитрить гетман.

Но народ и казачество не поверили Мазепе. Потому что вначале о его измене пошли слухи, а потом стали известны его письма к польскому ставленнику Карла XII Станиславу Лещинскому и его агентам. Из обнародованных писем было ясно, что Мазепа готов пойти на соглашение с католической унией, на возврат всей Малороссии под власть католической панской Польши. Гетман обязался передать Украину как законное достояние королевству польскому. По многим свидетельствам, он вообще был тайным приверженцем униатства (униатская церковь – христианское объединение, подчиняющееся папе римскому, признающее все догматы католической церкви при сохранении православных обрядов. – *Ред.*) и имел сношения с иезуитами. Народ решительно этому воспротивился: духовное православное единство было самым большим достоянием, приобретенным в результате Переяславской Рады. И идти под католическую Польшу, всячески преследующую православие, он не желал: это было бы национальным самоубийством. Сам-то Мазепа не вызывал доверия у народа как польский пан, а власть его держалась на московских штыках.

Народ и казачество не пошли за гетманом, а Карл XII поверил и развернул свое войско на Украину. Ведь Мазепа пообещал привести под его знамена двадцать тысяч казаков и снабдить продовольствием для наступления на Москву. Приближение зимы и вступление армии на территорию, где население относилось к шведам враждебно – в Белоруссии и на Гетманщине развернулось партизанское движение, – также

заставили Карла развернуть войско на юг.

В случае победы на юге шведская армия вполне могла бы взять Москву, где всерьез готовились к боям в городе. Как для россиян так и для иностранцев Собор Василия Блаженного – это символ России, одно из главных украшений Красной площади. Этот собор мог бы не сохраниться до наших дней. За год до Полтавского сражения его хотели снести по одной очень важной причине: грандиозное архитектурное сооружение seriously сокращало зону обстрела вокруг Московского Кремля и могло помешать обороне самого сердца столицы.

Как только Пётр I получил сообщение о новом походе Карла XII на Москву, он начал немедленно готовить страну к обороне. В Новгород, Великие Луки свозился провиант, укреплялись крепостные стены. В Москве за полтора года до Полтавы начали насыпать валы, копать рвы. В Москве была установлена тысяча пушек. Пётр велел вывезти из Москвы сокровища Кремля. По его приказу стали насыпать землей действующие церкви, чтобы образовался земляной холм, внутри которого можно было вести огонь. В Пскове два таких импровизированных форта сохранились в полной неприкосновенности до начала XX века.

А под Полтавой русские войска под командованием Шереметева и Меншикова двигались с двух сторон, как бы «вели» шведов в коридоре, проводя мелкие бои, сделав с двух сторон заслоны, но в генеральное сражение не вступали, собираясь сконцентрироваться в одном месте.

К весне 1709 года положение обеих сторон определилось. Карл, перезимовав в междуречье

Псковы и Псла, намеревался продвигаться на Москву. Он твердо решил разрушить Россию как страну, свергнуть Петра I и на его место посадить, как в Польше, марионеточного царя. Псков, Новгород и весь север России предполагалось присоединить к Швеции. Вся Украина, Смоленщина должны были отойти к Польше Станислава Лещинского, впрочем, вассалом-князем Мазепой. «Надо уничтожить мощь Москвы, — сказал он польскому королю, — то есть ее дисциплинированную армию». Европа ждала, когда Карл III войдет в Москву, царь в суматохе будет убит, появится царь-марионетка, а Швеция, став хозяйкой севера, стала бы «повелительницей Востока» от Эльбы до Амура. «Холопская Россия» распалась бы по мере того, как шведы, поляки, казаки, турки, татары и китайцы отрезали бы от нее солидные куски. Петербург был бы стерт с лица земли. Побережье Балтики досталось бы прежним ее владельцам, и пробуждающийся народ остановился в своем развитии. Вот так очередная идея расчленения России, растаскивания и уничтожения ее вдохновляла очередного «покорителя». Впереди было отнюдь не рядовое ограбление. Впереди обозначилась судьбоносная, спасительная или гибельная битва.

Многие шведские генералы, ощутив силу новой русской армии, предостерегали Карла от авантюристических действий. Стал чувствовать гибельность своей измены и Мазепа. Он направил через ушедшего от шведов миргородского полковника Апостола тайное предложение Петру I — арестовать шведского короля, его знатнейших генералов и доставить их в русский лагерь, но просил, чтобы с ним был за-

ключен договор, гарантирующий его безопасность, который бы поддерживали «иностранные дворы». Договор, конечно, не состоялся, ибо в это время Мазепа направил письма и Станиславу Лещинскому, призывая того скорее вводить войска на Украину, где начинались волнения простого народа. Ему уже не доверяли ни те, ни другие. Мазепа был обречен. Шведы поставили охрану во дворы его приближенных, чтобы они снова не переметнулись к русскому царю. Самого же Мазепу чуть не схватили войска Петра. Шведское войско вышло из этой компании усталым и лишенным подкрепления, своих припасов и продовольствия. Мазепа посоветовал Карлу взять Полтаву, ибо там на складах было много пороха, провианта. Карл предпринимал одну попытку за другой, чтобы сходу взять крепость. Келин, однако, искусно защищался, предпринимал упреждающие вылазки, разгадывал ход минных подкопов, взрывал шведские заряды. Надо сказать, что вместе с регулярными войсками мужественно сражались все жители Полтавы со своим оружием — дети, женщины, старики и подростки. К весне у защитников Полтавы осталось полторы бочки пороха, очень мало провизии, катастрофически не хватало медикаментов. Тогда русские артиллеристы придумали хитрый план. Из пушечной гранаты вынимался запал, в пустое ядро засыпали порох, закладывали лекарства и важные сообщения. Затем отверстия запечатывали смолой и выстреливали в сторону осажденных, которые получали очень нужную посылку.

Меншиков же, пользуясь расположением мирных жителей Полтавы, провел дополнительные

войска в город, укрепив силы и дух гарнизона. К июню вокруг Полтавы выстроились основные русские и шведские войска. Карл не заметил, что он оказался в «подкове» у русских, которых было почти в два раза больше.

Русских войск было около пятидесяти тысяч человек против тридцати двух тысяч шведов. Но дело было даже не в количестве: против шведов, как верно написал Пушкин, стояли уже не «рассеянные тучи несчастных нарвских беглецов», а полки, прошедшие боевую выучку в многочисленных боях, подчиняющиеся дисциплине, регулярному строю, командам, не испытывающие недостатка в порохе, пулях, ядрах, артиллерии.

Карл же уповал на свой военный талант, на преданность и веру в него солдат, на собственную, необходимую для войны, но иногда показную храбрость. Во второй половине июня он получил известия о том, что русские войска хотят перейти через реку, чтобы поставить его между собой и Полтавой. Он со свойственной ему горячностью решил всё проверить сам и наблюдал за происходящим. Он и его свита находились под градом пуль, когда его упрасивали уйти из-под обстрела, он заявлял: «Пустяки». Уже кто-то из свиты был ранен, под Левенгауптом убита лошадь. Карл почти повернул назад, но в этот момент пуля настигла его и попала в пятку, прошла по подошве и застряла у большого пальца. Он еще ездил по окопам, но боль заставила слечь, вызвать хирурга. Поистине — «ахиллесова пята». Находясь в болезненном состоянии, он пропустил момент переправы русских войск через Ворсклу. Последний, самый жестокий приступ на Полтаву был отбит.

25 июня русские войска, пере-

правившиеся через Ворсклу, стояли напротив шведов, которые не стреляли в них, экономя снаряды и пули. Пётр ждал генерального сражения. В то же время, считая его «зело опасным делом», тщательно готовился, перекрывал все узкие, опасные места. Особенно удачной оказалось его инженерная идея построить шесть отдельных сомкнутых укреплений у леса на расстоянии ружейного выстрела. На них должны были наткнуться шведские атакующие отряды и, попадая под обстрел, атаковать их, теряя время, или прорываться между ними и попадать под огонь с двух фронтов. В военных учебниках говорилось, что это была блестящая мысль Петра — создать ступенчатые редуты. Царь применил и еще одно новшество в военном деле: насколько можно судить, впервые в истории и за двести пятьдесят лет до Сталина разместил в тылу своей армии

загранотряды с приказом стрелять по отступающим. Но этого не понадобилось.

26-го Пётр объехал свои полки, везде говорил речи, призывая сражаться, не жалея живота своего, за веру и Отечество. Был зачитан знаменитый его приказ: «Воины! Сей пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благоблостояния вашего».

Карл тоже проехал перед полками, он был изнурен раной, но верил в своих непобедимых солдат и призывал их верить ему и побеждать противника, не раз показывавшего тылы шведскому войску. А своим генералам он сказал: «Завтра мы будем обедать в шатрах у московского царя. Нет нужды заботиться о продовольствии солдат – в московском обозе всего много припасено для нас». К двум часам после полуночи он, терзаемый раной, обвязав ее бинтом, на вторую ногу надел сапог и на носилках со шпагой дал команду к наступлению.

Пётр был в центре ожесточенного боя. На нём пробили шляпу, одна пуля попала в пуговицу на его седле, другая – ударила в грудь, но наткнулась на нателенный крест. Храбро вел себя и Карл. Его возили на носилках лошадьми – он пытался собственным примером вдохновить воинов. Когда под ним разбили носилки, солдатам показалось, что он убит, и это породило ужас и страх. Вылезая из-под обломков, он кричал: «Шведы! Шведы!» Но шведы уже бежали.

Победа русских войск была полная. В «Юрнале» Петра Великого: «Однако то всё более двух часов не продолжалось, ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали... при том в начале – генерал-майор Штакельберг, потом же – генерал-майор Гамильтон, фельдмаршал Рейншильд и принц Виртенбергский купно с несколькими полковниками и иными полковыми и ротными офицерами взяты были и несколько тысяч рядовых, большая часть которых с ружьями и лошадьми отдались и в полон взяты. Неприятельских трупов переченено на боевом месте 9234, кроме тех, которые по лесам и полям побиты и от ран померли». Остатки армии с Карлом и несколькими генералами, а также злополучным Мазепой бежали и неустанно скакали по направлению к Днепру.

После победы русские полки выстроились на поле сражения. Царь объехал их с непокрытой головой и, преклоняя шпагу, приветствовал победителей: «Здравствуйте, сыны Отечества, чада мои возлюбленные! Потом трудов моих создал я вас; без вас государство, как телу без души, жить невозможно! Вы, имея любовь к Богу, к Вере православной, к Отечеству, славе, не щадили живота своего, и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши будут незабвенны у потомства». Слово покрылось криками «Слава!» и «Виват!». В походной церкви на поле отслужили благодарственный молебен, и во время пения «Тебе Бога хвалим» было дано три залпа.

Затем в царском шатре состоялся пир. Туда были приглашены шведские генералы и министры. Царь с лаской и добрым словом обращался к пленным. Фельдмаршалу Рейн-

шильду вручил шпагу и похвалил его за храбрость и верное исполнение долга. Он поднял тост за своих учителей, и на вопрос Рейншильда — кто они? — ответил: «Вы, шведы!» «Хорошо же ваше величество отблагодарил высоких учителей», — сказал Рейншильд. Пётр расстроился, когда ему доложили, что Карл погиб: «Неужели я не увижу своего брата Карла?» И обрадовался, когда узнал, что тот бежал. Пётр питал большое уважение к своему врагу.

Когда после пира снарядили погоню, Карл убежал уже далеко. Хотя остатки его армии Меншиков догнал на следующий день у Днепра и она сдалась, сам Карл с небольшим отрядом и Мазепой, бросив войска, бежали через степи и ушли под покровительство турок.

Полтавская битва была победой всей российской державы. Она была победой и украинского народа. Народ Малороссии с первых дней продвижения Карла на территорию Украины принял его как захватчика, оккупанта. На Глуховской Раде в 1708 году был избран новым гетманом Скоропадский, объявивший, что будет продолжать дело Богдана Хмельницкого. Полк за полком присягали Петру. Киевский митрополит Иосиф Кроковский и переяславский епископ отслужили молебен и провозгласили анафему в «вечное проклятие вору и изменнику Мазепе».

«Гетман Мазепа, как историческая личность, не был представлен никакой национальной идеей, — написал историк Николай Костомаров. — Поляк по воспитанию, он перешел в Малороссию и там сделал себе карьеру, подделяясь к московским властям. Он всех обманывал — и поляков, и

малороссиян, и царя, и Карла. Ему не жаль было того народа, у которого он за двадцать лет своего правления не мог приобрести любви... Он только обманывал призраком независимости, а на самом деле собирался ввергнуть его в рабство».

Полтавская битва спасла Отечество от порабощения и уничтожения. Россия значительно расширила свои территории, укрепившись на Балтике, а Украина, оставшись в составе Российской империи, увеличила свои территории почти вдвое. Это была не просто русско-шведская война — она имела общеевропейский масштаб. Одержав победу, Россия обрела статус великой державы. По словам шведского историка Петера Энглунда, «шведы покинули подмостки мировой истории и заняли место в зрительном зале». «Полтавская виктория» произвела такое впечатление на современников, что вошла в поговорку. В России до сих пор говорят «бит, как швед под Полтавой». Ни одно другое сражение такого внимания не удостоивалось. В Европе все были убеждены в неизбежности победы Карла, королевские канцелярии европейских держав даже заготовили поздравления шведскому королю, но письма пришлось адресовать русскому царю.

Нам и сегодня дорога память о жителях Полтавы, русских и украинцах, которые погибли, защищая наше общее Отечество. Вот потому мы с благодарностью говорим: «Вечная слава всем соотечественникам, полководцам, воинам, казакам, защитникам Полтавы, отстоявшим Отечество наше от врагов и не позволившим исчезнуть нашему народу».

Подготовил Ал. БРОДНИКОВ

Эта подборка рассказов составлена из работ молодых прозаиков, которые живут в Пензе и городе Заречном. Их работы самые разные – здесь и вполне реалистические рассказы, и фантастика (в жанре антиутопии), и почти сказка, и лирическая новелла... На наш взгляд, главное, что объединяет молодых авторов, – серьезная работа на своих произведениях, серьезное отношение к своему творчеству. А это во многом – залог будущего успеха.

Зинаида ПУРИС

ТАЙНЫЙ КЛИЕНТ

Алёнка работала в гипермаркете. Ежедневно к ее кассе на огромных тележках подъезжали горы товаров, переключивали на конвейерную ленту, и всё, от маленькой баночки с горчицей до тяжеленного пакета с постельным бельем она, подгоняемая писком сканера, должна была поддерживать в руках. Взять деньги, отдать сдачу – это само собой, но, кроме того, надо было каждому говорить "здрасьте", "до свидания", "спасибо" и даже какое-нибудь пожелание, типа "приходите еще" или "удачи вам". "Удачи вам" Алёнка говорила чаще, чем "приходите еще". Никакого желания, чтобы покупатели опять приходили в магазин, у нее не было.

Эту работу она нашла быстро. Всезнающая бабушка, у которой она сняла угол, сказала, что "Ашан" набирает кассиров. Алёнка боялась, что потребуют диплом или спросят, где раньше работала, но никто ни о чём таком даже не заикнулся. Назад она летела на крыльях: ей не придется махать шваброй в запыленном подъезде и печь по ночам пряники "частнику", как печет ее подруга Лариска, уехавшая в город раньше нее. Только и делов, сиди себе в белой рубашке с галстуком, жми на клавиши да деньги считай.

Бабушку тоже звали Алёнка. Вернее, Алёна Георгиевна. Ее телефон дала ей тетя Валя. Тетя Валя недавно купила дом у них в деревне и уже успела наглядеться на Алёнкино житье. Она и надоумила ее уехать:

- Пропадешь ты тут, сопьешься, как твоя мать.

Алёнка не соглашалась:

- Нечего я не сопьюсь. За мной вон мальчишки бегают. Я замуж выйду, ребеночка рожу и буду жить нормально.

- Думаешь, они бегают, чтоб замуж тебя взять? Они-то знают, зачем бегают, а ты... Ты девчонка добрая, облапошить тебя ума большого не надо. Ребеночку не только есть-пить, ему отец нужен. Трезвый. Твои мальчишки самогон пьют с пятого класса, чего от них ждать?

Алёнка считала, что тетя Валя сильно преувеличивала, но спорить она не умела и в ответ тяжело вздыхала, а соседка расценивала эти вздохи как доказательство того, что ее слова достигли цели.

В четверг в магазине было на редкость малоллюдно. Два, три человека, и сканер получал передышку, Алёнка тоже отдыхала от его непрерывного писка. Глазела на покупателей, не переставая удивляться тому, как смело они заполняют свои тележки, небрежно швыряя в них яркие пакеты. В

деревне она, придя в магазин, подолгу думала, что купить - пряников или печенья, селедку или сосиски, а тут никто даже не смотрит на цены, не заглядывает в кошелек, чтобы посмотреть, хватит ли у них денег.

Если бы мать побывала в "Ашане", она бы точно бросила пить. Столько всякой всячины ждет, чтобы ее съели! Какие конфеты! А торты! Алёнка уж кое-что попробовала. Сначала упорно доедала деревенскую картошку, покупала только хлеб, молоко и конфеты дешёвые, но потом всё-таки устроила себе праздник. Фруктиков разных купила, пирожных, йогуртов. Фруктики не понравились. Название - не выразишь, вкус не поймешь. Бананов бы купила, и то лучше.

Подъехала тележка, покупатель неторопливо выкладывал на конвейер покупки. Немолодой уже, лет тридцать будет, а одет... Алёнкин взгляд успел засечь потешные шорты, больше похожие на семейные трусы, мятую футболку и серьгу в ухе. Тележка полупустая, значит, живет рядом. Издалека за такой мелочью никто не поедет. Она рассматривала озабоченное лицо покупателя, а когда встретила с ним взглядом, вспомнила о своих обязанностях и сказала:

- Добрый день.

- Добрый, - ответил он. Голос приятный. Негромкий, как будто пригласенный. У Алёнки почему-то перехватило дыхание.

- С вас тысяча двести пятьдесят, - сказала она извиняющимся тоном.

- Без проблем, - успокоил ее покупатель и положил перед ней деньги.

- Спасибо, - прошептала она и, спохватившись, громко сказала: - Приходите к нам еще.

- Приду, - пообещал он и толкнул тележку к выходу.

Алёнка гордо выпрямила спину. "Ага, нужен ты больно. Штаны свои клоунские сначала сними".

В перерыве она не пошла в столовую. На выходные собиралась съездить домой, надо бы купить чего-нибудь, чтоб не с пустыми руками. Перерыв большой - сорок минут - должна успеть. Только переодеться надо, в форменной рубашке покупки делать не разрешают. Такие порядки.

Магазинные порядки Алёнке и нравились, и нет. По сравнению с совхозной столовой, где она за семьсот рублей в месяц чистила картошку, - небо и земля. Там мат-перемат, кто пьяный, кто с похмелья. На работу ходишь, как в цирк. Тут по-другому: всё культурно, вежливо, зарплатой не попрекают. На премию даже подталкивают. Работай, поворачивайся шустрой, тебе тут же премия. Разве плохо? Только в деревне она хоть и была кухонной работницей, а по столовой ходила как хозяйка, могла любого послать. А тут - "добрый день", "приходите еще". Какая-нибудь королева неповоротливая двумя пальчиками из тележки пакетики достает и час по чайной ложке, охота ей в лоб дать или хотя бы сказать: "Чего телишься? У меня, между прочим, премия от скорости зависит", а ты ей: "Спасибо, рада вас обслужить".

Чтобы купить что-нибудь, Алёнке надо выйти через служебный ход и войти в магазин, как обычный покупатель. Дурость, конечно, но против начальства не попрешь. А начальства в "Ашане" больше, чем покупателей. Менеджеров одних как мух летом. Только и заняты тем, что подгоняют. Подгоняют и проверяют. Клиентов даже подсылают липовых. Возьмет такой пачку стирального порошка и ждет, когда ты ему за это в ноги кланяться начнешь, а ты ему ни здарсьте, ни спасибо. Всё, считай, премия накрылась. А еще тайный клиент может маленький пакетик в боль-

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

шой засунуть, и если не заметишь, опять без премии - считается, что у тебя воруют. Не у них, главное, воруют, а у тебя. Кино!

У центрального входа Алёнка увидела своего недавнего клиента. Он недалеко ушел от магазина, видно, встретил знакомого, стоял и задумчиво слушал своего друга. Алёнка очнулась, когда он встретился с ней взглядом. Она успела покраснеть, а он кивнул ей без улыбки, с серьезным лицом.

Сообразила, что накупила ерунды, только когда в белой рубашке и галстуком уже сидела за кассой. Как с ума сошла: надо было консервов разных набрать, или еще чего-нибудь дельного, а она - мармеладок-шоколадок. Ни закуска, ни еда. Мать, она же без царя в голове, раздаст всё ребятишкам, сама и попробовать не успеет.

Прошлый раз, когда Алёнка ездила домой, она ее встретила трезвая. Ждала, окна вымыла, занавески постирала. Дома чисто, как в Кремле, и на столе в стеклянной банке гладиолусы. Алёнка глазам не верила. Мать и блинов напекла, и курицу пожарила. А вечером отец пришел - узнал, что она приехала. Сначала, как люди, сели за стол: стаканы, тарелки, тост сказали: "За тебя, дочка". А потом... Всю ночь орали: то ругались, то песни пели в два горла. В шинок без конца бегали. А утром, наверное, в долги им давать перестали, так они на нее надели. Как только не обзывали, чем только не попрекали. Алёнка бросила на стол сотню и уехала. Месяц не приезжала, и вот опять собралась. Всё-таки мать жалко.

В деревне про отца говорят: неплохой мужик. "Хороший" - ни разу не сказали. Он и правда неплохой - не ворует, не озорует. Один раз подарок ей принес - картину.

- Смотри, дочка, - твой портрет.

Алёнка в школу тогда еще не ходила и не знала, что такое портрет. Он объяснил, что девочку на картине художник срисовал с нее. Она глупая была, поверила, потом, когда подросла, то, конечно, поняла, что отец по пьяному делу шутки шутил, но всё равно картину называла не иначе как "портрет". Тем более девочку на картине звали Алёнушка.

Мать говорила, что когда они поженились, отец не пил. Может, и не пил, только Алёнка его трезвым ни разу не видела. Даже на паспорте он выпивши. За эту пьянку мать его и выгнала. Он далеко не ушел, у бабушки жил, у матери своей. А у них дома начались гулянки. К матери подружки со всей деревни повадились. Сначала Алёнка радовалась - мать то салат "оливье" сделает, то селедку под шубой. Дома уберется, сама нарядится. Подружки выпивали, пели песни, истории рассказывали, а перед уходом чай пили с конфетами. Жизнь была - малина. Алёнке нравились и истории, и конфеты. Потом отец начал приходить, вроде как отношения налаживать, а потом про мать стали говорить: "спилась". Алёнка сначала возмущалась, заступалась за нее, а потом перестала. Чего уж там, спилась, спорить не о чем.

Электричка до деревни ползет три часа, причем не столько ползет, сколько стоит у каждого столба. Столько времени трястись в вагоне да еще на жестком сиденье - мало радости, зато от станции до дома всего пять минут ходьбы - скатилась с насыпи и - вот он, ее дом!

Тяжелую сумку Алёнка оставила в сенях. Двери все настежь, но дома прибрано, пахнет вкусно. Она заглянула на кухню. На столе в луже сметаны плавал пучок укропа пополам с сорняками, здесь же яичная скорлупа

на, картофельные очистки и большая эмалированная миска с салатом, нарезанным бесформенными ошметками. Она не сразу увидела мать, ее не было видно из-за стола: уткнувшись носом в подушку, она спала беспробудным сном пьяницы здесь же, на кухне, на старом диване. Мятый пестцовый халат задрался, выставляя напоказ грязные ноги.

Алёнка с расстройства села на табуретку и сразу же вскочила, а кусок мыла, успевший прилипнуть к юбке, упал на пол. Она пнула его ногой.

- Дура! - закричала она. - Дура!

В сердцах она принялась швырять в раковину грязную посуду, смахивать со стола картофельные очистки и пришла в себя, только когда подмела пол и впинула мусор в переполненное ведро.

Из-за стола показалась всклокоченная голова:

- Дочка... Я тебе сгущеночки купила...

Алёнку опять стала душить обида:

- Ты зачем напилась? Ты же знала, я приеду. Сгущеночки она купила...

- Я салат тебе сделала, ешь, не ругайся.

- Не ругайся, - передразнила она. - Ты этот салат топором, что ли, рубила?

- Кушай, дочка, не обижайся.

У Алёнки на глазах выступили слезы.

- Ну как не обижаться, мам? Ну, зачем ты пьешь? Все люди живут как люди, а она пьет как лошадь...

До вечера мать сидела дома. Она не меняла виноватого выражения лица, ловила Алёнкин взгляд и поддакивала каждому ее слову. На огонек заглянула тетя Валя и, пока пили чай с купленными в "Ашане" сладостями, пылливо расспрашивала Алёнку о городской жизни:

- А мальчишки? В городе за тобой мальчишки бегают?

- Не-а, - честно призналась Алёнка.

- Не бегают? - с недоверием переспросила тетя Валя. - И что, прямо никого у тебя нет? Ни одного кавалера?

- Ну, - замаялась Алёнка. - В общем, есть один, но он... Он мне не очень нравится.

- Что за причина? Говори, раз начала.

- У него сережка в ухе.

Тетя Валя засмеялась:

- Ну, Алёнка! Ну, артистка! Сережка - это ерунда, главное, чтобы человек был. Говори начистоту, чем нехорошо? Выпивает или грубиян?

Алёнка задумалась:

- Нет, он не выпивает и не грубиян. Он добрый, культурный. Разговаривает тихо. Смотрит хорошо, - и добавила со вздохом: - Только одевается плохо. Шорты какие-то позорные.

- Нашла причину. Да это пока молодой. Если парень самостоятельный - заработает, и одежда будет, и машина. Ты тоже не принцесса, тоже не бог весть как одета, дубленки даже нет.

Мать виновато закивала.

- А если он старый? - решила спросить Алёнка.

Благодушие тети Вали сменилось настороженностью:

- Как старый? Сколько ему?

- Лет тридцать.

Она облегченно вздохнула:

- Ну, тридцать - это еще ничего, это не такой уж и старый.

У матери с лица вмиг сошло виноватое выражение.

- Как же не старый? - накинулась она на соседку. - Двенадцать лет разницы!

Тетя Валя стала оправдываться:

- Но он же ей не нравится. - Она повернулась к Алёнке: - Ты же сама сказала, что он не нравится тебе, ведь правда?

Алёнка растерянно молчала.

Гостя ушла. Мать с ведром воды вышла во двор напоить телят и пропала. Алёнка мыла чашки, убирала со стола, а когда спохватилась, выбежала из дома - ее уж след простыл. Метнулась за калитку - никого. Только местные пацаны, все как один в бейсболках козырьками назад, курили, прислонившись к забору. Один из них показал на нее пальцем:

- Смотри, Алёнка приехала. Ты че, насовсем, что ли?

- Тебе-то что?

- В столовке некому картошку чистить. Ха-ха-ха!

- Вот и шли бы в столовку, закусывать бы научились, - огрызнулась она.

- Мать свою учи закусывать. Ха-ха-ха!

- Дураки! - Алёнка покрутила пальцем у виска. - Как хорошо, что я ваши рожи тупые не вижу каждый день.

Назад Алёнка уезжала так, будто совершала побег. Лишь бы скорее оказаться в электричке. "Да не надо мне твою курицу, у нас в "Ашане" этих кур даром раздают", "Да отстань ты со своим вареньем, кто его сейчас ест, варенье твое?" Бежать, бежать, уехать и не видеть, и не слышать. Обойдутся без нее, не маленькие.

Электричка тронулась, по привычке Алёнка смотрела в окно на крышу своего дома, но думала она не о нём. Сейчас тронется поезд - и всё: и мать, и "Ашан", и Алёна Георгиевна окажутся далеко. Все время, пока она будет ехать, она будет думать о своем, тайном, и представлять себе новые встречи со своим клиентом. Их будет много, этих встреч, электричке долго ехать до города.

Алёнка обслуживала последнего покупателя. Очереди в ее кассу не было, потому что наступало время перерыва. Она чуть ли не с утра мечтала оказаться в столовой - не успела позавтракать. От голода ее отвлекли покупатели, но сейчас, когда до вожделенного обеда оставались считанные минуты, есть хотелось так, что темнело в глазах. Она терпеливо ждала, когда представительный дяденька в очках достанет из своего толстого кошелька нужные купюры, а взгляд, скользнув по соседней очереди, уловил знакомую фигуру. Это он, ее клиент! Но стоял он в соседнюю кассу. Мгновенно забыв о голоде, Алёнка отсчитала сдачу и, наградив дяденьку широченной улыбкой, сказала ему: "Приходите к нам еще, мы рады вас обслужить". Она была уже далеко от своего рабочего места, а дяденька всё стоял, словно дежурная фраза, произнесенная по обязанности, поразила его в самое сердце.

Она переделалась в свой сарафан и выскочила из служебного входа. Сдерживаясь, чтобы не бежать, она двинулась размеренной походкой, не выпуская из виду выходящих из центрального входа. Она успела. Ее кли-

онт как раз вывозил из магазина свою тележку. Сегодня он загрузил ее полностью. И еще сегодня он был не в "семейных трусах", а в джинсах. Алёнка, не стесняясь, рассматривала его: высокий, худой, широкие плечи. А когда он подкатил тележку к красной горбатенькой машинке, она вытаращила глаза - фары у машины были оторочены большими черными ресницами. Алёнка остолбенела. Ресницы были загнутые, верхние - длиннее нижних, всё честь по чести. В машине кто-то был, стекло отсвечивало, и не было видно, кто. Ее клиент, жестикулируя, поговорил через открытую дверь с невидимым водителем, а потом, сгрузив покупки в багажник, сел-таки в машину.

На рабочее место Алёнка возвращалась в недоумении. Машина с ресницами! Кому такое могло в голову прийти? Не игрушка ведь. У того, кто их наклеил, точно с головой не все в порядке.

В десять часов Алёна Георгиевна ложилась спать. В это время она теребила интерес и к разговорам, и к телепередачам, просила убавить громкость телевизора и уходила в свою комнату, а потом, переодевшись в длинную ночную рубашку, шла на кухню запивать водой сонную таблетку. В первый раз, когда Алёнка увидела ее, пересекающую темную комнату в белой рубашке, да еще с распушенными волосами, она чуть не умерла от страха. Сейчас привыкла. Она разложила диван, достала из тумбочки белье и, когда застилала постель, услышала у себя за спиной звенящий голос:

- Ты не помыла чашку!

Алёнка оглянулась. Хозяйка потрясала чайной чашкой, из которой она недавно пила молоко.

- Я сейчас помою, извините.

- Ты поставила грязную чашку вместе с мытой посудой. Что с тобой происходит? У тебя неприятности? Ты ходишь сама не своя. На работе что-нибудь?

Алёнка отрицательно покачала головой и бросила косой взгляд на часы. Они показывали пять минут одиннадцатого.

- Надеешься, что я уйду спать, и разговор закончится? - не отступала Алёна Георгиевна. - Я тебе не мать - никакая твоя новость меня не убьет. Так что со мной ты можешь быть откровенна. Понимаю, в городе соблазнов много, ты - девочка еще маленькая, но, чтобы не наделать новых глупостей, ты должна мне все рассказать. Чем смогу, помогу.

- Что рассказать?

- Говори честно: ты беременна?

- Ой! - Алёнка прикрыла рот ладошкой. Смущенная улыбка растянула ей рот против ее воли.

- Чего хихикаешь? Не беременна?

- Нет! Вы что?!

Голос Алёны Георгиевны зазвучал строже:

- Ходит, как опоенная, ничего не слышит, не видит ничего. И не беременна! Что тогда? Влюбилась?

- Ой, ну вы вообще! Ничего я не влюбилась... Устаю просто на работе.

С видом человека, которого на мякине не проведешь, хозяйка ушла спать, бросив напоследок укоризненный взгляд. Алёнка виновато опустила голову, но стоило ей остаться одной в комнате, как рот опять раздулся в довольной улыбке. Неправедливые подозрения пожилой жен-

щины не воспринимались ею как оскорбительный навет, наоборот, Алёнку распирало оттого, что ее посчитали взрослой и опытной, а в ее ниспоспешствующий роман вдохнули жизнь, наполненную страстями.

Каждое утро она шла в "Ашан" в надежде, что сегодня она встретится со своим "тайным клиентом", тихим голосом он назначит ей свидание, и в ее жизни начнется то, что называется счастьем. И этому счастью не будет конца. Оно будет всегда. Покупатели шли неиссякаемым потоком огромными тележками вывозили из магазина всякую всячину, Алёнка, на автомат, говорила им "добрый день" и "здравствуйте", желала удачи, а того кого она ждала, не приходил. Вечером кассирши, снимая с себя галстук, переговаривались и смеялись, а ее не радовало то, что утомительный день подошел к концу. Она уходила из магазина разочарованная, и только утром следующего дня ее охватывало радостное ожидание и начинало блестеть глаза.

Сердце запрыгало в груди - ее клиент катил телегу прямо к ее кассе. Гору продуктов в ней венчала прозрачная коробка с тортом. Опустив глаза, она быстро, чтобы скрыть предательскую дрожь в руках, сканировала чужие покупки, деловито посматривала в монитор, называла сумму, отсчитывала сдачу. Наконец на ленте конвейера появился торт. Она подняла глаза. Но ее клиент был не один. Высокая худая девица, вцепившись красными ногтями ему в плечо, что-то нашептывала ему прямо в ухо. Алёнка, уже набравшая воздуха для приветствия, не смогла вымолвить ни слова.

- Здравствуйте, - сказал он раньше нее, и этот голос проник ей куда-то под ложечку. Захотелось плакать. Даже не оттого, что он пришел с этой дылдай. Ее руки автоматически сканировали пакеты, банки, коробки, она старательно прятала глаза, но всё же не удержалась и встретилась с ним взглядом. Он улыбался! Какие голубые глаза! Какие ровные зубы! Алёнка заставила себя отвернуться к монитору:

- Две тысячи шестьсот двадцать, - объявила она деревянным голосом. Он протянул ей деньги. - Спасибо. - Говорить какие-нибудь пожелания "при этой" ей не хотелось.

- А это вам.

Перед ней легла шоколадка, узкая, длинная, импортная. Алёнка только что сканировала ее, она стояла больше ста рублей.

- Мне? - не поверила она и услышала, как усмехнулась дылда.

Вечером все женщины в телевизоре напоминали Алёнке "эту". Такой же выражение лица, такие же ногти, и все, как и "эта", с коломенскую версту ростом. Когда в десять вечера Алёна Георгиевна попросила убавить громкость телевизора, она выключила его совсем.

Она сидела в темноте с открытыми глазами и вспоминала свой "портрет". Ничего особенного, круглое лицо, глаза так себе, не очень уж и большие, рот обычный. Волосы вроде ничего, но, считай, их совсем нет, - не будешь ведь за кассой сидеть с распущенными волосами. Почему она раньше не догадалась, что никакой в ней нет красоты?

Алёнка убеждала себя, что надеяться ей не на что. "Дылда" выше его и, конечно, ему не подходит, но как она в него вцепилась своими ногтями! Хотя, что говорить, если бы у Алёнки был такой муж, она бы тоже вцепилась, тоже старалась бы не выпустить его из рук. Добрый, умный, надеж-

ный, что же за него не держаться? Это мать - собрала отцу чемодан, отравила с глаз долой и ничего не потеряла.

Всю неделю она ходила на работу через силу, отбывала положенное время а когда возвращалась домой, смотрела телевизор вместе с Алёной Георгиевной, время от времени ловила на себе ее подозрительный взгляд и жалела, что не пошла печь пряники вместе с Лариской. Если бы можно было поговорить с кем-нибудь, обсудить, послушать советы, но говорить было не с кем. Девчонки-кассиры точно поднимут ее на смех - подумаешь, клиент шоколадку подарил. Да и говорить-то не о чем. Что говорить, она даже имени его не знает. Никто ее поймет.

В четверг она пришла на работу в приподнятом настроении. Покупателем встречала, как долгожданных родственников. Стоило человеку приблизиться к кассе, как он, получив свою порцию пожеланий и приветствий, невольно утрачивал озабоченное выражение лица и начинал улыбаться. С лица Алёнки улыбка не сходила вообще, с улыбкой она считала деньги, отдавала сдачу и смотрела в монитор. Она была возбуждена так, что не заметила, как подошло время перерыва. Она уже открыла рот, чтобы объявить это, как увидела его. Он неторопливо катил тележку к ее кассе.

Она быстро сообразила, что надо делать. Как только он остановился в конце очереди, Алёнка доверительным тоном попросила ближайшего покупателя:

- Передайте тому мужчине, чтобы за ним не занимали.

Перед глазами всё плыло, руки перестали слушаться, но внутри всё ликовало. Про "дылду" даже не вспоминала, "дылда" стерлась в памяти, словно ее никогда не было. И вот, наконец, он стоит напротив, впереди перерыв, и ни одного покупателя.

- Добрый день!

- Добрый, - ответил он так же, как в первый раз,

- А где ваша жена?

На его лице мелькнуло удивление:

- На работе. Она сегодня работает.

Алёнка осмелела:

- А вы что же не работаете?

- И я работаю. У меня график такой - свободный.

Насчет графика Алёнка не поняла, но переспрашивать не стала - побоялась сморозить какую-нибудь глупость.

- А-а-а... А машина с ресницами - чья такая?

Голубые глаза прищурились.

- Я думал, вам известно только, что у меня на обед, а вы даже про машину знаете.

- Да я как-то видела вас. Такая машина чудная. Просто интересно, зачем ресницы?

- Да это дочь моя так развлекается.

Она не поверила ушам:

- Дочь?

- Ну да. Это ее машина.

Алёнка никак не могла сообразить, как это дочь, которую она могла представить только грудным младенцем, может владеть машиной.

- Она что же, большая?

- Нет, небольшая. Вы же ее видели - маленькая красная машинка.

- Я не про машину, я про дочь...

- А дочь большая, - с готовностью ответил он и гордо добавил: - Выше меня.

Алёнка утратила дар речи. Она понимала, что у него есть дочь, разъезжающая на красной машине с ресницами, но, глядя на его улыбающееся лицо, не могла поверить, что он такой старый. Она так расстроилась, что, отсчитав сдачу, вместо "приходите к нам еще" сказала "удачи вам".

Алёны Георгиевны дома не было. Алёнка была рада нечаянному одиночеству: не надо натывать на подозрительный взгляд хозяйки и отвечать на ее пристрастные вопросы. Она открыла холодильник, заглянула в кастрюльку с вчерашним супом. Есть не хотелось. Тогда она открыла шкаф, в который ей разрешено было складывать свои пожитки, достала подаренную шоколадку, отломала маленький кусочек и положила в рот. Шоколад растаял, и она отломала следующий кусок. Она не чувствовала вкуса. Ее тайный клиент слишком долго жил чужой для нее жизнью. Пока она месила резиновыми сапогами деревенскую грязь, ругалась на мать и чистила картошку в столовой, всё это время он, чтобы не затруднять жену, ездил по четвергам в "Ашан" за продуктами и, потакавая капризу дочери, клеил ресницы на красную машину.

Шоколадка кончилась. Алёнка сняла нарядную резинку, туго стянувшую ее волосы. Обхватив колени руками, она положила на них голову. Она впервые сидела, так же, как ее сестрица Алёнушка на "портрете", и в этой позе ее печаль перестала быть настоящей и стала казаться сном.

Ольга КОРШУНОВА

ДЕНЬ БЕЗ ПРАВА НА ПОМИЛОВАНИЕ

Рассвет вползал в окно нехотя, словно по принуждению, бочком протискиваясь в узкую щель между шторами. Было бы лето, так уж давно бы напористые лучи солнца разогнали по укромным уголкам спальни дремоту, настоящую на полумраке. Да ведь то - летом. А тут - октябрь. Не поймешь, какой месяц по погоде - ни нашим, ни вашим. Октябрь... Какой с него спрос? Того гляди, и часы уж переводить на зимнее время. А и скорей бы. Всё лишний часок подремать можно. До чего противно в такой кисло-серой тьме выдирать себя по утрам из уютного кокона постели...

Слава богу, теперь-то хоть спать стала. По крайней мере, до трех-четырех. Не как тогда... Совсем ведь глаз не смыкала. Хоть волком вой. Хоть в петлю лезь! Да и сейчас еще до конца не отпустило. Нет, где там. Просто, как говорится, притупилось. Притерпелась, что ли, к боли. Глеет она потаенно где-то внутри, но жить дает. Вот ведь! Живу, как ни странно. Сплю по ночам. С таблетками, правда, но сплю...

Наталья Григорьевна перевернулась в постели с бока на спину. Полежала ещё немного с закрытыми глазами. Шевелиться не хотелось. И думать - тоже. Особенно о сегодняшнем дне. Пока не думаешь, не вспоминаешь, вроде и проблем нет. Памяти ведь только дай волю - и всё, потом не удержишься, опять на срыв пойдет. Если уж и думать, так о чём угодно, только не об этом...

Чуть приоткрыв один глаз, глянула на стоящие на шкафчике электрон-

ные часы. "7.05" - услужливо подсказали ей светящиеся зелёные цифры.

"В другое время бегом бы уж бегала по квартире, собираясь на работу. А тут - хочешь лежать - лежи. Встанешь - как надоест. Хорошее дело - отпуск. Даже в октябре..." Она слегка потянулась, затем помассировала ноги (одна о другую), руки (от плеча до кончиков пальцев), постепенно обретая ощущение владения собственным телом.

Отпуск... А отдых ли? Ни тебе путевок к морю в бархатный сезон, ни санаториев. Просто дома, в городе. Ну и что? До сих пор "бархатом" не была избалована, так стоит ли жалеть? А вообще-то говоря, чем плохо дома побыть? Дом он и есть дом - свое гнездо. Там, за окном, дождь, ветер целыми охапками срывает с деревьев листья. А тут хорошо: тихо, тепло - отопление как раз дали. Уж лучше так, чем жара, сушь, пылица на улицах. Да ведь, по правде сказать, самая обычная октябрьская погода. В такую точно лучше сидеть дома - в отпуске, чем нестись на работу под зонтом да по лужам. Особенно сегодня...

Уже четвертый год Наталья Григорьевна Прудовская ненавидела этот день. Люто, бескомпромиссно, без права на помилование. Так безоговорочно можно лишь отсекал от себя некогда самых близких друзей, из числа тех немногих, к кому чуть ли не по-родственному прикипаешь за долгие годы общения и которые вдруг оказываются способными предать, подставить подножку или просто не подать руку, когда ты ненароком ухнешься в припорошенную благополучием пыльную несчастья. Самое пакиостное в такой ситуации именно то, что так поступает с тобой друг. Чужому, может, и нашел бы оправдание. Другу - нет. Оттого-то и отрываешь его от себя - с кровью, с заклинившим в горле хрипом...

Четвертый год дата - 15 октября - была для Натальи Григорьевны хуже, чем вышеупомянутый друг-иуда, хуже врага, с которым когда-никогда, а можно пойти на мировую. Ей даже долго казалось, что каждый обычный день года предает ее, неминуемо подталкивая к роковой дате. И не разминуться. Этот день, как слагбаум, как завал, возникал на пути. Как проклятый! А впрочем, почему - как? Так и есть - проклятый. Ею, Натальей Григорьевной. День, сорок шесть лет бывший в ее жизни самым любимым и только последние четыре года ставший самым ненавистным. День ее рождения... День его гибели...

А тогда, в октябре 2001 года, всё было, как всегда. Поздравили на работе, надарив целую коллекцию шоколадок и милых безделушек. И традиционный букет цветов преподнесли. Дома он занял почетное место в центре стола. Ничего особенного не готовила к ужину - так, всего понемножку. Гостей больно-то и не приглашала: заглянули брат Саша с семьей да давнишние, еще студенческих времен, друзья - Татьяна с мужем Антоном. Они, помнится, с первого же "колхоза" друг к другу прилепились. И поженились в группе первыми. Уж сколько лет, а всё вместе. Не то что она, Наталья, со своим Пашкой. Только на пять лет и хватило им любви. Разошлись, и не жалела. Хорошо хоть, по-мирному. Алименты к тому же неплохие на Витальку платил - и на том спасибо. А чтоб потянуло обратно к нему... Нет. Видно, не по ней эта любовь оказалась скроена. А скорей всего, и не любовь то была, а... желание любви.

Посидели в тот вечер до девяти. Уж и собираться по домам все стали, а тут - телеграмма. Та самая. О Витальке. Под Моздоком машина их на mine подорвалась. Никто не уцелел. На всю группу, как потом выясни-

лось, - похоронок. Только два года после военного училища и прослужил, и всего три месяца, как в Чечне... Вот тебе и судьба... А ведь как отговаривала его от этого клятого училища! Как убеждала в политех поступать. Только что за руки не хватала. Да разве кто нынче слушает матерей...

Четыре года... А будто вчера... Тогда казалось - и дня больше не прожить. Чем, ради чего жить? Как?! По-прежнему есть, пить, ходить куда-то, разговаривать, делать вид, что ничего не произошло? И при этом не умирать каждую секунду от боли, выгрызающей изнутри. И не слепнуть от слёз, льющихся, словно сами по себе. Господи, и откуда же в человеке столько слёз? И сил, чтобы жить после такого... А надо же, ведь в тот вечер и за Виталькину спокойную службу, за здоровье его выпили по рюмочке. Не забыли. Как же! В такой заварухе досталось оказаться! Вот и выпили. За него. Чтоб жилось ему. А его-то, оказывается, и в живых уж не было!..

А всё-таки пора вставать. Займусь-ка делами. Всё, глядишь, мысли додумать не станут... Есть не хочется. Разве что - глоточек кофе. Начну, пожалуй, с приборки. Потом - обязательно в церковь, свечку поставить за упокой души Виталечки. Ах, сынок, сынок... Что же ты не уберёг там себя? Оставил меня совсем одну... А тут вот ещё этот "золотой" юбилей, чтоб ему неладно было! Хорошо хоть, начальник с понятием - подмахнул заявление на отпуск, больно и не расспрашивал. Ох уж, не в радость все эти приторно-медовые славословия. Все юбилеи - практически по одному сценарию: речи начальников по убыванию рангов, открытка, цветы, подарок, обнимание, целование, вновь чьи-то открытки, цветы, подарки... маленькое застолье (рабочее же время!). Рассыпаются все друг перед дружкой бисером, как будто и так не понятно (после стольких-то лет работы в одном и том же конструкторском бюро), кто как к тебе относится. Но нет! Важно соблюсти принцип: вчера моя очередь была всё это выслушивать, сегодня - твоя...

Любочку жалко. Позтесса наша милая... Разок попробовала рифмовать - всем понравилось. Теперь, вроде, и обязана писать "поздравлялки". Наверно, и на этот раз не удастся ей, бедняжке, отвертеться...

Эх, Наталья, наивный ты человек! Ну куда ж тебе от народа деться? Прячься - не прячься, а отпуск всё равно когда-нибудь кончится, и верный коллектив доберётся-таки до твоего брэнного тела, чтобы восторженно излить положенную порцию любви.

Нет, против своих на работе ничего не имею (боже упаси!). Нормальные люди. И кабы не это горе, наверняка юбилей прошёл бы "на ура" - шумно, весело, и закатился бы далеко за полночь. Но не сегодня. Сегодня он хуже того самого татарина, от которого, как град Китеж, готова скрыться на дне священного озера Светлояр. А что, и неплохо бы прожить эти 24 часа в некоем параллельном мире: и здесь, и невидима для окружающих. Здорово! Никто не тревожит, в душу не лезет...

Ну, всё, встаю. И не забыть телефон отключить. Ну его к чертям! И юбилей - туда же. Не хочется ничего выслушивать. Ещё расплачусь, чего доброго. Нет, сегодня - день Виталика. С ним побуду...

Из церкви Наталья Григорьевна вышла с ощущением облегчения, даже какого-то умиротворения, хоть и с припухшими глазами. Всплакнула, конечно. Разве удержишься, когда пришла сына погибшего помянуть? Без слёз вспоминать о нём она вообще не могла, а тут - такой день. В свои

двадцать четыре он так и остался для неё навечно Виталиком, её любимым мальчиком. Даже если бы по делам службы он находился где-нибудь далеко, да хоть бы и в той же Чечне, всё равно оставался бы рядом, вместе с нею. Может, женился бы за эти годы, внука подарил... Удивительное дело: собственные дети вроде бы просто рождаются, а внуков - дарят. Потому, наверно, и любят их больше, что они дареные. Как бы ей хотелось, чтобы внук у неё был, и звали его - Толиком, Тошкой. И был бы он такой толстенький, с улыбочивой мордашкой и чтоб лопотал на своём особом детском языке, понять который могут только самые близкие. Но нет у неё ни Виталика, ни Толика - вообще никого. И не будет уже никогда. Оттого и слёзы. Катятся. Сами собой. Капля за каплей...

А всё Кавказ этот! Заклятое место... Правда, не всегда он был таким. Умел и ласковым, приветливым выглядеть. Вот ведь, когда ездила в пионерский лагерь "Орлёнок", запомнилось только всё хорошее. Подъезжали тогда в поезде к Геленджку поздно ночью. Состав замедлял ход, а сердце наоборот - учащало. Взглядом пыталась отделить в густой черноте ночи место, где ломаная линия гор переходит в небо, и жадно отыскивала в просветах хоть малюсенький проблеск моря. Как злилась про себя, что из-за темноты нельзя всё хорошенько разглядеть. И только луна, зависшая над поездом, похоже, сочувствовала и пыталась по мере возможности помочь. Она с любопытством заглядывала в окна вагонов, словно хотела спросить: "Кто это к нам в гости пожаловал?". И тут вдруг, наконец, вдаль блеснуло море, и сердце в груди в каком-то щенячем восторге подпрыгнуло: "Море! Море! Вон там!" И всё тогда, тем летом, было добрым: и море - живое, беспокойное, но совсем не страшное, и горы, куда ходили всем лагерем в двухдневный поход. Наутро после ночлега в палатках, правда, пришлось поискать друг у друга клещей. Вот ведь: маленький клещик казался в то время самым опасным врагом...

А потом, уже в студенческие годы, съездила на Кавказ по туристической путевке. Архыз, Теберда, Домбай... Надолго остались в памяти воспоминания о тех удивительно красивых местах. И еще о том, что были там с Пашкой. Да, именно с ним, родимым. Он-то, неугомонный, и подбил ее на эту авантюру. "По горам с рюкзаком, реки вброд, ночевать на приютах, варить на кострах - романтики хоть захлебнись!..". Он уже, помнится, после первого курса начал заниматься в секции туризма и "заболел" горами - в хронической форме. Осваивал маршруты с группами таких же втюрившихся в горы. Позднее и сам получил разряд инструктора. А уж женаты были, сын в ясли ходил. Вот тогда и встал выбор: горы или семья. Чаша весов перетянула у него в сторону первого. Как примагнитили его эти горы, околдовали! Да, конечно, есть в них что-то такое, от чего дух захватывает. Но чтоб до такой степени?.. Однако, отдал себя им, горам, а ей оставил воспоминания о пяти совместно прожитых годах да ещё Виталика. Вот так горы нанесли исподтишка первый удар, оторвав от неё мужа. А потом и вовсе забрали. Именно там, в Домбае, на знаменитом кладбище альпинистов, есть и его мемориальная табличка...

Вёл очередную группу туристов по маршруту. В одном месте надо было переправляться вброд через горную речку. В обычное время воды там бывало по колено. А тут дожди прошли, и нрав у мирной речушки изменился: и уровень поднялся - по пояс, и шире разлилась. Вода ледяная, поток несется быстро. Молоденькая девчонка оступилась и ушла с головой под воду. А на спине - тяжёлый рюкзак. А сама-то ещё и перепуга-

лась до смерти. Потасило на стремнине. Пашка, конечно, свой рюкзак сбросил и за ней. Успел ухватить её и вытолкнуть на мелководье, да ударился головой о камень, потерял сознание. Только через двое суток спасатели обнаружили его тело далеко внизу по течению...

Кавказ, Кавказ... Потом вот и сына забрал вслед за отцом. Странно судьба сплетает пути людей. А она, Наталья, так на всю жизнь и прикипела к своей родной, провинциальной Пензе. Тихой, мирной. Слава богу, расположенной вдали от гор...

Задумавшись о своем, Наталья Григорьевна медленно брела вверх по улице Калинина. На перекрестке, где улица Калинина вдруг ни с того, ни с сего превращается в улицу Кирова (и кому это только пришло в голову?), рядом с ней остановились на красный сигнал светофора две девушки. Краем уха уловила обрывок их разговора.

- Будешь читать что-нибудь? - спросила одна из них, в модном кожаном плащике.

- Да можно, - словно нехотя откликнулась вторая. - Просили выступить. Не знаю, правда, что из этого получится. Шумно тут. Да и перед кем выступать? Кому это больно надо? Вот положу цветочек к памятнику, - она повертела в руке красную гвоздику, - да, может, и хватит.

- А мне почему-то хочется почитать стихи. Знаешь, настроение задалось. Шумновато, но ведь и необычно: ни разу еще не проводили праздник в этом месте.

"Это какой же сегодня праздник? - невольно удивилась про себя Наталья Григорьевна. - 15 октября... Ничего не напоминается..."

Между тем загорелся зеленый свет. Девушки перешли дорогу и затем двинулись дальше - к библиотеке им. М. Ю. Лермонтова, расположенной на противоположном углу. Там, со стороны улицы Кирова, в небольшом уютном скверике, огражденном с двух сторон зданием библиотеки, рядом с памятником Лермонтову уже виднелся собравшийся народ. Наталья Григорьевна, сама не зная почему, тоже направилась туда. У нее вдруг возникло предчувствие чего-то необычного, свидетелем чего она сейчас окажется. Непонятное волнение охватило ее, едва она взглянула на фигуру поэта. Да, разумеется, она знала, что на этом месте есть памятник Лермонтову - в полный рост. К слову сказать, очень удачная работа скульптора (жаль, фамилия не запомнилась); и по замыслу, и по исполнению. Сейчас ей даже подумалось, что стоит он тут испокон веку. Сколько раз она проскальзывала по нему взглядом, когда проезжала мимо на автобусе. Он так гармонично вписался в этот дворик, что иным, без него, данное место уже и не представлялось. Иногда лишь царапала мысль, что, к сожалению, не парадный это вход в библиотеку, а будто задворки, и оттого становилось немного обидно за этот действительно хороший памятник, за самого поэта, тоже таким образом оказавшегося на чьих-то задворках. Но сейчас этого неприятного ощущения почему-то не было. Напротив, какое-то радостное волнение колыхалось внутри, словно она присутствовала на освобождении памятника, да нет - самого мятежного поэта из-под негласной опалы. Столько лет шумная человеческая река, втиснутая в крутые берега равнодушия, неслась мимо, мимо, будто не замечая, обтекая, как нечто, случайно оказавшееся вблизи неё. И вот вдруг люди остановились, обернулись, подошли ближе и склонились перед поэтом, кладя к его ногам цветы.

Наталья Григорьевна почувствовала, как на глаза невольно наверну-

лись слёзы. Бронзовый поэт стоял, задумчиво склонив голову, и отчего-то ощущалась в этой фигуре глубокая внутренняя грусть, боль одиночества человека гордого, гонимого, страдающего от невозможности что-либо исправить в окружающем мире, от непонимания и недостатка любви к нему людей, которых сам он готов был любить. "Как часто пестрою толпою окружен..." - всплыла вдруг из глубин памяти строка. Наталья Григорьевна огляделась. На праздник поэта - теперь она вспомнила, что сегодня - день рождения Лермонтова - собралось не так уж много гостей, но чувствовалось, что они тут не по принуждению, тем более, что день выдался прохладным и ветреным. Основная же "пёстрая толпа" по-прежнему спешила куда-то по своим делам. Не задерживаясь. "Ну, куда вы все торопитесь? Остановитесь! Подойдите ближе! - так и захотелось вдруг окликнуть их. - Посмотрите: вот же он, гордость наша, тот самый "певец земли родной", душа которого "чудесного искала". Стоит здесь перед вами - великий талант и при этом такой молодой, так мало проживший... как... и Виталька... - вдруг кольнуло Наталью Григорьевну под самое сердце. - Господи! Да ведь и его тоже - Кавказ..."

В этот миг озарения она взглянула на поэта новым, просветленным взглядом, посмотрела, как на СВОЕГО, самым невероятным образом причастного и к ЕЕ жизни. Она видела, как к микрофону подходили люди, выступали, читали стихи, отдавая дань памяти Лермонтову. Видела, как ветер - порывистый, мятежный, как и сама душа поэта, - срывает со стоящей рядом березы желтые листья и, будто золотым дождем, осыпает ими бронзовую фигуру с головы до ног. Всё это она видела, но мысленно была далеко - там, на Кавказе, где роковым образом оборвались нити жизни и поручика Лермонтова, и лейтенанта Виталия Прудовского - доброго, славного парня Витальки, единственного сына у матери. И пожить-то толком оба не успели! А сколько ещё таких же, чьи судьбы тоже трагически зацепились за Кавказ и вырваться оттуда не смогли. И дело тут, конечно, не в горах, как таковых. Что горы? Мертвые камни под небом, с которого должна бы изливаться на эту землю лишь благодать божья, да вот ведь беда: воздух там уже так давно отравлен ненавистью. Ненавистью, пожирающей всё новые и новые жертвы - заложников непрекращающейся человеческой вражды...

Наталья Григорьевна потихоньку вышла из толпы зрителей и уверенно пошла, но не к своему дому - по Кирова, а назад - по Калинина, туда, откуда она совсем недавно держала путь. За церкви. Надо было сделать ещё одно важное дело: поставить ещё одну свечу - за упокой души безвременно павшего Михаила.

Удивительно, но день уже больше не казался ей беспросветной "чёрной дырой", будто всё-таки и ему вышло сегодня высочайшее помилование, так как лег на него ясный отсвет дня рождения Лермонтова.

Никита ДАВЫДОВ

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ РОДИТЕЛИ

- Я так и знала. Так и знала!

Молодая жена в строгом деловом костюме, только что вернувшаяся с работы, стояла в прихожей. Она держала в руках листок бумаги со сле-

дами сгиба. Узкий длинный казённый конверт лежал на тумбочке для ключей.

Её молодой супруг Саша, работающий лаборантом в химико-технологическом университете, переминался с ноги на ногу. Пробурчал что-то невнятно.

- Что?! - прищурилась супруга.

- Так прямо и знала... - бормотал он. Он был в домашнем. По лицу было заметно, что он жалеет, что отдал письмо сразу, не дал ей переодеться и принять душ.

Женщина с ненавистью посмотрела на письмо.

- Ты расписался?..

- Заказное... - промямлил Саша в свое оправдание.

- Так дверь не надо было открывать! - метнула она в него молнии. - Что, дома тебя одного не оставлять?! Ты чего молчишь? Ты долго будешь дурачком прикидываться? Или на самом деле дурак? Что мне теперь прикажешь делать? Ужас-то какой!

Он почувствовал возможность встрять.

- Дорогая... ты пройди... Разденься... Давай не будем прямо сейчас...

При этом он, как бы невзначай, взглянул на неплотно притворенную входную дверь. Это сработало. Но он знал, что получена временная отсрочка.

Она двинулась по коридору, изящно сбрасывая деловой пиджак, как привыкла, прямо ему на руки. Освободила волосы, мимоходом бросив резинку на пол. Он подобрал. Ароматные волосы защелкали, разливаясь по спине. Это могло бы встряхнуть кого угодно. Но он понимал серьезность момента, и только поднимал "шкурки", сбрасываемые женой по пути в ванную. Когда там зажурчала вода, Саша пошел в кухню и поставил на газ нарядный красный чайник.

"Оль, - репетировал он речь, - мы же всё равно собирались заводить ребёнка. Ты так мечтала! Я тоже, хотя не мог представить себя в роли отца. Так какая разница, когда это произойдёт: сейчас или через год? По большому счету... Может, это судьба? Забудем про письмо, как будто мы сами решили".

Она ждала его в ванной, как обычно. Но ситуация была настолько серьезной, что даже он - нормальный мужчина, кроме того - муж, предпочёл остаться, расставляя пиалы, в кухне.

Она вышла из ванной комнаты, наглухо завернутая в белоснежный халат. Чайник только что фыркнул. Садясь, Ольга бросила на Сашу взгляд такой холодный, словно только что была не в тёплой воде, а в холодильнике.

Письмо было из областной комиссии по деторождению.

По стране брел, как чума, демографический кризис. Конечно, с того дня, как об этом впервые объявили по ТВ, прошел не один десяток лет. В Европе пять или шесть столетий назад для того, чтобы одолеть бубонную чуму, потребовалось всего-то сжечь один-два городка вместе с населением. Чтобы победить современную чуму, надо было в ближайшее время заселить несколько городов, - да не несколько, а не один десяток. А это труднее. Социологи прогнозировали дальнейшее ухудшение ситуации, точно как синоптики предсказывают усиление ветра, местами до шквального. Лет пять назад какая-то светлая голова внесла в Государственную Думу проект закона о дотационном принуждении молодых семей к рож-

дению детей. Это значит, что некоторые молодые семьи заставят (принуждение) обзаводиться детьми, за это предоставляя им кредит с небывало выгодными условиями (дотация). Если же рождалась двойня, то все долги по кредиту, включая проценты, в тот же день покрывались государством. Несмотря на обычную думскую неповоротливость, закон мигом прошёл все инстанции и спустя год стал президентской федеральной программой. Акты о заключении браков из ЗАГСов были переданы в только что созданный Федеральный комитет по деторождению при президенте (ФКДП). И началась большая лотерея.

Конечно, решение о принуждении к деторождению принималось на основании тщательного изучения отобранных семей, а не по случайному выбору лототрона. Но получить заказное письмо с вежливым, но настоятельным предложением явиться в местное отделение ФКДП мог каждый, вернее, каждая семья.

Временно процедуры расторжения брака не проводились, за исключением смерти или душевной болезни одного из супругов. В этом был резон, хотя, на первый взгляд, мера и крута. Сам я сосед их, Саньки с Олькой. Живу один, но живо интересуюсь всем, что творится вокруг. А стены у нас сами знаете, какие - с тех пор, как стали строить эти "шведские высотки" из прессованных "кока-кол". Одновременно был упразднен институт гражданских браков. Вот тут я обеими руками "за". В жизни не слышал большей чуши, чем житьё мужика с бабой как "сограждан". Кислое с пресным. Факт получения повестки еще ничего не означал. Еще будет комиссия, будет совет, который примет решение о принуждении всего лишь одной из ста пятидесяти семей. Но каждый всегда думает, что именно ему выпадет "счастливый" билет. В этот вечер у них в квартире решался серьезный вопрос. Может дойти и до драки. А я, сидя через тонкую стенку от них, как бы тоже там.

- Что ты сидишь? Делай что-нибудь, звони кому-нибудь, - резко бросила через стол супруга.

Он только-только открыл рот для речи, но тут же закрыл его. Встал, распахнул пошире форточку. Сел. Сделал вид, что мрачно задумался. Через пять минут она прервала его раздумья взмахом руки.

- А, что я говорю... Кому ты позвонишь...

Она вышла из кухни и вернулась с телефоном. Началось со звонков подругам. У Саши было чувство, что, как бы то ни было, реакция жены на повестку могла быть и другой. Он снова пожалел, что так рано показал ей письмо: сделай он это чуть позже, она, возможно, приняла бы ванну, а не душ. Утром она принимала душ, а по вечерам исключительно ванну - она говорила, что душ снимает усталость и бодрит, а ванна, даже тонирующая, "расклеивает". Сравнивала своё состояние после получасовой ванны с куском мыла, полчаса пролежавшим в горячей воде. Когда она успокоилась бы, усталость смылась - тут бы и выложить письмо. И речь бы пригодилась. Ведь жребий мог пасть на кого угодно, включая их, ибо их справка о заключении брака лежала в сейфе ЗАГСа вместе с прочими; и ребенка они хотели, разве что - не сейчас. И этот вечер вполне мог превратиться в романтично-судьбоносный, проведённый в обнимку на диване или тет-а-тет в кухне, прижмнув головами.

Но вместо того, чтобы, как обычно, расположиться за столом, поставив одну ногу в тапочек, а вторую, подобрав, на стул, она сидела прямая и собранная, как у себя в кабинете. Насколько он знал, все подруги были

бездетными, и что она хотела почерпнуть - он не представлял. И почему не обсудить это с ним?

Но в разговоре ни с одной из подруг и слова не прозвучало о повестке или о детях - ни о чём таком.

Пока она болтала как бы ни о чём с пятой по счёту подружкой, он встал (зад уже устал от табуретки), тихонько приоткрыл дверку шкафа и достал початую бутылку коньяка "Старая бочка". Обычно он не пил, и уж тем более коньяк, но сейчас это было ему так же необходимо, как ей горячая ванна с дымящейся на полочке ароматной палочкой для релаксации. Налив, он выпил и не стал закусывать. Она выразительно посмотрела на него, прижимая попискивающую, как комар в кулаке, телефонную трубку к розовому уху. Он знал, она ничего не скажет, пока её может слышать подружка. Тут главное не переборщить. Он слегка захмелел.

Наконец пошли звонки по сути дела. Врач. Не их семейный доктор, а какой-то специальный, видимо, хорошо знакомый жене. Не тот ли сексолог с длинным и тяжелым носом и массивными золотыми часами на толстой руке? Они обращались к нему два года назад по совету одной из его подруг.

Саша подумал, не выпить ли еще - жена была полностью поглощена разговором с доктором.

Врач, по-видимому, жену не обнадежил.

Следующим был их семейный юрист. Так же, как и с врачом, разговор не был слишком длинным.

Потом были звонки незнакомым людям, к которым жена обращалась чаще по имени-отчеству. Она была полна решимости.

И, наконец, звонок маме.

Он не любил тещу и решил еще выпить, и не закусывал.

Скоро жена отключила телефон и положила на стол.

Он уже порядком подвыпил, его развезло с непривычки - Санька ведь вообще-то не пьет, и решил попытать счастья.

- Оль, а может... пусть... Еще же не известно, кого... того... выберут... Да и... если даже, ну... ты понимаешь... Мы же всё равно хотели... ну... - Он делает плечами движение, словно сбрасывает невидимый плащ.

Ольга не видит его движения. Набирает побольше воздуха в легкие.

- Что я понимаю? Ты сам-то понимаешь, что несешь? Я когда тебе всем этим должна заниматься?

- Ну...

- Гну! Только и знаешь мычать! Налузгался уже! Рожать-то не тебе! Я заместитель директора, кто меня отпустит? Или, думаешь, мы на твой оклад проживем, на гроши твои институтские? Нет уж!.. Хватит нищету плодить! Я хочу, чтобы у моего ребенка было всё и сразу. Как всё не вовремя-то!.. Господи, кому еще позвонить?

Она снова схватилась за телефон, больше не глядя на мужа.

Его уже не интересовало, кому последуют звонки. Он встал и, пошатываясь, вышел из кухни. Коньяк превратился в горячий свинец. Вот и сказал!.. Он оделся и через минуту был на улице.

Ноги сами повели его к единственному другу, который, он был уверен, поймет его. Друг, по счастливому стечению обстоятельств, жил как раз в доме напротив, из окон видно окна. Хорошо бы у него никого сейчас не было.

Друг был не один, но Саня узнал это только, когда на кухню, где они

расположились, вышло из тёмного коридора длинноволосое создание в дружной рубашке, жалобно моргая на свет.

Оглядев накрытую "поляну", она встревожилась.

- Милая, ты чего? - обнял её друг. - Это Сашка, мой самый хороший дружан. Мы чёрт знает сколько не виделись. Мы поговорим.

Милая кивнула, словно была уверена, что сложности именно у Саши, и вышла.

- Женюсь, - сказал друг, кивнув на опустевший проем. - Третий месяц уже, скоро станет заметно. А невеста с животом - это что-то!

Саня не смотрел на друга, счастливо наливающего водку.

- Но не по залету, - пояснил друг, хотя Саня ничего не говорил.

В кухне было светло, за окнами темень. Друг молот чепуху, не останавливаясь даже когда брался за бутылку. И получалось, что это друг пришел к Сане. Может, это и правильно? Может, мы обязаны делить с друзьями не только печали, но и радости тоже?

Сколько они уже выпили? Саня никак не мог сосчитать. Внезапно он подумал: а что сейчас делает Оля? Почему не звонит, не ищет? Куда заблудил ее не умолкающий телефон?

Друг ещё что-то говорил, а он уже смотрел и слушал в себе.

Встал, раскачиваясь.

- Ты куда?

Саня выскочил из кухни. Опомнился уже на улице. В голове кружило, но ноги шли уверенно. А что, если она с кем-то? Что, если дело в этом? Любая женщина может быть простой и понятной или запутанной и сложной, как самый сложный лабиринт.

Ревность гнала его и подгоняла.

Он ворвался в квартиру, как штурмующие укрепление войска. Бешено вращая глазами, побежал по коридору, залетел в кухню - только там еще горел свет, он это с улицы заметил.

Свет горел, но в кухне никого не было, если не считать почти пустой бутылки коньяка на столе с той стороны, где обычно сидит жена.

...Она спала, в своем белоснежном халате, сливаясь с простынкой. "Трубка" почти разрядилась, он поставил её на базу. Потом лег сам. Жена шевельнулась во сне.

Он смотрел, как она ходит по спальне, постепенно одеваясь.

Она молчала полчасы - с тех пор, как они проснулись. Она - потому что ей надо было на работу, он - потому что ему надо было в институт.

Я тоже рано встаю - не из-за того, что мне надо куда-то спешить спозаранку, а скорее, наоборот: когда можно лишние полчаса поворочаться - спать вроде и не хочется. Я уже успел сварганить кашку и теперь сидел, не зная, включить телевизор или нет.

- Прекрати на меня пялиться! - бросила Ольга.

Раньше ей это даже нравилось. Саня отвернулся. По спальне разлился тонкий и будоражащий аромат духов. Она никак не могла справиться с пуговицей на блузке, но не просила помочь. Он послушно повернулся и почувствовал рукой бархатный халат: какой маленький, а ведь она в него кутается. Он снова посмотрел на свою маленькую жену. Она взглянула последний раз в зеркало и вышла. Через минуту хлопнула входная дверь.

Институт, как всегда, напоминал растревоженный муравейник, если бы

мураши умели галдеть и хлопать дверьми. Трудно поверить в какой-то демографический коллапс.

Старый профессор сразу заметил, что с лаборантом что-то не так.

- Всю ночь гуляли, молодой человек? - проворчал он. - По поводу, надеюсь?

- Нам повестка пришла из ФКДП, - ответил Саша.

Профессор бросил взгляд на лицо Сани, и его собственное лицо, на минуту сентиментально размякшее, затвердело.

Профессор шумно вздохнул. Он был старый и больше ничего не добавил.

Я издала наблюдал эту картину, меняя между делом заморгавшую лампу в коридоре. Дело в том, что в летний сезон - сезон отпусков - я подрабатывал в разных таких заведениях где плотником, где сантехником. Платят немного, но и работа не бей лежачего.

Саша промаялся полдня - я видел его то тут, то там в одиночестве - и с обеда сбежал домой. В полчетвертого им с женой нужно было быть в ФКДП.

- Ваши паспорта, пожалуйста, - сказала им симпатичная девушка в приемной. - Прошу вас, пройдите за столик. Вам надо заполнить анкеты. Убедительная просьба: сделайте это самостоятельно, не руководствуясь подсказками супруга или супруги.

У них, у этих "комитетчиков", как я их про себя называю, всегда такое вежливое обращение - как в кредитном отделе в магазине.

Оля очень нервничала, тонкий листок перед ней постоянно менял положение, как коврик на скользком полу, если резко двинуть ногу. Ручка с логотипом ФКДП крепилась на завитом проводке, Саше она напомнила телефонную трубку.

Вопросов было много, но ответить на все за пять минут не составило труда. А вот Ольга отвечала долго, как будто старалась обмануть.

Оператор в это время вносила данные из их паспортов в компьютер. Саша подумал, что это для банковского кредита, который, согласно условию, выдавался семье, в этот раз выбранной ФКДП, под очень низкие проценты и на неограниченный срок.

- Спасибо, - сказала девушка ФКДП, забирая заполненные анкеты. - Ждите инспектора, который составит резюме вашей кандидатуры. Поздравляю вас с участием в федеральной программе. Желаю удачи.

Оля передернуло.

- Мы целыми днями на работе, - сказала она, с вызовом глядя на молоденькую девушку, года на два моложе ее.

Та улыбнулась.

- Не волнуйтесь, инспектор придет в любое удобное для вас время.

В приемную уже входила следующая, вызванная через полчаса после них, пара. Лица супругов светились. Видимо, для них ФКДП действительно являлся лотереей, причём по-настоящему беспроигрышной. В таком случае к уже запланированному ребенку мог добавиться неожиданный кредит. Девушка, как и Оля, волновалась.

Когда Саша с Ольгой вышли на улицу, Ольга сказала:

- Я перееду к маме. - На ней лица не было.

У Саши кошки заскребли на душе.

Она покосилась на него и, словно на миг чего-то испугавшись, добавила:

- На месяц, не больше... Пока всё это не кончится.

Он молча шагнул рядом.

- Саш!

Он молчал, только лицо осунулось. Но она дернула его за рукав и заставила остановиться.

- Саш, ты же знаешь... Сейчас просто некогда. - Она посмотрела на него тем взглядом из-под пушистых ресниц, который всегда, с их первой встречи, лишал его воли. - Что ты написал?

- Правду.

Она отвернулась, словно вспомнив что-то неприятное. Они молча пошли дальше. Он заметил, что губы ее плотно сжаты - верный знак, что она недовольна.

На лестничной площадке они столкнулись с соседкой Варварой, известной на весь дом сплетницей средних лет. Та казалась растерянной, словно ее застучали за чем-то недостойным, например, хорошим отзыве о ком-то.

- А ко мне тут мужчина приходил, пока вас не было... - сказала Варвара. И тут Саша понял, что то, что он принял за смущение, на самом деле - торжество и крайнее самодовольство. - Спрашивал всё про вас, записывал... Поздравляю... Вы не волнуйтесь, я всё хорошо ему рассказала... вернее, как будто всё хорошо. То есть что и есть всё хорошо, что это я говорю!.. - Она даже путалась, настолько была возбуждена исполнением долга.

Оля без слов прошла в квартиру, Саша за ней, поблагодарив соседку.

- Я ему столько порассказала, что он больше никуда не пойдёт!.. - крикнула она им вслед.

Саша закрыл дверь.

Варварка покосилась на мою дверь, но попробовала бы она сунуться ко мне! У меня дверь хоть и хлипкая, зато сам я жёсткий! Не люблю ее: лезет сроду не в своё дело! Кто ее просил язык распускать?

Ольга тихо ругалась, так что не было слышно слов, почти что про себя. Она редко ругалась вслух, только по каким-нибудь ничему не значащим поводам - чтобы только поскорее разделаться с помехой.

- Собираться будешь? - спросил Саша, стоя в дверях, прислонившись к косяку.

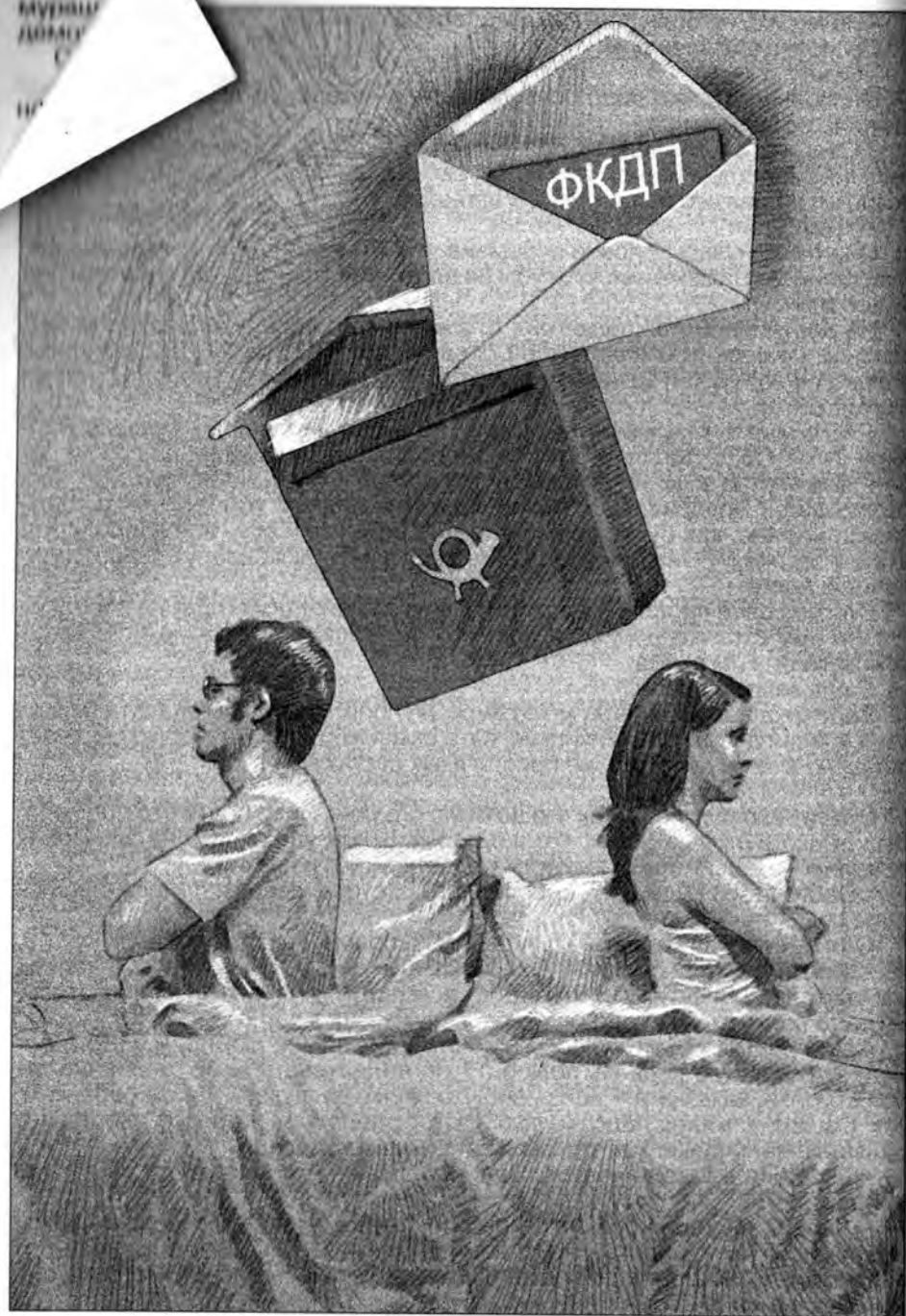
Оля рухнула на кровать, но тут же села прямо, как статуэтка.

- Какой теперь смысл?! - зло сказала она. - Эта дура всё теперь рассказала инспектору. Дал же бог соседей! И почему людям обязательно надо лезть в чужие дела?

Саша решил защитить соседку, хотя не очень её любил. А я что говорил? Кто ж такую сволочь полюбит? Но поддакивать жене, особенно такой строгой, как Ольга, - всё равно что пламя раздувать. Таким бабенкам, как Сашкина жена, надо только дать проораться, сорвать злость - а дальше они мирные. Так что Сашка правильно сделал.

- Оль, она же не виновата. Она же не сама его искала, он сам к ней пришёл.

- Давай, защищай всяких старых сплетниц! Ты еще с соседом нашим подружись! Тоже, видать, любит язык распускать. Ты с ним пока не выпивал? Может, ты теперь со всеми будешь дружить? - зло посмотрела она на него. - А жена - хрен с ней!

Так. Это она уже по мне проехала. Зря, ничего плохого я им не сделал, вообще не вмешивался.

Ольга встала и направилась в ванную. Саша слышал, как жена звонко роняет на кафель какие-то мелкие вещи и приглушенно ругается. Через минуту побежала вода.

Он прикрыл глаза. Он плохо спал этой ночью, а сейчас ещё голова разболелась; болела не болела, а как иногда весной зудят дёсны. Что-то Ольга долго.

Саша постучал в дверь ванной. Тишина, шума воды не слышно. Открыл дверь. Оля лежала в ванной, укрытая пеной. Глаза были закрыты.

Он присел на маленький стульчик возле стиральной машины.

- Знаешь что? - не открывая глаз, сказала она. В тихой ванной ее голос показался необыкновенно гулким.

- Нет, - как всегда ответил он.

- У нас есть выход.

Лицо ее было, как маска. Ему стало не по себе.

- Что? Вернее, какой?

- Тебе надо лечь в больницу.

Капля сорвалась с крана и беззвучно канула в шапку пены. Глаза Саши поползли вверх.

- В какую?

- В психиатрическую.

Он вперился в нее, но она не шутила.

- Ты забыла еще один вариант, - сказал он, помолчав. - Может, мне вообще... того?

Всё-таки она побледнела.

- Не говори глупостей!

- Я говорю глупости? - повысил он голос. - А ты? Ты предлагаешь мне разыграть психа?

- Хорошо, мы всем будем говорить, что ты сошёл с ума от счастья! - съязвила она.

- Оля, ты сама чокнулась уже! Мне начинает казаться, вернее, сразу показалось, что ты просто не хочешь ребенка от меня. Думаешь, я не знаю, что ты таблетки принимаешь - это при том, что меня без резины к себе не подпускаешь?

- Давай не будем об этом!

- Почему это? Ну, хорошо, ты не хочешь торопиться, допустим, я "за". Но сейчас... Шанс, что именно нас выберут - минимален, точнее, одинаков со многими другими. Почему ты как с ума сошла - как будто заранее уверена, что именно нас выберут?! Это уже шиза какая-то! Объясни, я хочу понять! Ты как будто в ужасе, в паническом страхе. Отчего?

- Может, я и правда с ума сошла. - Внезапно она открыла глаза и протянула к нему руку, она практически плакала: - Сашечка, миленький, любимый, но я же не могу лечь - куда я потом с этой справкой... Ты же знаешь: я люблю тебя и только тебя. Но сейчас так не вовремя!..

Он вышел из ванной, прошелся по пустой квартире, потом вытер руку кухонным полотенцем. Через пять минут она включила душ.

В субботу она отпросилась с работы: к ним должен был прийти инспектор ФКДП.

Инспектор оказался молодым ещё мужчиной, выглядящим старше из-

за худобы и начинающейся лысины. При себе имел цифровую камеру и черный пластиковый кейс. А также улыбку, дружелюбную и профессиональную. Стандартный набор, без них "комитетчик" - всё равно что гаишник без жезла. Да и без дороги.

Ольга попыталась сразу поставить его на место.

- Скажите, а нежелание семьи иметь ребёнка учитывается при рассмотрении на комиссии?

Агент ничуть не смутился, даже продолжал улыбаться.

- Девушка, федеральная комиссия по деторождению при президенте помогает проводить в жизнь федеральную программу, которая включает в себя принуждение, дотируемое, правда, принуждение - из федерального бюджета. Считайте, что это плата за моральные издержки. По вашему вопросу я догадался, что вы не хотите иметь детей - вообще или, возможно, именно теперь? Ну что ж, ради таких случаев комитет и созывался. Боюсь вас разочаровать, но факт вашего нежелания иметь ребенка, как это ни парадоксально, скорее привлечет к вам внимание комитета, чем оттолкнет его. Понимаете: те, кто хочет иметь детей, комитет как раз и не интересуют. Я ответил на ваш вопрос?

Как он всё красиво излагает!.. И ведь это не промывание мозгов, как по телевизору, а простые, нормальные, понятные слова.

- Более чем, - презрительно сказала Оля и больше с "комитетчиком" не заговаривала.

Саша вспомнил, с какими мучениями заполняла Ольга анкету. Интересно, что она там наплела, какие гадости про себя наговорила, вернее, понаписала? И что она будет плохой матерью, и что вообще детей не любит, и что муж ее пьяница!

А инспектор-то оказался не так прост! За ним чувствовалась власть, сила государства, способного во имя блага ли, нет ли - сломить любого своего гражданина. Викторина оказалась с очень жесткими правилами.

Выслушав этот обмен репликами, Саша неожиданно развеселился. Он с удовольствием говорил с инспектором ФКДП, а тот охотно отвечал, всё с той же любезно-деловой улыбкой, не забывая делать снимки и пометки в блокноте.

Вот тут меня Саша опять порадовал. Он не стал затевать ссору с супругой, а вместо этого привлек "комитетчика". Он и раньше мне нравился, но тут я прямо воспрял: молодец, Саня! так их!.. А она вернется, как милая, побушует и вернется - и бери ее тепленькой!

- Программа движется и набирает обороты, - говорил любезный "комитетчик" - Вы не представляете, сколько мы уже добились. Люди редко интересуются статистикой, особенно этой, а подчас просто не запоминают. А что не услышать, что забыть - одно и то же. Забывший может так никогда и не вспомнить, а не слышавший снова не услышать. Но это философия. А федеральная программа - вещь практическая, тут даже эмоции - постольку поскольку. Мы встречаем сильное сопротивление - до сих пор. Но президент никогда не называл это экстремизмом, хотя слово сейчас так популярно. Мы - правовое государство. Ищем оптимальные варианты - мы же не карательный орган. Мы действуем строго в рамках существующих законов. У нас много способов получения информации. И есть власть применить полученные знания. Большинство несогласных ссылаются на естественное право человека самому решать, оставлять ему после себя потомков или нет и когда это делать. Это,

повторю (поскольку я с этим полностью согласен), естественное право человека и гражданина. Но ведь и у государства относительно своих граждан есть права, как и обязанности. Скажем, государство имеет право призвать гражданина в армию, и никто не назовет это нарушением прав и свобод. Это естественное право государства. Государство имеет право послать гражданина на войну, потому что обязано себя и его защищать от врагов. В случае же с демографией: резкое снижение рождаемости у вполне здоровых и, не побоюсь этого слова, благополучных родителей - это ли не враг, грозящий не просто захватить нашу страну, а вовсе уничтожить её? Почему же граждане, помнящие о своих правах, забывают про свои обязанности? В данном случае, как и в случае с войной, государство, помня о своих обязанностях, реализует свои права. И добьется своего во что бы то ни стало. Людям тоже пора вспомнить про свои обязанности. Давайте обоюднo уважать права друг друга - ну что ж, время такое.

Сане приятно было слушать трезвые рассуждения чиновника, лишённые всяких эмоций - пока они "прогуливались" из комнаты в коридор и обратно. И Ольга тоже возражала, со своей стороны, вполне логично, но эмоция в ее словах всё-таки было на порядок больше.

Её долго не было, но когда инспектор уже собирался уходить, она появилась из кухни, держа перед собой поднос с тремя рюмками.

- Выпить не желаете на дорожку? - спросила она инспектора. На щеках её горели красные пятна. - Шампанского, к сожалению, нет, но есть мартини, коньяк, виски, текила... Может быть, sake? Сейчас подогрею. Вообще-то я рекомендую водку, я ее сама готовлю...

- Нет-нет, спасибо, - улыбаясь, ответил инспектор. И добавил многозначительно: - И вам как будущей маме не советовал бы.

- А я, пожалуй, выпью, - сказал Саша. Его позабавила последняя попытка жены испортить впечатление.

Она не пошевелилась.

- И вы не увлекайтесь, - сказал на прощание инспектор Саше. - Ждите результатов примерно через месяц.

- Ну и дурак же ты! - прошипела Ольга, едва за инспектором закрылась дверь. - Кстати, если собираешься опять напиться, как вчера, то иди туда, где вчера был. Не хватало мне здесь еще тебя пьяного, вдобавок ко всему!

Саша не смог не улыбнуться.

- Успокойся, ты сделала всё, что могла. Я почти уверен: нас не изберут. Ну, не совсем же они дураки! - Саша потянулся её обнять. Она попыталась вырваться. Зазвенели рюмки. Потом всё стихло.

Примерно через две недели, они уже лежали в постели, Ольга вдруг произнесла (я и не думал слушать - просто ночи так тихи):

- Ты ведь наверняка изменял мне?

- Конечно, сколько раз, - не задумываясь, ответил Саша. - А почему ты спрашиваешь?

- Может, и дети где-то есть, а ты и не знаешь.

Он помолчал в темноте, наверное, задумался.

Ольга продолжала:

- Вы ведь, мужики, только кричите о детях, а сами даже не знаете, есть они у вас или нет.

- Хочешь сказать, женщина всегда это знает?
- А ты хочешь сказать, нет? Что, можно не знать, рожала ты или нет? Ты сам-то понимаешь, что...
- А от кого, она же может не знать?
Он почувствовал, как она напряглась под одеялом.
- Женщина всегда знает, - тихо сказала она.
- Понятно, это как уборка: всегда надо знать, где что лежит. Да?
- Ты не убираешь вещи, а расталкиваешь.
- Ты что, предлагаешь их поискать?
Он почувствовал, как вздрогнули её плечи.
- Давай спать, мне завтра на работу, - тихо сказала она.
Плачет, не иначе. Ничего, Санька, держись! Я рад, что не ошибся в тебе! И я уже кое с кем связался, и думаю, ко мне прислушаются - они на этом стоят. Я так им и сказал: есть один человек, который хочет дитё. И линию свою выгнет. Я так и сказал: на тебя можно положиться. Ты меня теперь, Сашунь, только не подведи!

Дни тянулись невыносимо медленно. Ольга всё больше нервничала. Шумные стычки и скандалы на бытовые темы стали в их квартире обычным делом.

"- Ты устала?
- Ты что, совсем дурак?!
- Я тебя "дурой", кажется, не называл.
- Хотела бы услышать!
- Ну и дура!
- Ты чего кричишь?! Я и вправду дура, раз позволяю так себя называть!" Вот такие перепалки, иногда и с битьём посуды, стали обычным делом. Мы когда-то с супругой тоже ругались, но не так. Ну, поворчит малость, ну, ругнусь - но всё по-доброму, душевно.

В один из дней позвонили из ФКДП уточнить какие-то детали. Ольга выругалась и со злостью швырнула трубку.

К ним зачастила Ольгина мать. Саша не любил тещу и старался улизнуть из дома до ее прихода. Кажется, теща полностью поддерживала дочь, а с двумя он уже не справился бы. Лично его отец участвовал в студенческих маршах против только что организовавшихся комитетов ФКДП. Мы с покойным Михаилом Алексеичем вместе горланили на манифестациях. Нам совали какие-то бумажки с текстами так называемых речовок (смотри-ка, запомнил слово!). Они с отцом не очень ладили, да и мы, кроме "реченок", почти не общались. Но незадолго до смерти, уже болея, Михаил Алексеич попросил меня приглядеть за Саней. Санька был тогда еще не женат. Естественно, всё нужно было делать незаметно, чтобы Сашка не заподозрил, будто отец просит у него прощения. Вот такой казус. Теперь я вижу, что Алексеич хорошо воспитал сына. Как сумел. Я считаю, что убеждения нужно менять только в том случае, когда всё говорит за то, что оно к лучшему.

Ольга до замужества жила с матерью, про отца ее я ничего не слышал. А мать ее была женщиной хотя и строгой на первый взгляд, но на самом деле - из тех, кто всегда согласен. Я ее быстро раскусил, хотя и редко видал. Придет время, и, уверен, она станет нянчиться с ребенком с таким же охотой, с какой теперь поддерживает нежелание дочери этого ребенка заводить.

Каждый вечер Саша с нетерпением заходил в первый понравившийся бар и заказывал пиво. А пиво, как известно, не терпит смятения, оно тогда плохо действует, и приходится "догружаться" чем покрепче. Неудивительно, что домой он возвращался поздно и изрядно под мухой. Иногда я видел его, сидящим в одиночестве за столиком бара или кафешки, названия которых он даже не знал. Он крепко стискивал кулаки, как волейболист перед подачей. Или как человек, что-то потерявший, оказавшийся в безвыходном положении. Пару раз я доводил его до дому, так он набирался.

Ответ из ФКДП должен был прийти со дня на день.

Однажды Саша вернулся домой раньше обычного. На этот раз он действительно был навеселе, потому что улыбался. Ольга еще не ложилась, как всегда, сидела с телефоном.

- Как самочувствие, дорогая? - спросил Саша с порога.

И прошел в ванную. Там принял холодный душ, с силой растерся полотенцем, так, что кожа побагровела.

Он был почти трезв.

- Что... - выдохнула она, увидев его лицо, когда он появился на пороге комнаты.

- Как себя чувствуешь? - повторил он. - Голова не болит, к примеру? Или еще какая неприятность?

- Да нет, - протянула она, чувствуя непонятную тревогу и одновременно желание знать, что случилось.

- Правильно. Я знаю, я слежу за твоим календариком. Тот, помнишь: кружочками отмечаешь "эти" дни.

- Да? Ну? И что?

- А то, что две недели назад я подменил твои таблетки на пустышки, - весело сказал он, надвигаясь на нее. - Твой носатый доктор не такой уж гад.

- Что-о?!

Он схватил ее руки и крепко, но не больно сжал.

- Что ты собираешься делать? - Она выпрямилась, чтобы встать с дивана, но он не пустил.

- Ты... изнасилуешь?.. Жену?!

- Оль, ты не поверишь, но я тебя люблю, - сказал Саша.

Она смотрела на него, как кролик на удава, и не могла отвести взгляд. Он гипнотизировал её. Он тоже обладал набором инструментов, ломавших когда-то её сопротивление, просто давно не пускал их в ход. Женщины с годами часто перестают следить за собой с такой же яростью, как делали прежде; мужчины ленятся, их мышцы превращаются в хрящ. Саша уже не выпускал её из объятий.

Она смотрела в его глаза и была на всё согласна, и уже хотела этого. Ну да, как же могло быть иначе! Он сделал движение плечами.

- И забудь сегодня про резину, - выдохнул он ей в ухо.

Наутро - они ещё спали, обнявшись, как сама любовь, - в их почтовый ящик скользнуло письмо из ФКДП: их выбрали.

Я сам положил белый конвертик с волшебным окошечком адреса (федеральное!) в их ящик - когда надо, я подрабатываю разносчиком почты. И будь я в стельку пьяный в будний день: фиг им пришлют такое, если не выбрали!

ЛЕСНОЙ АВТОБУС

Был тоскливый осенний день. Я сидел у окна, смотрел на дождь и тосковал. Причин для печали нашлось у меня много. Но, как всегда в таких случаях, выделялась и главная причина. Просто каждую осень моя комната в коммуналке начинает походить на тонущий корабль. Две стены сыреют, потому что комната угловая, и ничего поделаться с этим невозможно. Приходится тихо и медленно тонуть. Так я и становлюсь утопающим, каждый год. А кому понравится, если комната его тонет?

Но в тот день спас меня мой лучший друг Костя. Он приходил ко мне очень редко, зато как раз тогда, когда требовалась немедленная помощь. Вот и сейчас, пока я сидел возле окна в затонувшей своей комнате и смотрел на дождь, за спиной вдруг послышались тихие шаги. Я сразу догадался, что это мой лучший друг Костя. Не мог я его шаги спутать с чьими-то другими. Но в тот раз он поступил не так, как обычно. Он не стал рассказывать ни о жене Саше, ни о проделках своей маленькой дочки. И даже не пригласил меня на борщ со сметаной, как всегда. А ведь я знал, что по воскресеньям Саша варит отличный борщ. Тот унылый осенний день был, кажется, воскресеньем. Я-то уже воображал свекольный запах борща, но мой лучший друг Костя сказал:

- Соберайся, пойдём. И главное, сапоги резиновые надень.

Я понял, что борща мне не видать, и послушно надел старые резиновые сапоги. И мы пошли. Мы прошли мимо магазина и кондитерской, потом мимо Костиной многоэтажки, и последняя хрупкая надежда поесть воскресный борщ совсем пропала. Мимо большого каштана, который растерял почти всю свою одежду. Мимо овальной лужи, отражающей выцветшие от летнего солнца рекламные щиты в парикмахерской, мимо пестрых, как старое лоскутное одеяло, сараев и грустных гаражей. А если смотреть под ноги - мимо поношенных одежек-скорлупок от каштановых плодов. Мимо муравейника.

Потом мы поднялись на железнодорожную насыпь и перешли через пути. Костя, конечно, с самого начала знал, куда мы идем, но теперь и мне всё стало ясно: идем мы в лес.

Я понял. Костя решил мне помочь, поднять мой боевой дух. И для этого повел в лес, чтобы мы вместе вкусили дух осенней природы. Сам Костя молчал, и мне приходилось теряться в домыслах. Но всё-таки я был уверен в своем предположении.

Природа повела себя капризно. Только что я смотрел на законный дождь, а сейчас дождь перестал. Непонятно было, куда он вообще делся. Вместо дождя проклюнулось юное, нежно-голубое небо. Оно смотрело на землю, высываясь из-за ключев рваных крохотных облаков, уже не серых, не туманных, а нахально белоснежных.

Мы шли по лесу очень долго, наверно, уже часа два, я устал, и мне начинало всё это надоедать. А Костя бодро шлепал впереди, прямо по густой, чавкающей грязи, и, кажется, даже мурлыкал что-то себе под нос.

И тут я увидел конечную цель нашего похода. Посреди небольшой поляны стоял автобус, полускрытый нелепо, как-то очень нескладно торчащими молодыми кленами. У автобуса не было колес, а в одной стене его

зияла дыра, наспех заделанная изнутри деревянными досками. Удивительно, как это у него все стёкла в окнах оказались на месте.

Моего друга Костю явление автобуса ничуть не удивило. Было ясно, что они уже успели познакомиться. Костя уверенно двинулся к автобусу и залез в него через открытую дверь, рядом с водительским местом. А я забрался следом за ним, изо всех сил стараясь чувствовать себя так же непринужденно, как Костя.

Внутри автобуса мы обнаружили двоих людей. Между ними стоял старый радиоприемник с длинной антенной. Приемник, несмотря на все старания угрюмого мужчины, который крутил круглую ручку настройки, никак не желал настраиваться на нужную волну и извергал лишь гневное шипение, сквозь которое на долю секунды прорывалась музыка. Вторым автобусным человеком оказалась девушка с косичками. Лицо у нее было тусклым и скучным, а под левым глазом красовался большой, уже слегка пожелтевший синяк. Потом я узнал, что синяком наградила её муж-художник и что она обычно приходила в лесной автобус после скандалов с ним. Ну а тогда мне просто стало её жалко и я почувствовал себя неловко, потому что девушка была красивая и синяк под глазом никак с этой красотой не вязался.

Я присмотрелся внимательнее. На коленях у девушки с косичками примостилась плоская деревянная планшетка, вроде тех, на которых делают небольшие чертежи. На ней были аккуратно разложены желтые опавшие листья. Я опознал листья клена, березы и липы. Прямо тут, рядом, на сиденьице, находилась самая настоящая художественная палитра с полусохшими червяками масляной краски. Скоро я понял, что именно происходило: тонкой кистью девушка с косичками рисовала на сухих листьях крохотные знаки, по большей части темно-красные или черные. Я догадался, что собой представляют эти значки. Ясное дело: она делала из листьев игральные карты. Черви выходили особенно коряво и неряшливо, но художницу, как видно, издержки производства не смущали, она рисовала как умела, помогая себе громким сопением. И облизывала губы.

- Уважаемый Магистр, - сказала девушка с косичками, - ну что, угостим приваливших гостей нашими грибами?

Человек, которого она обозначила словом "Магистр", оторвался наконец от своего приемника, зашлепал губами и дернул левой бровью. Это, наверное, значило у него согласие, потому что девушка завозила ногами, засовывая полосатые шерстяные носки в кроссовки. Она слезла со своего сиденья и двинулась в ту сторону, где когда-то находилось водительское место.

Грибы, о которых она говорила, были жареными, я сразу понял. Их жареную природу я определил по густому грибному запаху, который распространился на весь автобус, как только девушка чуть сдвинула с места крышку большой алюминиевой кастрюли, наполовину спрятанной в каких-то одеялах.

Обладательница косичек решительно и окончательно сняла крышку. И стала накладывать жареную картошку с грибами в миски. Мне в миску тоже положила - было видно, что на дне этой миски нарисована клубника. От горячей картошки шел пар. Потом мы с Костей узнали, что картофель автобусные обитатели воровали из окрестных огородов, а грибы собирали в лесу. Ну а тогда мы просто намеревались ухватить по лако-

мому ломтику поджаристой картошки, в то время как Магистр тоже саживался к нам, вынимая из какой-то своей кенгуриной сумки здешнюю ложку с процарапанным на ручке трехзначным номером.

И тут меня удивил мой лучший друг Костя. С самым невозможным видом он достал из кармана куртки бутылку настойки. Домашней, простой. Лица присутствующих заметно потеплели, даже Магистр, мнительный, изобразил что-то похожее на улыбку. Костя взялся разливать настойку по кружкам, и на заднем сиденье внезапно зашевелилась тряпья. То, что выглядело как бесформенная куча грязных тряпок, оказалось человеком, который при звуке разливаемого напитка пробудился.

- Фу-ты, ну-ты, смотрите. Надо же, Питон проснулся!!! - произнесла восторженная девушка, и я внимательнее пригляделся к человеку.

Из тряпок показалась на свет черная вязаная шапочка с большим помпоном, а после шапочки - загорелое сморщенное лицо. На этом находилась странная, широкая, но какая-то неестественно подвижная, словно приклеенная, улыбка. Улыбка эта не произвела на меня хорошего впечатления. Однако потом, когда я получше узнал человека, улыбки, я убедился, что он человек приятный и к тому же самый обыкновенный, например, он умел смеяться и глаза у него блестели так же, как у всех остальных.

Потом я узнал, что постоянно в лесном автобусе прописаны только Магистр и Питон. Остальные были приходящими и уходящими, так сказать, вольными элементами. К примеру, девушка с косичками приходила только тогда, когда ссорилась с мужем, мой лучший друг Костя - когда у него нападало лирическое настроение, учитель Ситников - во время прогулок с Дюймовочкой, ну а я - как получится. А если уж говорить о чистоте, то получалось, что художник Магистр являлся единственным жильцом автобуса, потому что Питон-то был, как-никак, лесным обителем с многолетним стажем. У него имелась в лесу выкопанная землянка, а с Магистром он проживал в автобусе только ради комфорта. Жили они очень дружно, но всё-таки даже божж Питон иногда уходил из автобуса, возвращался к себе на "родину", в землянку.

Мы съели свои жареные грибы, весело похрустели картофельной крошкой. Из нехитрого, неспешного разговора, который сопровождал нас, стало ясно, что здесь, в лесном автобусе, был приют неудачника Божж Питон о себе почти не говорил, но мне о нём рассказал потом Магистр. Было ясно, что свое прозвище Питон получил из-за огромного роста, непомерной длины туловища и философского склада характера. История Питона относилась к разряду самых обычных: про обман, всегдашнюю человеческую подлость и бессовестных родственников, которые отняли у него жилплощадь. Впрочем, Питон ни на что не жаловался. Ну и художник Магистр сам выбрал себе судьбу: это он первым обнаружил в лесу ничейный сломанный автобус и стал в нём жить. Хоть и была у него мастерская в городе, в каком-то подвале. Магистр оказался человеком незлобным. Одинокий автобус полюбил его, а он полюбил автобус. Магистр стал жить-поживать в лесу, беззаботно и весело: перетаскивал в свое жилище кое-какой безобидный хлам, котелки, кружки и лоскуты одеяла, свои художественные принадлежности, взялся ходить на этюды или просто на прогулки по окрестностям. А по большей части Магистр отсыпался. Или кашеварил. Было ясно: он залечивал свои душевные

Когда человек лечит душевные раны, ему лучше спать как можно дольше.

После новоселья Магистра к лесному автобусу сами собой потянулись. Автобус никого не отвергал, всегда радовался новым гостям; вот и Костей он тоже обрадовался.

Сидели в автобусе, а за окнами медленно, словно тлеющая свечка, тлел осенний день. Было видно, как падают с деревьев кленовые листья. А потом в лесу совсем стемнело, и я стал потихоньку рассматривать внутренности автобусного жилища. Неодушевленные постояльцы были разными: я заметил возле двери старую, громоздкую мясорубку, а прямо паровоз какой-то.

Мясорубка зачем? - спросил я.

Мы по воскресеньям пельмени лепим, - невозмутимо ответил Питон.

Да, помню, я попросту опешил. Никак не верилось, что пельмени лепить прямо здесь, в автобусе. Но потом я не раз видел, как Питон и Магистром возятся, деловито сооружая самые настоящие пельмени: раскатывали тесто на доске, прокручивали через мясорубку говяжий фарш, сдабривали всё это дело луком и красным перцем. А потом вылезли из автобуса и варили новоявленные пельмени в котелке над костром. Котелок искрился, шипел и плевался пеной.

Дигня твоя "Галина Бланка"! - авторитетно заявлял Питон. - Химия магистр обижался. Он всерьез считал, что бульонные кубики творят чудеса, и добавлял их со свойственной ему щедростью во все блюда без исключения: в супы, в макароны, в картошку, в кашу. И, конечно же, в пельмени. Он полагал, что кубики должны использоваться в супе, а не в пельменях. Он считал, что без них никак нельзя обойтись. Кубиков просила, требовала его художественная натура. Поэтому на неуместные замечания Питона Магистр всегда обижался. Он оставлял котелок без пригляда и уходил в лес, похрустывая сухими ветками и пиная сгоревшие муравейники.

Кроме мясорубки, в автобусе находилось много странных вещей. Сзади, на стекле, висела самодельная карта Трансильвании, раскрашенная яркими красками.

На стене висел еще портрет мужчины.

Это я нарисовал картину, - пояснил Магистр, заметив мой интерес, - называется "Боярин".

Я внимательно разглядел произведение. Мужик с красным лицом, в меховой шапке с меховой опушкой внимательно, пытливым взглядом смотрел на меня. В общем, он и правда был похож на боярина, скажем, на боярина эпохи Петра Первого. Однако не было в выражении его лица какой-то особой гордости, наоборот, он казался незащищенным каким-то, этот так называемый боярин. А самым странным был балахон. Я-то думал, что боярин должен был носить что-то другое. А одежда боярина, которого изобразил Магистр, явно наводила на мысли о Венеции. Понятно, почему: она была популярна в костюмах арлекина, самый настоящий костюм арлекина. Пунцовые ромбы, пуговицы-хрусталики, большие и блестящие.

В общем-то Магистр был неплохим художником, но в силу каких-то психических обстоятельств он утратил веру в себя. Он не любил говорить о себе. Но я видел те картины, которые он приволок в автобус, и

сделал для себя кое-какие выводы. Замечал я также и то, что сейчас, поселившись в автобусе, Магистр почти не рисует. Лишь иногда, в особенно пасмурную, мрачную погоду, ходил он на этюды.

А потом пришел Ситников. Вот и о нём надо рассказать, а я чуть не забыл. Ситников в лесу выглядел нелепо. Самое настоящее городское тепличное создание: оранжевый кашемировый шарф, длинное пальто с пуговицами из слоновой кости, черный зонт-трость с загнутой ручкой. Почти пижон, если бы не беззащитность, которая сквозила в каждом его движении. Но самым замечательным в Ситникове были круглые очки, которые придавали ему беспомощный, хрупкий вид. Они делали его похожим на охотника за бабочками. И, разумеется, Дюймовочка. Он всегда приходил в лесной автобус с Дюймовочкой. Их невозможно было представить по отдельности; сначала появлялась Дюймовочка, чуть приволакивая заднюю лапу, после возникал длинный кожаный поводок и только уж потом - сам Ситников, держащий этот поводок. Ситников залезал к нам в автобус, а Дюймовочку пускал на свободу, побегать в лесу. И она бегала, радостно шурша опавшими листьями. Карие, круглые, слегка печальные глаза ее загадочно блеснули.

В общем, после того как Костя показал мне дорогу к лесному автобусу, я стал часто бывать там. Мне там нравилось, было спокойно и хорошо. Каждый делал что хотел, никто никому не мешал. А если хотелось поговорить, то разговор велся неторопливый и безобидный.

Осень кончилась, наступила зима. Зимой я редко ходил в автобус. Очень уж холодно было. К тому же я был занят, сочинял всякие учебные рефераты или статьи для газеты, где работал. Но иногда всё-таки наведывался туда, в лес, одеваясь потеплее.

Однажды в конце зимы мы сидели в автобусе. Была девушка с косичками, Магистр и я. А больше никого не было. Совсем недавно мы жгли возле автобуса костер, чтобы согреться, а сейчас вот залезли внутрь, время от времени согревая себя водкой, которую припас предусмотрительный Магистр. Значит, сидели мы вот так, втроём, и было немножко обидно, что других автобусных персонажей с нами нет. Скорее всего, их смутил холод. Нас он тоже немножечко смущал; однако мы не покидали автобус, согревали друг друга дыханием. И автобус изо всех старался нас согреть, но у него плохо это получалось. Разлапистые, ветвистые, причудливые морозные растения медленно вырастали на оконных стеклах. Мне казалось, я вижу кораллы и тропические пальмы с огромными, веерными листьями; они навели меня на одну мысль, но она - она возникла чуть позже. А пока я думал: Костя сейчас, наверное, наслаждается семейным уютом, Питон, свернувшись калачиком, спит в своей землянке, Ситников скучает дома, смотрит вместе с Дюймовочкой телевизор. Особенно нравится Дюймовочке реклама. Мелькают яркие цвета, сияющие, самодовольные лица, пухлые, раздувшиеся от сытости буквы.

Ну а мы в это время сидели в лесном автобусе, смущенные морозом. И нельзя было не смущаться; выпив очередную рюмку и ощущая отчетливый, весомый согревающий эффект, я наблюдал за тем, как краснеют, доходя почти до запредельной пунцовости, щёки девушки с косичками (я давно знал, что зовут ее Олей, но в мыслях всё равно называл ее девушкой с косичками, мне так больше нравилось), как странно, медленно бродят, не зная, куда приткнуться, вязаные руки Магистра. И еще, в частности, за тем, как сам я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не начать

рассказывать им очередную чепуховую историю, вымышленную от начала до конца. Вряд ли мы в тот момент осознавали, что составляли банальный любовный треугольник; я знал, что Магистру нравится девушка с косичками. Во-первых, еще в ноябре он нарисовал ее портрет углем и серой глиной, да-да, серой глиной. Ничего, что неудачный, в конце концов, то была всего лишь первая попытка. И к тому же он всё время старался угодить девушке с косичками: то наливал ей в кружку какой-то особенный чай с крапивой и зверобоем, то приносил из леса голубую шишку, то читал сонеты Шекспира. Пару раз я видел, как он что-то шепчет ей в ухо, и непонятно было, зачем при этом ему так уж необходимо тихо, осторожно гладить её левую косичку. Это, по-моему, уже ни в какие ворота не лезло, тем более что мне она тоже нравилась. А вот кто ей самой нравился, было непонятно, потому что она всё время говорила о своем муже-художнике, какой он обормот, как она от него устала и сколько вообще может всё это продолжаться. А Магистр вежливо спрашивал о картинах, на что она отвечала, что муж уже совсем ничего не рисует, а цветастые шкатулки для магазина сувениров вряд ли можно считать свободным творчеством. Я больше их не слушал; от таких разговоров мне становилось скучно, и я смотрел на морозные кристаллы.

Я увидел краба, потом - пальмы. Снова пальмы. Неожиданно засверкало, заискрилось тысячей бликов лазурное море - я увидел море, и солнце, и еще почему-то автобусную девушку с косичками, Ситникова и бомжа Питона, сидящих в белой беседке на набережной. Ветер с моря обнимал их, стараясь как можно сильнее растрепать волосы. К тому же все они были совсем не такие, какими я привык их видеть. Приглядевшись к своему миру, я понял, в чём дело. Дело было в загаре. Ровный, коричневый, словно крепкий чай, и несомненно южный загар покрывал их лица, руки и ноги. И делал их практически неузнаваемыми. А на голове у Оли была белая косынка. Оля играла в шахматы с Питоном, а Магистр пил кофе из маленькой фарфоровой чашки. А главное, я слышал голос моря. Я не мог ошибиться. Да, я слышал громкий, настойчивый шум волн, чарующий, дурманный. И свет. Ослепительный голубой свет, и пальмы, шуршащие, как блестящие обертки от шоколадных конфет. И пальмы. Вот почему я задумчиво сказал:

- Крабы... Почему бы нам не заняться ловлей крабов?

Магистр и девушка с косичками уставились на меня так, словно я сморозил чудовищную глупость. Так оно и было на самом деле. Я посмотрел на красный, опухший от холода нос Магистра, на его руки в горчичных вязанных перчатках, на то, как зябко кутается в тулупчик (а поверх тулупчика наброшено еще и местное, автобусное одеяло) девушка с косичками, и понял, что мне придется долго объяснять им свою морскую фантазию. Всё равно что пересказывать сон. Впрочем, для того, чтобы называться "фантазией", увиденное мной было слишком реальным, и я взялся за объяснение.

- Море, - сказал я. - Нам всем необходимо поехать к морю.

Магистр и девушка с косичками ослбенели. Прямо бисквитные фигурки. Бисквит - так называют на фабриках белый, еще не тронутый росписью фарфор.

Наверно, они решили, что у меня белая горячка.

- Надо починить автобус, - объяснял я. - Найти водителя. И когда начнется лето, поехать к морю.

Молчание было мне ответом.

Моя идея явно застала их врасплох. Я даже не знал, был ли кто-то из них на море. Как не знал я и того, что эта моя идея так понравится Магистру.

Незаметно пролетела весна, радостная и какая-то очень мокрая. Со мной произошло много всяческих событий, в частности, собирался я жениться на одной моей знакомой журналистке, но всё-таки умудрился с ней поссориться. Водоворот событий полностью меня захватил. И тут я понял, как давно не был в лесном автобусе. Ужасно захотелось сходить туда, и я пошел, прихватив последнюю зимнюю банку с облепиховым вареньем.

Я спокойно-преспокойно шел по лесу, рассчитывая увидеть всех друзей, попить чая с вареньем и поговорить. Но только не о всегдашних душевных болячках и неприятностях, а о чём-нибудь приятном, например, о весне.

Наконец я оказался на месте. И что же я увидел? Автобус, давний друг, преобразился до неузнаваемости. Я даже не сразу поверил своим глазам.

Теперь у автобуса появились колеса. И к тому же он был заново покрашен в красивый бледно-голубой цвет. Возле автобуса суетился незнакомый мужчина с черными усами. Потом меня с ним познакомили, оказалось, что это Сергеич, водитель автобусов.

Пока же я, словно в затмении, расхаживал вокруг автобуса, рядом со мной вдруг волшебным способом образовался мой друг Костя. Образовался и сказал:

- Вот видишь, твоя идея скоро воплотится в жизнь. Автобус уже почти полностью отремонтировали. Магистру удалось найти каких-то своих старых знакомых с деньгами. Так что скоро - едем к морю.

- И ты тоже поедешь? - спросил я, как будто не о чем было больше спросить.

А дальше - что было дальше? Я наблюдал за тем, как стремительно развиваются события. Смотрел на всю эту суматоху. И мне становилось немного жаль того, что первоначальный покой был нарушен и что всё теперь погрузилось в такую вот суету. Но пути назад уже не было. Лесной автобус, заколдованный волшебниками, был успешно расколдован. И превратился из лесного в самый что ни на есть обыкновенный. В полноценное средство передвижения.

Так получилось, что я не смог поехать. Мне, конечно, было ужасно обидно, но как раз в тот момент я должен был сдавать экзамены в институте. И уехать было никак нельзя. Двойная обида глодала из-за того, что всё-таки именно мне пришла в голову идея поехать к морю. Пока я сидел за скучными учебниками, ко мне пришел Костя.

Он уселся рядом, понаблюдая за моими душевными страданиями, и ему стало меня жалко.

- Может быть, нам отложить поездку, дожидаться тебя?

Но я не мог принять такую жертву.

Тогда он стал рассказывать о сборах, о том, как он покупал бельевые веревки, как раздобыл у знакомых замечательную палатку и отличный, трехслойный спальный мешок. А потом я пошел провожать лесной автобус. Собственно говоря, нашего друга уже нельзя было назвать лесным. Водитель Сергеич отогнал автобус из леса на площадку перед девяти-

этажкой, в которой жила девушка с косичками. Там-то и состоялись знаменательные проводы. Было очень много незнакомых мне людей. Но я осмотрел на лица друзей, светящиеся от счастья. Сергеич, деловитый и сосредоточенный, в последний раз проверял готовность автобуса к дороге. Кто-то продолжал бодро закидывать в багажник рюкзаки и палатки, а Питон в синих спортивных штанах с серебряными полосками, Магистр и Ситников, тоже в новых, каких-то уж очень замысловатых шортах с восемью карманами, стояли возле автобуса. И вид у них был самый что ни на есть торжественный. Они пустили по кругу пластиковую бутылку с самодельным вином. И я тоже к ним присоединился, хоть и не был отъезжающим, а был лишь провожающим. Но ведь, в конце концов, именно я придумал для них море.

Лицо девушки с косичками блестело, как медный таз. И я понял, что никогда прежде не видел на ее лице такой вот улыбки.

Они уехали.

А мне не оставалось ничего, кроме мечты. И представлений, причудливых, невероятных, но вполне отчетливых. Это было нетрудно. Я видел их, словно был рядом. Я видел море, искрящееся в ярких солнечных лучах. Это ослепительное море. Я дышал запахом моря, крепким, соленым и бодрящим.

Видел, как девушка с косичками ныряет в волнах, вооружившись маской и ластами, исследуя подводные заросли и каменные лабиринты. Как плещется рядом с ней Питон и как он ловит крабов и рыб при помощи самодельного гарпуна. Как Ситников вместе со своей Дюймовочкой торжественно гуляют по набережной крохотного приморского городка, среди белых беседок и пальм. Как Магистр и мой лучший друг Костя загорают на диком пляже, бросают в море гальку или лениво поедают черный виноград из пакета с надписью "Пепси".

И конечно, небо, лазурное, яркое до боли в глазах небо, его я тоже видел. Небо, которое целуется с горизонтом, сливается с бесконечностью моря. Небо. Оно просвечивает сквозь узорчатые листья пальм и южных хвойных деревьев с огромными иглами длиною с ладонь.

А ещё я видел, как они возвращаются домой, едут, едут днем и ночью, едут и едут, а мимо печально пролетают пирамидальные тополя и кипарисы, маленькие южные города и горы, а потом местность становится всё более и более ровной. А море - море остается позади. Я видел всё это и грустил вместе с ними.

Наступил сентябрь, и я пришел на то самое место, на знакомую поляну. Лесной автобус еще не вернулся. Невольно я подумал: вполне возможно, что они остались там, у моря, навсегда. Мысль показалась такой правдоподобной, и я сразу почувствовал очень одиноким.

Я поймал летящий мне прямо в лицо желтый березовый листок. А другие листья как ни в чём не бывало продолжали падать с деревьев. Происходило что-то странное. Я никак не мог понять, что именно. Что показалось странным? Нет, не запах горящей листвы, насквозь пропитавший куртку. Совсем недавно я шел мимо деревянных домишек, а тамошние обитатели жгли костры из палых листьев. И не тишина - ведь тишина обычное дело в глухом лесу, который потому и называется глухим, что там ничего не слышно. Нет в лесной тишине никаких странностей.

И тогда я понял, в чём дело. Дело было в березовом листе. Лист смотрел на меня. Смотрел и улыбался.

ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ

Навалившись на подоконник раскрытого окна, пенсионер Борис Михайлович Кошкин, владелец двухкомнатной квартиры на втором этаже, курил и со злобой плевал вниз. Настроение у него было мерзкое, так как на днях он лишился работы, дававшей стабильный доход на протяжении последнего года.

На первом этаже, прямо под его квартирой, располагалось недавно частное предприятие, в котором трудился Борис Михайлович. Когда-то, лет десять назад, там была обычная квартира. В ней жили шустрые молодожены Виктор и Татьяна, торговавшие на рынке турецким барахлом. Поднакопив денег, они организовали магазин в собственной квартире. Установили прочную стальную дверь, окна переделали в витрины, защищенные решетками, сделали охранную сигнализацию.

Потом они куда-то переехали, а помещение стали сдавать внаем. Здесь поочередно побывали галантерейный и овощной магазины, магазин автозапчастей, хозмаг, зубопротезный кабинет и даже кабинет белой и черной магии, который организовал пронырливый Вовка Никитин, проживавший в этом же доме на пятом этаже.

Все арендаторы неизменно брали Кошкина охранником.

Последний год был для него особенно удачным, когда помещение приобрел в собственность Василий Садовников - здоровенный мужик со скверным характером и тупой физиономией. Став хозяином, он на следующий день пригнал грузовик, набитый трубами, досками и какими-то ящиками. Кошкина, как обычно, приняли охранником. На его глазах бывшая двухкомнатная квартира превратилась в помещение с полом и стенами из белоснежного кафеля, вдоль стен расположились кабинки с девственно чистыми унитазами, их было десять штук.

Василий самолично ввел предприятие в эксплуатацию, используя по назначению первый от входа унитаз, и дал Кошкину пачку билетных рулонов.

- Будешь и кассиром, и охранником. Я буду приезжать за деньгами по воскресеньям. И вот еще что: срочно найди уборщицу.

- А нечего искать, моя жена согласится. Сколько платить будете?

- Семьсот.

- Не густо.

- Зато близко. Помахала шваброй часок в день - и всё.

Хозяин уехал, а Борис Михайлович выглянул на улицу, где у подъезда на скамейке в компании подруг-пенсионерок бессменно дежурила его Вера Николаевна.

Характер у Веры Николаевны был такой, что не приведи господи. Услышав деловое предложение мужа, она немедленно поджала губы.

- Чтобы я, бухгалтер с высшим образованием, убирала чужое... это самое! Да ни за что на свете!

- Всё равно целыми днями сидишь на скамейке и лясы точишь.

- Ты хочешь, чтобы я все дни напролет сидела в комнате? Чтобы я не дышала свежим воздухом? Чтобы я без конца пялилась в опротивевший телевизор? Ты этого добиваешься?

- Что ты, Веруня! Пойми, работы будет совсем мало, ты сможешь и дальше общаться с друзьями.

- Это унизительно! Моя бедная покойная мама была права, когда отговаривала выходить за тебя. Но тридцать лет назад я была молодой доверчивой душой...

Они спорили пятнадцать минут. Наконец она согласилась, потребовав, чтобы хозяин снабдил ее резиновыми перчатками, шваброй, ведрами и тряпкой.

Жизнь стала налаживаться: рядом был громадный вещевой рынок, и предприятие не пустовало. По субботам и воскресеньям даже стояла очередь. Особенно выгодны были клиенты, забежавшие справить малую нужду. Кошкин быстро смекнул, что к чему, и часто пускал народ без билетов, деньги, естественно, оставлял себе.

И вдруг жильцы дома взбунтовались. Пошли жалобы, стали приезжать комиссии, но волны возмущения бессильно разбивались о незыблемые скалы закона: нигде не было сказано, что свою квартиру нельзя приспособить под платный туалет.

Как-то, после ухода очередной комиссии, Садовников стоял во дворе и курил. Во всех окнах торчали огорченные лица жильцов.

- Что, выкусили? - насмешливо сказал Василий и показал дому громадную фигу, пообещав поставить поблизости пивной ларек.

Обещание он сдержал, и вскоре в туалете пришлось установить еще пять унитазов, так как очередь страждущих выросла вдвое.

Тогда жильцы прибегли к диверсии: ночью кто-то разобрал трубы канализации, заткнул вывод тряпкой и снова собрал. На следующий день, часам к девяти утра, в помещение невозможно было зайти. Коварные жильцы вызвали санэпиднадзор, туалет закрыли и демонтировали. Теперь на окне вновь появилась бумажка о сдаче в аренду.

Борис Михайлович швырнул вниз окурки.

- Господи! - взмолился он. - Хоть бы пришел какой-нибудь арендатор!

Господь услышал его мольбу, и во двор вошел пожилой худощавый мужчина. Он неторопливо подошел и стал читать объявление. Кошкин критически оглядел посланника Всевышнего. Тот был в дешевом поношенном костюме, рубашке не первой свежести и стоптанных туфлях.

- Здравствуйте, - сказал он, подняв голову к Борису Михайловичу. - Вы случайно не знаете, сколько просят за аренду?

- Пять штук. - Кошкин пожевал губами и с сожалением добавил: - Вам, наверное, столько не потянуть.

- А у кого ключи? Хочу посмотреть.

Через три секунды Борис Михайлович уже летел вниз по лестнице.

- Помещение отличное, - говорил Кошкин, - со всеми удобствами. Прощу...

Мужчина вошел и бегло осмотрел комнаты.

- Какой-то запах... Кафель везде... Что тут было?

Борис Михайлович замаялся, но, поняв, что сведения всё равно всплывут, честно ответил.

- Это не страшно, - сказал мужчина. - Кафель - это даже гигиенично.

- Чем торговать будете?

- Порошками, снадобьями разными.

- Вроде аптеки, что ли?

- Можно сказать и так. Кто хозяин помещения?

К обеду договор был заключен, а к вечеру мужчина привез на такси три сумки с кулками и пакетами и небольшой ящик с разнокалиберными пузырьками.

- Я беру вас охранником, - сказал он Кошкину. - Иногда меня не будет несколько дней. А зовут меня Серафим Петрович.

Кошкину очень хотелось узнать, сколько ему будут платить, но было почему-то неловко спросить об этом.

- Какая у вас пенсия? - поинтересовался Серафим.

- Тысяча восемьсот пятьдесят.

- Я буду платить столько же.

- Только не говорите жене, - попросил Борис Михайлович. - Ей сколько не дай - всё мало.

Серафим нанял плотника. Тот наделал полок и шкафчиков, и через три дня магазин открылся.

В первые дни заходили любопытные жильцы, никто ничего не брал. Потом изредка стали наведываться покупатели. Серафим встречал любезно. Вручал порошки, давал пузырьки с каплями, что-то толлок в ступке.

Однажды, томясь от безделья, Кошкин предложил помочь. Серафим подал ступку с какими-то серыми комочками.

- Истолките помельче и высыпьте вон туда, - показал он на большую пластиковую банку.

Закончив толочь, помощник высыпал и невольно прочел надпись на банке: "Совесть обычная".

- У вас на чердаке все дома? - опасливо спросил Борис Михайлович.

- Не понял...

- Я говорю: там у вас мыши не завелись?

- Говорите без намеков, просто и ясно.

- А давайте перейдем на "ты", по-свойски поговорим.

- С удовольствием, Боря.

- Ты шифер-то руками придерживай, Петрович. Чтобы не улетел.

- Опять ты с этим жаргоном...

- Какой нормальный человек будет торговать совестью? Во-первых, нет такого лекарства, а во-вторых, даже если оно и есть, это неходовой товар.

- Не беспокойся, Михалыч, я вполне нормален. - Он немного помолчал. - Товар действительно неходовой, но ведь изредка всё же берут.

- И помогает? - недоверчиво спросил Кошкин

- Достаточно одной дозы, но некоторым нужны две-три, если болезнь запущена.

- А может, ты того... Лохов разводишь. Бамбук гнешь?

- Я не понимаю, что ты говоришь, но чувствую в тебе недоверие.

- Еще какое! Впрочем, это меня не касается, плати мою зарплату - и я готов помогать, чем могу.

- Ты зря сомневаешься, - мягко сказал Серафим, - мои порошки и капли помогают. У меня есть средства от разных пороков: от привычки врать, от жадности и эгоизма, есть микстура честности, порядочности, скромности, стыдливости, средства доброты и чистой любви. Если не веришь, можешь проверить на себе или на своей жене.

- На себе не стану, а вот на моей... Я бы не прочь, чтобы она была не такой скупой и злой.

Серафим протянул ему маленький пустой пузырек.

- Для твоего случая достаточно одного универсального лекарства, - сказал он, беря в руки бутылку с темноватой жидкостью.

Набрав ее в пипетку, он накапал Кошкину в пузырек.

- Вьлешь ей в суп или чай, это обыкновенная супружеская любовь. Но учти, что средство будет действовать не более получаса.

- Почему так мало?

- Чтобы действовало всю жизнь, лекарство надо принимать добровольно.

Вечером супруги пили чай и смотрели телевизор. Жена вышла на минутку в кухню, и он вылил ей в чашку содержимое пузырька. Через пять минут Вера Николаевна беспокойно заерзала в кресле и как-то странно посмотрела на мужа.

- Боря, хочу тебя спросить... Тебе как со мной?

- В каком смысле?

- Ну, как ты себя чувствуешь в домашней обстановке? Какие мысли бывают при взгляде на меня? И вообще...

Она почему-то густо покраснела, как это было тридцать лет назад в первую брачную ночь.

- В целом неплохо, - осторожно сказал Кошкин.

- Мне кажется, я часто была к тебе несправедлива, пилила по пустякам. Мне почему-то совестно.

Она встала с кресла, подошла к мужу и уселась ему на колени.

- Я хочу, чтобы всё у нас было по-другому.

Она ластилась к нему, гладила, целовала, заглядывала в глаза.

Неожиданно вытащила сторублевку.

- Вот возьми, дорогой, завтра попей пивка и купи себе хороших сигарет вместо этой вонючей "Примы".

"Действует! - ликующе подумал Кошкин. - Молодец, Серафим, не надул!"

- Я всё время размышляю о нас, думаю, как нам жить. Думаю... да, я сейчас думаю: с какой стати я дала тебе сотню? - удивилась она. - Сейчас же верни деньги!

Она слезла с колен.

- Негодяй! Ты воспользовался моей минутной слабостью! Ты ведь уже привык к "Приме", вот и кури ее! Вместо того чтобы беречь семейный бюджет, ты готов вынести из дома последнее!

- Кончилось действие, - вслух констатировал Борис Михайлович. - Ты ведь сама...

- Моя несчастная мама, которую ты преждевременно загнал в гроб, - с надрывом сказала Вера Николаевна, - часто говорила мне...

Кошкин выскочил из комнаты: дальше оставаться не стоило, поскольку он давно знал, что говорила теща своей дочери.

Он спустился в магазин.

- Ну как? - спросил Серафим.

- Блеск! Только быстро кончилось.

В дверь постучали, Серафим пригласил войти. В комнату протиснулся крепкий накачанный парень.

- Здорово, отцы!

- И тебе не кашлять! - отозвался Кошкин.

- Наши пацаны болтают, что можете любого отучить от всяких таких, э-э-э... вредных привычек.

- Смотря каких, - сказал Серафим.

- Ну, к примеру, тачку угнать или там на гоп-стоп взять кого.

Он смущенно потоптался и обреченно вздохнул:

- В одну козу, извиняюсь, в девушку врезался без памяти, прямо хотевшейся. А она уперлась: когда станешь честным, говорит, тогда и приходи.

- У меня есть микстура честности.

- А ты не бре... то есть не обманываешь, папаша?

- Ни в коем случае, вот, возьми.

Серафим подал бутылочку с чем-то красным.

- Выпьешь за два приема: утром и вечером.

Парень вытащил пачку долларов и поспешил палец.

- Сколько?

- Десять рублей.

Он пошарил по карманам и пожал плечами:

- У меня нет деревянных.

- Ничего, потом занесешь.

- А если не занесу?

- Если выпьешь микстуру - занесешь.

- Ладно. - Он с любопытством посмотрел на Серафима. - Что-то больно дешево. Как вы умудряетесь жить без нормального навару?

- Нам доплачивают... из одной гуманитарной организации.

Едва качок ушел, вошла молодая красивая женщина.

Кошкин измельчал в ступке голубоватые кристаллы, Серафим фасовал порошок в бумажные пакетики.

- Извините, что так поздно, - сказала она. - Я мимо ехала, смотрю - у вас открыто.

- Чем могу помочь?

- Понимаете, как бы это вам сказать...

- Говорите откровенно, иначе мы не сможем помочь вам. Прошу садиться.

- Я замужем, - решительно сообщила она, опустившись на табуретку. - Вышла по любви. Муж хороший, порядочный, но меня одолевают поклонники. Я опасаясь, что в конце концов не утерплю и изменю мужу, а он умен и проницателен.

- Вам нужны любовь и верность, - сказал Серафим, встав и доставая с полки два пакетика. - Или, может, дать только верность? Вы как относитесь к мужу?

- Я его очень ценю, уважаю и горжусь им.

- Как вы относитесь к нему как к мужчине? Вам нравится, когда он гладит вас, ласкает?

- Конечно, - смутилась она. - Но раньше мне это нравилось больше, я вся горела, едва он дотрагивался до меня.

- Вам нужны два порошка, - заключил Серафим. - Вот, возьмите.

- Как их принимать - после еды или натощак?

- Не имеет значения. Один - утром, другой - вечером. С вас двадцать рублей.

- Всего-навсего? - удивилась она. - А вы не...

- Я не шарлатан. Вы умны и правильно сделали, придя сюда. Желаю счастья.

- Может, на сегодня хватит? - спросил Кошкин после ее ухода. - Уже

одиннадцатый час. Ты домой или, может, останешься? Всё хотел спросить: ты где живешь-то?

- Недалеко, но, правда, высоко.

- В высотке, что ли?

- Пока сказать не могу, но со временем, наверное, расскажу.

- Как знаешь, - зевнул Борис Михайлович.

Через пять минут Серафим ушел. Кошкин запер дверь, включил сигнализацию и растянулся на потертом диване.

В следующие два дня не заходил никто. На третий день пришла одетая в дорогой импорт толстуха лет сорока пяти, все пальцы были унизаны дорогими кольцами и перстнями, в ушах болтались увесистые серьги с бриллиантами.

- Я слышала, у вас разные дефицитные штуки продают. Можно посмотреть товар?

- Что вас конкретно интересует? - приветливо улыбнулся Серафим.

- Говорят, есть лекарства, чтобы характер лучше стал.

- Есть, есть, - закивал Серафим, - и всё же скажите конкретнее, чего хотите?

- У меня свой магазин, я сама стою за прилавком, и еще продавщица есть. Дела шли неплохо, но теперь становятся всё хуже и хуже. Покупатели уходят к конкурентам, я сама виновата: всё больше и больше обсчитываю, обвешиваю, обмериваю... Главное - всё прекрасно понимаю, а остановиться не могу.

Она слегка покраснела, это не укрылось от Серафима.

- Вы краснеете, значит, не безнадежны. Михалыч, подай-ка обычную совесть.

- Совесть в порошках? - удивилась она, развернув пакетик.

- Могу сделать в растворе, но так она более эффективна.

- Можно, я попробую?

- Сделайте одолжение.

- Горькая какая! - Она стала отплевываться. - Можно ее с сахаром и вареньем?

- Ни в коем случае, только так, можно запить обычной водой.

- Действует быстро?

- Через пять минут.

- Сколько с меня?

- Десятка.

Она подозрительно посмотрела на продавца:

- Что-то темните вы, совесть не может быть такой дешевой... На лохотронщиков вы не похожи...

- Мы никогда не обманываем. Если что, мы вернем деньги. Примите порошок, и честнее вас не будет продавца, люди уважать будут, между вами и мужем не будет никаких секретов, дети вырастут честными, правдивыми...

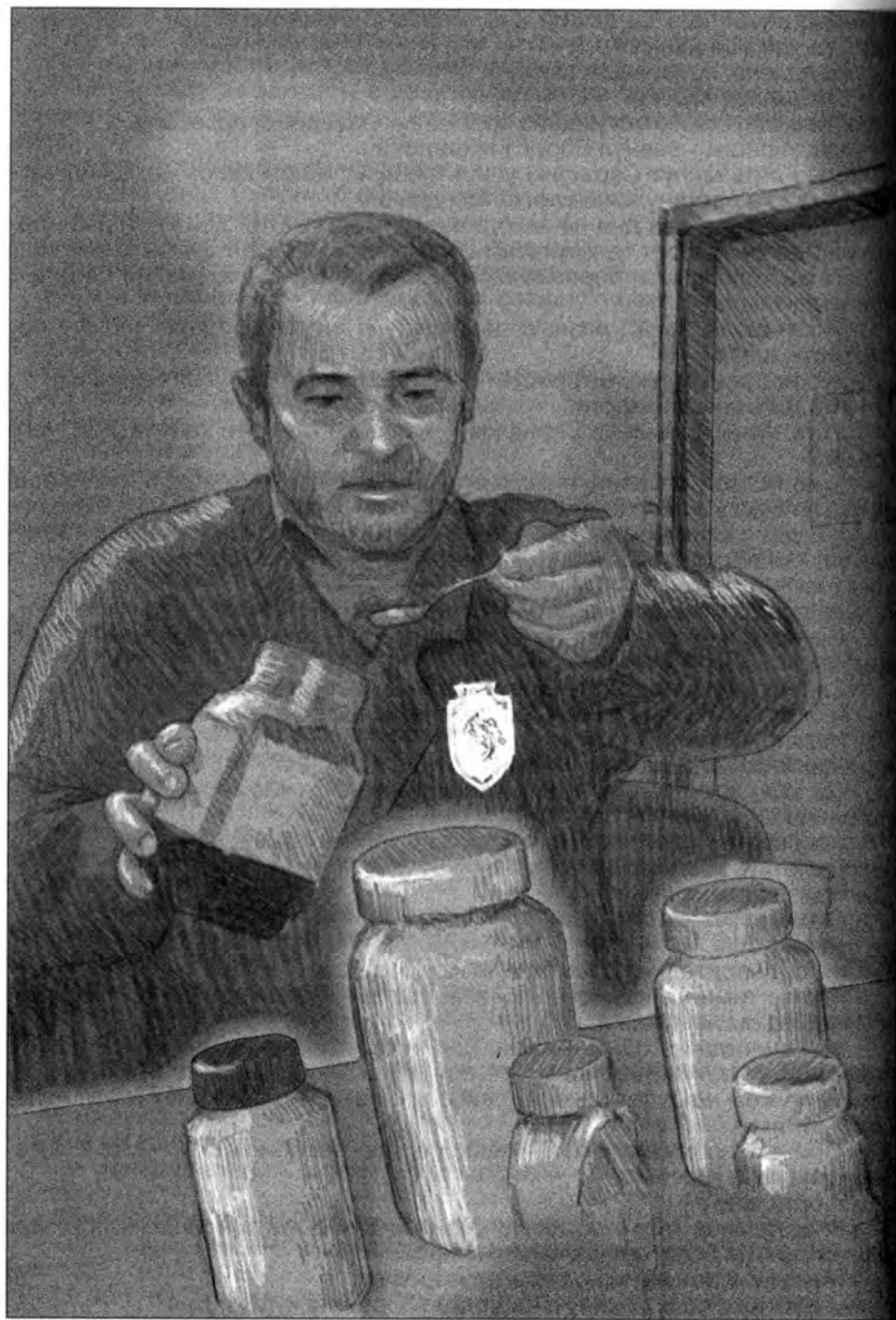
- Причем тут муж и дети? - нетерпеливо перебила она. - Меня интересует только торговля.

- А остальное?

- А остальное пусть останется, как есть. Не хватало еще, чтобы муж узнал про мои дела, я ведь не каменная.

- Извините, уважаемая, верните порошок.

Он достал с полки банку с надписью "Совесть купеческая".

- Это продукт узконаправленного действия, влияет только на торговлю.

Серафим зачерпнул чайной ложечкой зеленоватые крупинки и насыпал в пакетик.

- Прошу, цена и скорость действия, как у первого. Его не покупали много лет. Мне любопытно узнать, как оно действует. Если вам не трудно, зайдите к нам завтра после работы.

- Зайду.

На следующий день она явилась туча тучей.

- Паразиты! - крикнула она еще с порога. - Дерьмо старое!

- Ну, ты полегче! - вскочил Кошкин. - А то не посмотрю, что ты баба!

- Чем вы недовольны, уважаемая? - добродушно спросил Серафим и укоризненно посмотрел на помощника.

- Чем я недовольна? И ты еще спрашиваешь, старый козел! Я как идиотка съела утром ваше горькое дерьмо, а через час обвешивала и обсчитывала в два раза больше! Дошло до того, что на меня надели контролеры, еле откупилась!

- Странно, - сказал озадаченный Серафим.

- Чего странного? Разыграли меня, как сопливую дев...

- А ну, цыц! - рявкнул Борис Михайлович. - Или за себя не ручаюсь!

Женщина испуганно притихла.

Серафим взял банку, достал несколько крупинок и положил на язык.

- Всё в норме, - сообщил он через мгновение. - Кстати, как вас зовут?

- Света.

- Расскажите, Света, в точности: как вы принимали порошок?

- Как вы сказали: налила в стакан простой воды, открыла пакетик, высыпала в рот и запила.

- Вы ничего не забыли? Может, часть порошка просыпалась?

- Ничего не высыпалось, правда, я заранее немного отсыпала, прямо совсем чуть-чуть.

Кошкин захохотал, едва не упав с табуретки, Серафим грустно улыбнулся.

- В этом вся причина. Я дам еще, только не отсыпайте.

- Неужели это так важно? Я ведь без всякой задней мысли, машинально.

После ее ухода Борис Михайлович смеялся еще несколько минут, Серафим горестно улыбался и покачивал головой.

- Что поделаешь, сработала сила привычки, - сказал он. - Бывает. Я помню, в римском сенате предложили говорить речи, стоя на одной ноге...

- Это зачем еще? - удивленно перебил Кошкин.

- Некоторые ораторы готовы были говорить часами, ведь тогда еще не существовал регламент, а стоя на одной ноге, поневоле будешь говорить только суть.

- Это, наверное, еще до войны было?

- Да, главные походы греков еще не начались.

- Какие походы? - еще больше удивился Кошкин.

- Я расскажу это в другой раз. А пока что я должен тебя покинуть дня на два.

- Уезжаешь?

- Да, без меня ничего никому не продавай.

Кошкин давно был без копейки.

"Попросить аванс, что ли? - лихорадочно соображал он. - Или для моей кобры капель взять, ливануть ей, глядишь - она и расщедрится".

- Ты что-то хочешь сказать?

- Да, - неловко опустил он глаза. - Мне бы денег... Уже полмесяца прошло, как я у тебя.

- Извини, совсем забыл. Вот, возьми.

Он подал пятисотенную бумажку.

- Хватит?

- Вполне, спасибо.

Проводив хозяина, Борис Михайлович поднялся к себе. В квартире пахло борщом.

- Обедать будешь? - спросила жена.

- Неохота.

Он снял шлепанцы, в которых ходил на работу, и надел туфли.

- Куда это ты прихорашиваешься? - подозрительно спросила она.

- За сигаретами.

Минут через десять он сидел в пивбаре и с удовольствием пил первую кружку холодного пива. За его столик сели двое крепких парней с кружками пива, закуской и бутылкой водки. Выпив по маленькой, они закусили и задымили сигаретами.

- Вчера Мишку встретил, - сказал один, - идет со своей студенткой и сияет, как новый кофейник.

- Ну и что?

- Как что? Он за ней год бегал, подъезжал по-всякому, и всё мимо. А тут ну прямо - молодожены: он идет, как по облаку, а она вцепилась в него, смеется, в глаза заглядывает, рассказывает что-то.

- Ну и что?

- Завидно. Он хвалился, что завязал. Раньше не мог, а теперь завязал. Купил какой-то порошок у одного старого придурка, и сразу - как отрезало.

Кошкин, допивавший вторую кружку, наострил уши.

- Ну и что?

- А то. Я тоже завязать хочу.

- Не пройдет у тебя.

- Почему?

- Серый не отпустит.

- Мишку же отпустил. Слушай, пошли на улице сядем, духотища тут.

Взяв выпивку и закуску, они вышли.

Возвращаясь, Кошкин радовался за Мишку и с сожалением вспомнил, что тот так и не рассчитался за порцию честности.

"Видно, не во все стороны действует, - подумал он, - а только в один бок".

- Это ты так за сигаретами ходишь, - сказала жена. - Полтора часа жду, когда мусор вынесешь.

Она потянула носом и подошла вплотную:

- А ну, дыхни.

- Отстань.

- Всё ясно, наакался пива, свинья. Ты где деньги взял?

- Знакомые угостили.

- Алкоголик несчастный! Я тут все глаза проглядела, а ты в пивной!

Моя дальновидная покойная мама, у которой ты тридцать лет пил кровь, предупреждала...

Кошкин выскочил из квартиры и стал спускаться.

- Мусор забыл, кровопийца! - крикнула вслед Вера Николаевна так громко, что сидевшие на скамейке у подъезда пенсионерки подняли головы и посмотрели на окна второго этажа.

- Вера своего воспитывает, - сказала толстуха в синем халате. - Чего долбит мужика - непонятно.

- А я считаю, что она молодец, - сказала другая, с худым желтым лицом. - Если их не держать в руках - на шею сядут.

- На Верку где сядешь, там и слезешь, - резюмировала третья, бесцветная личность с носом, заклеенным пластырем. - Если бы у меня был такой мужик, я бы...

В этот момент во двор зашли пятеро мужчин спортивного вида, и внимание пенсионерок переключилось на них. Мужчины подошли к магазину, двое остались у подъезда, трое вошли внутрь.

- Вы чего это, ребята? - спросила толстуха.

- Да так, проверочка небольшая, - лениво отозвался один.

- Ревизия, что ли?

- Ага, ревизия.

- Давно пора, - злорадно сказала желтолицая. - Темная личность этот Серафим: магазин имеет, а на вид - натуральный бомж.

- Не мешало бы ему спеси поубавить, - сказала с заклеенным носом. - Полмесяца мимо нас ходит, здороваётся - и всё, больше ни слова. А по всему видно, что мужик холостой.

Из подъезда вышла Вера Николаевна и присоединилась к подругам.

- Ревизоры в магазин пришли, - сияя от счастья, сообщила ей желтолицая.

- Да ты что? - огорчилась та.

- Видно, прикроют лавочку, - предположила с заклеенным носом, с удовольствием наблюдая за мрачающим лицом подруги.

Вера Николаевна очень расстроилась, поскольку закрытие магазина сильно сказалось бы на семейном бюджете: мужу обещали зарплату в полторы тысячи, и они уже были включены в план расходов...

...Кошкин смотрел передачу по старому черно-белому телевизору, который он сам принес в магазин.

- Мы пока не торгуем, - сказал он вошедшим, - приходите через два дня.

- Ты, что ли, хозяин? - спросил самый старший, со шрамом на лбу и щеке.

- Охранник я.

Двое других гостей, помоложе, выдернули из-за поясов пистолеты и направили на Кошкина, тот побледнел.

- Сиди тихо, дед, - посоветовал старший, - здоровее будешь. Проверь-ка его, Витёк.

Один из молодых подошел.

- А ну, подыми грабли и не дергайся.

Он быстро обыскал Бориса Михайловича.

- Чистый, - обернулся он к старшему.

Тот скользнул взглядом по полкам, неторопливо подошел к ним и стал разглядывать банки и пакеты.

- "Совесть обыкновенная", - прочитал он вслух. - Ишь ты, додумались, значит, ученые козлы. А может, он гипнотизер, хозяин твой, а порошки так, для пущей важности?

Онемевший от страха Кошкин молчал.

- Чего молчишь? - ткнул его Витёк. - Отвечай!

- Не знаю, может, и гипнотизер, - сказал Борис Михайлович. - Я почему знаю.

- Где живет?

- Не говорил он мне.

- Смотри, если свистишь, то пожалеешь.

- Как думаешь: если, например, взять честность, - он взял банку, - и смешать ее с совестью, - он бухнул содержимое банки в другую, насыщенную до половины, - то что получится в результате?

Кошкин молча пожал плечами.

- Я думаю, получится честная совесть, - сообщил старший. - А ну, пацаны, займемся делом.

За три минуты они уничтожили всё: смешивали порошки и растворы, рвали и швыряли на пол пакеты, разбивали бутылки.

Закончив, демонстративно расстегнули брюки и помочились на усеявшие пол снадобья.

- Передай привет хозяину, - сказал старший. - Скоро мы еще разок заскочим.

Перед уходом они осмотрели ванную, туалет и небольшую вторую комнату, где стоял стол с пустой тарой.

Полчаса Борис Михайлович недвижимо сидел, уставившись на загаженный пол. С одной стороны, очень хотелось бросить всё. С другой - где еще можно было найти такую работу, практически не выходя из дома?

Вздыхнув, он поднялся, взял веник и совок и приступил к уборке. В милицию решил не сообщать.

"Пусть у Серафима голова болит", - подумал он.

Через два дня явился хозяин. Кошкин поведал о беде.

- Зачем они это сделали?

- Почему я знаю, тебе виднее.

- Они ничего не требовали?

- Нет, только передали привет и обещали еще зайти. В милицию пойдешь?

- Нет. Создатель терпел и нам велел, - мягко сказал Серафим.

Он повесил объявление "Закрыто на учет". Вечером явился должник Миша.

- Извините, отцы.

- Ничего, - сказал Серафим, принимая десятку. - Ну, как ты?

- У меня всё отлично. Один знакомый пацан тоже хочет.

- Пусть приходит, всегда рады.

Два дня они развешивали, разливали, раскладывали и надписывали новую партию снадобий. На третий день Серафим снял объявление.

Обычно открывались в девять утра. Еще затемно у дверей стояла большая очередь, без конца подходили новые.

- Здесь, что ли, гипнотизер лекарствами торгует?

- Здесь, здесь.

- От чего помогают?

- От всего.

В девять утра народ хлынул внутрь, скоро в тесной комнате нельзя было повернуться.

- Не давайте в одни руки больше килограмма! - кричали задние, особенно старался высокий мужчина в очках.

- Ишь чего захотели! - возражали передние. - Меньше спать надо! Мы тут с полшестого торчим!

Серафим поднял руку и держал, пока не установилась полная тишина.

- Дорогие страждущие! - сказал он. - У нас продаются средства для возрождения совести, честности, благородства и других хороших качеств характера. Продаем мы не килограммами, а граммами, любое снадобье стоит десять рублей.

Очередь разочарованно заворчала и стала быстро рассасываться, через десять минут в магазине остались всего двое: парень лет двадцати и пожилая женщина.

- Может, я зря пришел, - сказал парень. - Не найдется ли у вас средства для вечной любви?

- А мне бы честности, - попросила женщина.

- Я с удовольствием помогу вам, - сказал Серафим. - Вечную любовь никто не покупал уже тридцать лет, а честность идет помаленьку, есть абсолютно свежая, два дня как доставлена. Да вы присаживайтесь.

Покупатели опустили на диван. В воздухе разлился нежный аромат фиалок. Серафим протянул снадобье парню.

- У этого средства одна особенность: его надо пить вдвоем, разделив пополам, и делать это надо добровольно.

Рассчитавшись, парень ушел.

Серафим взял с полки банку, зачерпнул ложечкой и стал высыпать в пакет.

- Вы не подумайте, что я воровка или аферистка какая-нибудь, - смущенно сказала женщина. - Я нормальный человек, двух детей вырастила. А сейчас сын с невесткой на три года в загранку укатили, мне внуков доверили. Не хочу им врать даже по мелочам, хотя это иногда бывает нужно, - вздохнула она.

- Если это очень нужно и не вредит ребенку, то скрестите на левой руке пальцы, вот так, - показал Серафим, - и говорите. Но не злоупотребляйте этим.

- Очень вам благодарна, - поднялась она. - Вы варенье вишневое любите?

- Очень.

- Я вам занесу баночку. Всего доброго, здоровья вам.

- И вам не болеть.

Проводив ее, хозяин попросил Бориса Михайловича поставить чай и с удовольствием уселся на диване. В дверь, пригнувшись, зашел высокий мужчина в очках. Кошкин узнал его.

- Явился, скандалист, - проворчал он. - Как не стыдно было вопить.

Тот потупился и хотел было уйти, но Серафим удержал:

- Не уходите, уважаемый! Я с удовольствием помогу. Чего бы вам хотелось?

- Извините ради бога за крики, - смущенно топтался мужчина и зачем-то снял шляпу. - Мне бы хотелось интеллигентности... Хоть чуть-чуть, самую малость.

- Этого товара не держим, - с сожалением сказал хозяин. - Но есть прекрасные заменители, я предлагаю взять воспитанность и порядочность. Их надо принимать в равных долях, натошак.

Опустив порошки в карман, мужчина раскланялся и надел шляпу.

До вечера никого не было. В семь часов Серафим собрался уходить. Кошкин увидел в окно, как во двор вошли пять спортивного вида фигур и не спеша направились к магазину.

- Петрович, к нам бандиты идут! Те самые! Беги наверх в мою квартиру!

Серафим слегка побледнел, но сказал:

- Никуда я не побегу, лучше ты уходи, пострадаешь ни за что.

- Бежим вместе!

- Нет.

Раздумывать было некогда. Кошкин выскочил из магазина и взлетел по лестнице. Осторожно выглядывая, он увидел, как трое зашли в магазин и закрыли дверь. Двое остались у подъезда.

- Ты, что ли, хозяин? - спросил старший, едва захлопнулась дверь.

- Я, - подтвердил Серафим, бесстрашно глядя на вошедших.

- Та-а-к, очень приятно познакомиться. Так ты что, старый пенек, ничего не понял? Опять за свое взялся?

- Я вас не понимаю, чем вы недовольны?

- Я недоволен, что моим людям приспичило стать святыми. Один из дела вышел, теперь второй за ним потянулся, да еще свою долю требует! Ты чего воду мутишь?

- Я вас не понимаю, - повторил Серафим.

- Сейчас поймешь.

Тренированным кулаком он ударил хозяина под дых. Тот моментально согнулся от боли. Второй удар в челюсть свалил его на пол. Избиение длилось долго. Серафима били ногами по животу, по почкам, разбили о голову несколько бутылок и банку с порошком честности.

Разгромив всё, сломав полки и даже диван, бандиты ушли.

Кошкин спустился в магазин. Хозяин лежал недвижимо, возле головы растекалась лужа крови. В магазине не осталось ни одной целой вещи.

- Сволочи! - чуть не плакал Борис Михайлович. - Такого золотого мужика угробили!

В дверь протиснулись любопытные головы пенсионерок со скамейки.

- Батюшки! - ахнула толстуха. - Ужас какой!

- Чего глядите, дуры! - крикнул Кошкин. - Зовите "скорую", может, жив!

Он осторожно повернул недвижимое тело на спину, подсунул под голову подушку, намочил полотенце, стал вытирать окровавленное лицо и пощупал на шее пульс: под пальцами слабо пульсировало.

- Жив! - обрадовался он. - Где эта чертова "скорая"!

Глаза Серафима затрепетали и слегка приоткрылись.

- Не надо поминать нечистого, - еле слышно прошептал он, - а то мне станет хуже.

- Петрович, дорогой, не умирай! Сейчас "скорая" явится, откачают!

"Скорая" наконец явилась. Пока врач и медсестра возились с пострадавшим, Кошкин слегка прибрал вокруг, установил диван, лишившийся спинки.

- Надо его в травматологию, - сказал врач.

- Нет, - слабо возразил Серафим, - я здесь отлежусь. Большое спасибо за помощь.

- Ну, как знаете.

Медицина уехала.

- Ты пока побудь со мной, - попросил Серафим Кошкина.

- Может, тебя домой? Может, жене позвонить?

- Нет у меня жены.

- Счастливцев, - вздохнул Борис Михайлович. - Я тут во второй комнате устроюсь, зови, если что.

Он принес раскладушку и постель, приготовил пострадавшему сладкий чай и поставил рядом с диваном, чтобы тот мог дотянуться.

- Может, еще чего? - спросил он. - Поставлю что-нибудь поблизости, чтобы ты ночью далеко не ходил, если приспичит.

- Спасибо, Михалыч, ничего не надо.

- Ну, гляди.

Дверь в смежную комнату он на всякий случай оставил чуть открытой, лег в одежде на раскладушку и сразу уснул. Перед рассветом проснулся, непонятно почему.

Из приоткрытой двери лился ослепительный свет и слышались негромкие голоса. Борис Михайлович на цыпочках подошел к двери, посмотрел в щель и остолбенел: рядом с диваном на хромой табуретке сидел статный красивый мужчина с седоватой бородкой и усами, по плечам рассыпались волнистые седые волосы. Одет он был в длинный плащ со складками и сандалии на ремешках. Вокруг головы был яркий сверкающий нимб. На левом плече незнакомца покоилась голова парня лет двадцати пяти. Лицо парня отдаленно напоминало лицо хозяина магазина. Он был голым, только в узкой набедренной повязке. На мраморно-белом теле выступали красивые мышцы, со спины, закрывая почти весь диван, свешивались громадные белоснежные крылья.

- Они мне крыло сломали, - хныкая, жаловался парень. - И голова до сих пор гудит от ударов.

- Ничего, сынок, через неделю всё пройдет, я тебе эликсир принес, одна моя... гм... хорошая знакомая послала. Мать тоже велела кланяться.

- Всё тело в синяках, - ныл парень.

- Перестань, нашим посланцам в Африке больше доставалось, их вообще сырыми съедали.

- Да-а-а, - продолжал хныкать сын, - это же один раз только терпеть, а мои наверняка опять придут.

- Не ной, Серафим, ты уже большой мальчик, терпи!

- Сколько еще терпеть?

- Я думаю, лет сто, не меньше, - вздохнул отец.

Кошкин, не дыша, смотрел в щель.

"Это же святой Пётр! - сообразил он. - А Серафим... это же ангел, его с неба на землю с разными поручениями присылают!"

- Да-а-а, - опять заныл Серафим, - теперь сплетни пойдут. Вон и мой помощник в щелку подглядывает.

- Ничего страшного, - утешил отец, - это свой человек.

Повернувшись к двери, за которой стоял Кошкин, он сказал:

- Слышь, Михалыч, зайди-ка, есть разговор.

Борис Михайлович пригладил волосы, поправил крестик на шее и шагнул в сияющую комнату.

«Что за прелесть эти сказки!» – говаривал некогда Александр Сергеевич Пушкин. И как не согласиться с классиком: всё ведь в них возможно, любой поворот событий, даже самый невероятный. Баба-Яга может стать красоткой и молодкой, как в сказке Инны Савельевой; стальная машина-сваха предложит себя в жены незадачливому вечному жениху, как в сказке Владимира Капианидзе; добрый и красивый людоед, герой Александра Мешкова, может пасть жертвой злобной людоедицы (вот оно, женское коварство!) и о нём все, включая милицию, будут грустить; ну а Константин Мелихан на своем примере покажет, как эти самые сказки нужно сочинять и стоит ли. Словом, маршрут нашей Телеги на этот раз проложен в сказочный лес и прочие невероятные места – типа в Париж. И не будем забывать: «Сказка – ложь, да в ней намек...»

Инна САВЕЛЬЕВА

МОЛОДКА – ЯГА

Затряслась избушка на курьих ножках, завизжала дверка намазаная и ввалился гость незванный – лесовик как смерть худой и с патлатой бородой.

– Здорово живешь, Баба-Яга, костяная нога! Я местный леший-лекарь, твой соседский знакомый-знахарь. Пришел сделать тебе диспансеризацию, и всего за понюшку табаку да пиар для моей репутации. Чтой-то я заметил, что мне уж сто лет, как тебя даже ущипнуть неохота. Я свой в корягу, бабуся, можешь меня не стесняться и мне вся как есть показать-ся.

Баба-Яга побряхтела-поохала, а потом согласилась.

– Охти мне, леший меня возьми, древность не радость, – забрюзжала она, потом тяжело задышала, тягуче поднялась в воздух и стала с мерзким скрипом летать перед знахарем, поворачиваясь к нему то одним, то другим кривым боком, взметая лохмотья над корявыми ногами и загребая воздух сучковатыми руками. – Ни одного Иванушки догнать не могу, мышку на лопате не подсажу, чтоб в печку сунуть, Кошечка с Кикиморой путаю, Уж и не помню, когда последний раз напакостила кому-нибудь, никто меня не страшится, никто мне куры не строит. В логове сижу, одной пылью питаюсь. Больше пятисот годков мне никак не протянуть.

– Ой, бабуся-Ягуся, – вздохнул леший, – смотрю, гляжу, насквозь тебя вижу – плохи твои дела, живого места в тебе нету, но привести в порядок механизмы еще не поздно. Вот тебе мешок со снадобьями, ешь-пей, здоровей! Вот тебе травы от кровавой отравы, вот тебе трын-пехтей от корявости когтей, слизь груздей для надутия грудей, не забудь настой сморчков для прозрачности зрачков, пьявки с тиной из болота для воздушности полета, порошок из жабьей кожи от непроизвольной дрожи, ну и пей со-лодку, чтобы стать молодой.

– Благодарствую, дружок, вот тебе и табачок, всем скажу, какой ты знахарь, коли стану не сморчок.

И стала бабуся-Ягуся с утра трын-пехтей жевать, днем пьявками да

жабами закусывать, а вечером всякой слизию вечерять. Недели не прошло, а кожа жухлая порасправилась, зубки прорезались, глазки навестились. Уж и новые проказы запланировала, ступу в болоте от мха и плесени отмачивала, чтоб в гигиеничном транспорте на дело летать. А пока что променады по лесу делать стала, грудками покачивает, шляпку себе кокетливую из большого мухомора справила, форсить начала. И до того дошло, что волк ее за Красную Шапочку по походе принял и стал гнусно домогаться – больно аппетитной она ему показалась. Да не на ту напал! Не такая она дурочка за бесплатно на такое пойти.

Слух о красоте невиданной по всему лесу разнесся. Пришел как-то и лесовик-знахарь посмотреть на произведение рук своих, да как увидел, сходу и втрескался, точно Пигмалион в свою Галатею. Взял да и предложение лапы и сердца сделал. А бывшая бабуся, теперь молодуся, тут же и согласилась. Короче, поженились они. Живут-поживают. Жена с утра до ночи малиной румянится, венки себе плетет.

Что касается альковных дел, тут лесовик без претензий – Яга оказалась девушка лихая, сексуальная и без комплексов. Что ни ночь, дрожит избушка, трясется. Что ни день, лесовик куриные ножки чинит, укрепляет. Зато в остальном... Избушка мусорная да пыльная, на обед только мыши тушеные да тараканы сушеные, вода в рукомойнике завсегда мертвая. А мужа Яга то и дело кочергой метелит, патлы да бороду клочками обрывает, визжит как резаная. В общем, влип лесий так, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

И об чём тут мораль разводить? Если парень в курсе, что девка – ведьма натуральная, тут никакие массажи-макияжи да маникюры-педикюры потоки не прибавят. Ведьма – она ведьма и есть.

Владимир КАПИАНИДЗЕ

СВАХА

Техник-смотритель Петушков был несчастлив в браке. Трижды он дарил свое большое сердце, и трижды возвращали его назад неблагодарные представительницы слабого пола.

«И что им только надо? – не раз с тоской думал техник. – Красив, строен, умен, настоящий мужчина – и вот ведь! Ну из-за чего, к примеру, Клавдия ушла? Ах, обиделась! Замечание сделал, суп пересолила. Я же ее не бил. Да, обозвал, так за дело!.. Или Антонина. Три дня без пуговицы ходил, она – и глазом не моргает. Я говорю, куда смотришь, чего видишь? Хочешь, чтобы с меня это... свалились? Ну, дела!»

Как-то в воскресенье, пребывая в черной меланхолии, Петушков рассеянно листал газету. И вдруг, надо же!..

– Вот она, моя судьба! – вскрикнул Петушков. – Машина абы какую не подсунет! Техника сейчас на грани фантастики!

И переполненный надеждой Петушков помчался к «электронной свахе». В большом просторном зале, подмигивая неоновыми глазами, стояла красавица-машина, блестя никелированными боками. Она томно обмахивалась многочисленными вентиляторами.

– Что, Петушков, – спросила машина, вздыхая. – Небось, жениться хочешь?

– Хочу! – горячо подтвердил Петушков. – Но так, чтобы с понятием была, с доглядом! А ведь, предположим, Антонина...

– Ну да ладно, ладно, – перебила «сваха». – Прокрутим сейчас миллиончик вариантов, может, повезет.

Машина еще раз вздохнула и, мелко подрагивая от умственного напряжения, приступила к работе. Дробно отстукивал перфоратор, вселяя в Петушкова мечты о счастье.

Наконец «сваха» остановилась, и глаза ее потухли.

– Здесь всё сказано, – проскрежетала она устало, раскручивая рулон бумаги.

Поспешно схватив распечатку, Петушков прочитал:

«Господин Петушков! Ни одна из миллиона проверенных мною кандидатур вам не подойдет. Женитесь на мне, я железная».

Александр МЕШКОВ

ЛЮДОЕД

Давным-давно, еще в застойные годы, жил да был в одном городе добрый людоед. Он очень любил детишек. Особенно маленьких. Он их любил в любом виде: в жареном, пареном, вареных тоже ел, но особенно более всех почитал маринованных, с укропчиком, с петрушечкой и обязательно с лаврушечкой.

И когда на праздник у него собирались его друзья, такие же добрые людоеды, как и он, он подавал на стол одно из своих фирменных блюд: «Непослушный мальчик в томатном соусе» или «Фаршированный соп-

ляк», «Девочка потерялась», «Маменькин сынок», «Сукин сын» или салат «Счастливое детство». Друзья всегда уходили довольные и сытые. Вообще по части приготовления детишек наш людоед слыл большим докой.

Но сказать, что наш людоед ел только лишь детишек, было бы не совсем точно, это была бы сплошная брехня, он ел и взрослых. Дети – это только по праздникам.

А так он питался в основном взрослыми дядями и тетями. Не любил он только южан: уж больно волосаты. Очень хлопотно опаливать. Не любил политиков и бизнесменов, уж больно водкой пахнут. На хорошем счету у него были женщины и матросы. И вкусно, и без хлопот. Хочешь – борщ, хочешь – холодец.

Неплохо жил наш людоед, да только участковый его донимал постоянно: де, мол, непорядок это – детишек на моем участке кушать. Кушай, де, на другом участке! Там, де, они вкуснее и толще. Но людоед обычно давал ему два ведра какого-нибудь матроса или домохозяйки, и он отваливал на некоторое время, пока мясо не кончалось. Людоед давно бы уж и участкового съел, да больно добрым был, жалко всё ему было оставлять участок без участкового.

Но однажды наш людоед приглянулся одной людоедице. А он, надо сказать, был пригож собой: мягкие льняные волосы, как у Серёжки Есенина, косая сажень (2,48 м) в плечах, как у Арнольда, словом, всем взял. А умница какой был! Три языка знал – латынь, русский и хинди! Короче – съела она его. Не в один, конечно, присест. Засолила тоже. До зимы хватило солонины. Не стало нашего людоеда. Не стало больше званных обедов с изысканными блюдами, с песнями-шутками людоедскими. Скучно стало. Тихо как-то. Участковый с работы уволился с горя. Друзья-людоеды стали вегетарианцами и гомеопатами. Канули в Лету рецепты приготовления блюд «Фаршированный сопляк» и «Сукин сын». Воцарилось безвременье.

А о людоедах сегодня можно прочитать лишь у Шарля де Костера да немного в криминальной хронике. А какие были люди! И проклинали все людоеды ту людоедицу, что съела доброго людоеда. Проклинали, как Сальеры.

И никто уже о ней и не вспомнит.

Константин МЕЛИХАН

НЕ ХОЧУ В ПАРИЖ!

Давно хотел написать о Париже. Тем более что я там никогда не был.

У каждого писателя есть хотя бы один рассказ о Париже. Названия этих рассказов, как правило, банальны, но завлекательны: «Хочу в Париж!», «Три дня в Париже», «Увидеть Париж и умереть», «Парижанка», «Парижская любовь» (какого-нибудь Васи Хохрякова).

Вот я перечислил (или выдумал) только названия, а вы уже представили себе и героев, и сюжеты, и краски. Есть такие вещи, которые не надо описывать, достаточно назвать. Например: «осень», «джаз», «вокзал», «Париж».

Рассказ о Париже должен быть таким. Наш Вася едет бесплатно в этот Париж (путевка, гастроли, командировка, разведка). И всю дорогу

мечтает, как привезет в подарок любимой жене французские рога с изящной инкрустацией.

Там быстро напивается в бистро и приглашает на танец молоденькую парижанку. Обязательно надо указать, что она хрупкая (хотя парижанки бывают огромными, толстыми, негритянками и даже старыми). Но эта такая хрупкая, что на ее спине умещается только одна Васина ладонь. Вторую он не знает, куда пристроить. И к концу танца пристраивает ниже.

И вот уже эта хрупкая парижанка швыряет Васю в парижское такси (кстати, еще одно название) и везет его в свой замок (на пленэр, снимает номер в придорожной гостинице, насилует Василия прямо на заднем сиденье – кинотеатра, автомобиля, мотоцикла, карусели).

Ночной Париж (вы уже сами можете отметить, где всплывают названия) любит себя в витринах и разноцветных лужах. А Вася глядит на свою рыжую морду (небритый кирпич) и не может понять, за что ему такой гран-при. А гран-при тебе, Васятка, за то, за что на твоей родной Кубанщине (Магаданщине, Ленинградщине) сыпались от баб пощечины по ручкам твоим шаловливым и брюху твоему наглому: за то, что ты, оказываясь, гетеросексуальный, то есть имеешь интерес к противоположному от себя полу и таким образом среди парижской публики находишься в сексуальном меньшинстве, поскольку Булонский лес, Люксембургский садик и всякие там Елисеевские Поля уже в таких «голубых» тонах, какие не снились даже Паше Пикассо.

Короче, Вася купается в гигантской ванной, в шампанском, призах, франках и любви молоденькой парижанки, которая, между прочим, старше его раза в два.

Дальше у всех авторов идет оригинальный поворот: Вася начинает грустить по своей коровище-жене (дураку-начальнику, давке в автобусе, мату в очередях, мордобитию в Государственной думе).

И вот сопли в «Орли»: она дарит ему букетик фиалок, пахнущий «Шанелью», а его жене просит передать баночку устриц (ажурные колготки, лифчик нулевого размера, свою фотографию) и говорит: «Сразу позвонишь, понравилась ли я ей, мой шер ами».

И наш шерамыжник летит в молочные объятия своей скандальной бабы, которая, правда, ни разу ему не изменяла, а все позы, кроме миссионерской (это когда миссионер на ней), считает за извращения.

Вот такой, извиняюсь, рассказ (пардон, новелла). Назвать это дело можно еще и так: «В Париж, до востребования», – поскольку Мадлен (Мишель, Николя) не успела дать ему свои координаты и сообщить, как ее зовут. Да он бы и не понял.

Впрочем, очевидцы, видевшие Париж с более близкого расстояния, утверждают: жуткая бедность, ножи у большинства французов – в стиле мебели эпохи Людовика XIV, то есть кривые и короткие, по ящику смотрят только муру всякую со стрельбой, книжки читают только с картинками, в постель ложатся только за деньги и ни в коем разе за рубли, русские для них как для русских когда-то нашествие монголо-татарского рэкета, а за одно неправильное ударение (все ударения, кстати, на последнем слоге – очень простой язык) считают тебя до конца жизни врагом народа. Правда, только французского.

Нет, пожалуй, не буду писать о Париже. И ехать туда не хочу, пусть он сверкает в моем воображении.

Чем дальше от Парижа, тем он прекрасней.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на наш журнал на 2009 год непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться простой или заказной бандеролью (по желанию подписчика).

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим заказ не позднее 5-го числа подписного месяца. Если будет возможность – выполним и более поздние заказы.

Стоимость одного номера с пересылкой – 70 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте этой страницы и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «МЫ» на 2009 год на следующие номера:

8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Журнал прошу высылать простой / заказной бандеролью (подчеркните)

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

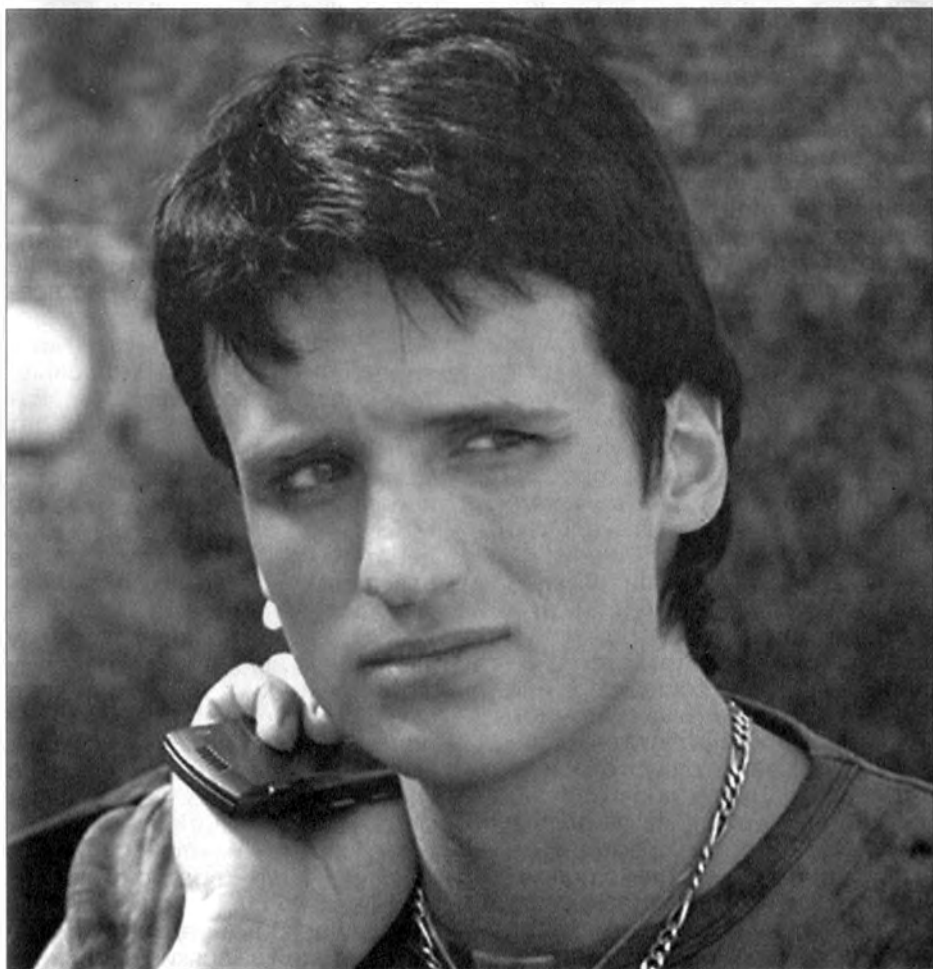
МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Лет пятнадцать назад девочки кричали на концертах Шатунова: «Юра, мы тебя любим!» А он, видно, считая, что по-другому не может быть, кокетливо отвечал: «Я знаю». Сегодня на концертах новой звезды поклонницы визжат: «Димочка, ты лучший, я тебя обожаю!»

А ведь еще четыре года назад никто и нигде, кроме, пожалуй, Белоруссии, о нём ничего не знал и не слышал. До той поры, пока он не стал победителем «Фабрики звезд 6», финалистом Евровидения и участником шоу «Две звезды» на Первом канале.

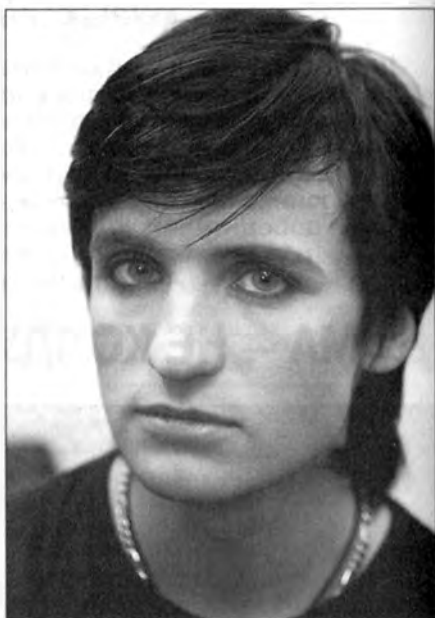
Только этот загадочный

ДИМА — НЕ КОЛДУН И НЕ ВОЛШЕБНИК

Но всё же его фамилия всегда вызывала любопытство, и уже одно это поначалу привлекало к себе внимание. Что это: псевдоним, театральное имя вроде Мары Каны или что-то еще, скрывающее какую-то загадку. Всё оказалось гораздо проще. В Запорожье были целые поселения, в которых все носили одну фамилию. Дед певца был из деревни Колдунов, так что Колдун – обычная украинская фамилия. Но, видимо, фамилии всё же имеют определенный смысл: в роду были знахари, которых по ошибке называли колдунами. Они варили всякое зелье и снадобья, но не для разных темных дел, а чтобы помочь людям. Сам же Дима человек абсолютно не суеверный и оценивает всё происходящее очень трезво: если, например, ты пьяный сел за руль, то гаишник оштрафует тебя не потому, что баба с пустыми ведрами дорогу перешла, а потому, что ты сам виноват. Зато на Евровидении, где Дима исполнял песню Киркорова «Work your magic», у ведущего была возможность пошутить: «Песню о волшебстве исполняет Колдун».

В детстве ничего не предвещало долговязому и худенькому парнишке Диме музыкальную карьеру. Родился он в Минске 11 июня 1985 года в самой обычной семье географов – отец, мать и старший брат преподавали в школе. Более того: в детстве он считал, что профессия актера или музыканта – не мужская, ибо мужчина должен работать на заводе, добывать руду, строить, пахать. По стечению обстоятельств ему пришлось учиться в классе, в котором преподавала его мама, и это несколько осложняло его жизнь: мама ставила сыну «двойки» и писала замечания родителям в дневнике – то есть

самой себе. Брат Георгий старше Димы на восемь лет. «У нас всегда были с ним хорошие отношения, – вспоминает певец, – хотя иногда он надо мной довольно зло подшучивал. Дождется, например, когда стемнеет, подведет меня к окну, откуда обычно был виден мой любимый детский сад, и говорит: "Ой, смотри-ка, сада твоего нет, разобрали его". А сада действительно не видно, он не освещался ночью. Я ужасно пугался и ревел навзрыд. В школе я учился на "отлично" и ходил у учителей в любимчиках, поэтому любые шалости мне сходили с рук. Я жег в туалете селитру – подозрения падали на других. Подбивал весь класс сбежать с урока – ругали всех, но только не меня. Даже когда я начал курить, учителя считали, что курили все вокруг, а Колдун просто стоял рядом».

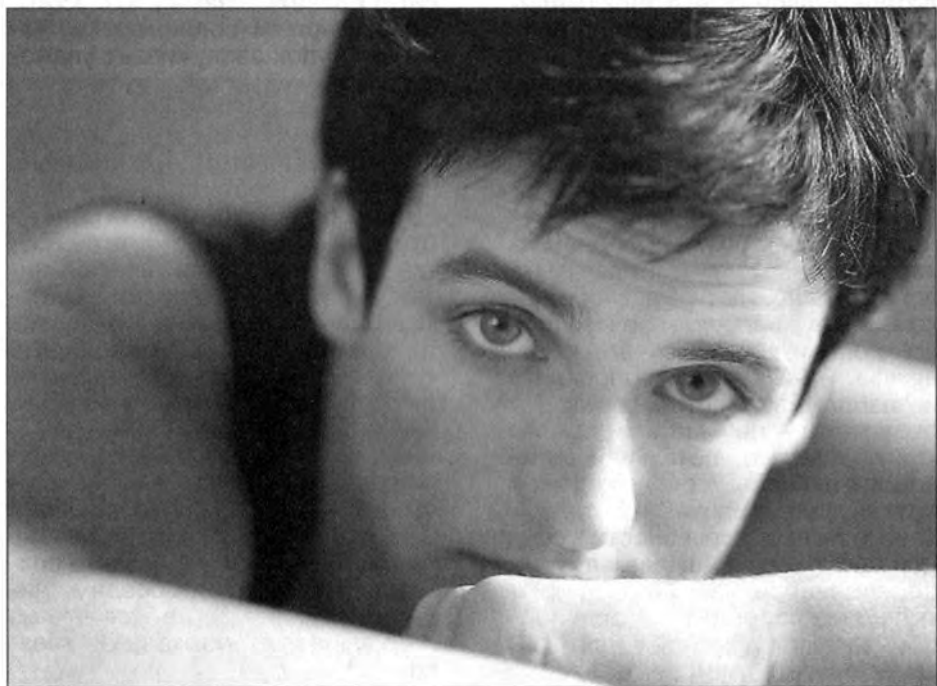
Вообще Диме редко попадало от родителей за всякие провинно-

сти. Когда он учился в старших классах, они развелись, жили отдельно, и он мог кочевать из одной квартиры в другую: поругается с мамой – переезжает к отцу, поссорится с ним – возвращается к маме, которая к тому времени забывает все обиды и радуется возвращению «блудного» сына.

Увлечения у парня были самые разнообразные и порой неожиданные. С семи лет начал писать рассказы – «стрелялки» с мафиозными разборками, пистолетами и прочим ужасом. Со своим творчеством попал даже в Книгу рекордов Белоруссии. В шестом классе написал рассказ «Пес Полкан – приятель Пети», в котором все сто восемьдесят пять слов начинались на букву «п». Речь там шла о героическом псе. Некий преступник подорвал памятник писателю, и Петя получил приказ

поймать преступника. Полкан прижал преступника и получил в награду потроха. Рассказ напечатали в еженедельнике «Аргументы и факты. Беларусь», после чего решили поместить в Книгу рекордов.

Детской мечтой было стать врачом. Он штудировал медицинские энциклопедии, изучал устройство человеческого организма, поступил учиться в медицинскую гимназию и окончил ее с серебряной медалью. Но тут в его жизни случилось несчастье – умер отец. Врачи не смогли его спасти. «Потеряв отца, – говорит певец, – я осознал, насколько хрупка человеческая жизнь, как дорого может обойтись врачебная ошибка, и понял, что не смогу брать на себя ответственность за жизнь других людей». К тому же в это время Диме пришлось навестить

друга в больнице, где он стал свидетелем пьяных выходок медицинского персонала. И охоту быть врачом этот случай отбил у него окончательно. В результате он остановил свой выбор на родственнице медицины и биологии – химии, поступив на химфак Белорусского университета.

«Я был еще тем химиком, – признаётся Колдун. – На одном из лабораторных занятий для опыта понадобилась бутылка с аммиаком. Меня попросили ее аккуратно достать из-под вытяжного шкафа. Я достал, но... опрокинул и разбил. Разумеется, обжег все рецепторы – не чувствовал запахов. К счастью, потом обоняние восстановилось. А был еще такой случай. Из куража, не отдавая себе отчета в серьезности своих действий, мы с приятелем в коридоре развели какой-то эфир – весь этаж пропитался сильнейшим запахом уксусной кислоты. В университете тут же объявили

эвакуацию. Нас не вычислили лишь по счастливой случайности.

На экзамен по квантовой механике как-то заготовил шпаргалки, стал рассовывать по карманам и все рассыпал. Тут сокурсница напомнила о примете, что если уронил шпаргалки – быстро подними и прочти самую нижнюю. Так и поступил. Причем на экзамене мне досталась именно эта тема! Можно сказать, что дружеские отношения с фортуной начали складываться уже тогда».

Однако надо заметить, что эта ирония Димы по отношению к себе всё-таки не совсем справедлива. Колдун мог получить даже «красный» диплом, если бы всевозможное музыкальные конкурсы, фестивали и концерты не отнимали у него уйму времени. При этом надо отдать ему должное: сразу после возвращения с Евровидения он отправился в университет сдавать экзамен по высокомолекулярным соединениям. Такой поступок заслуживает уважения.

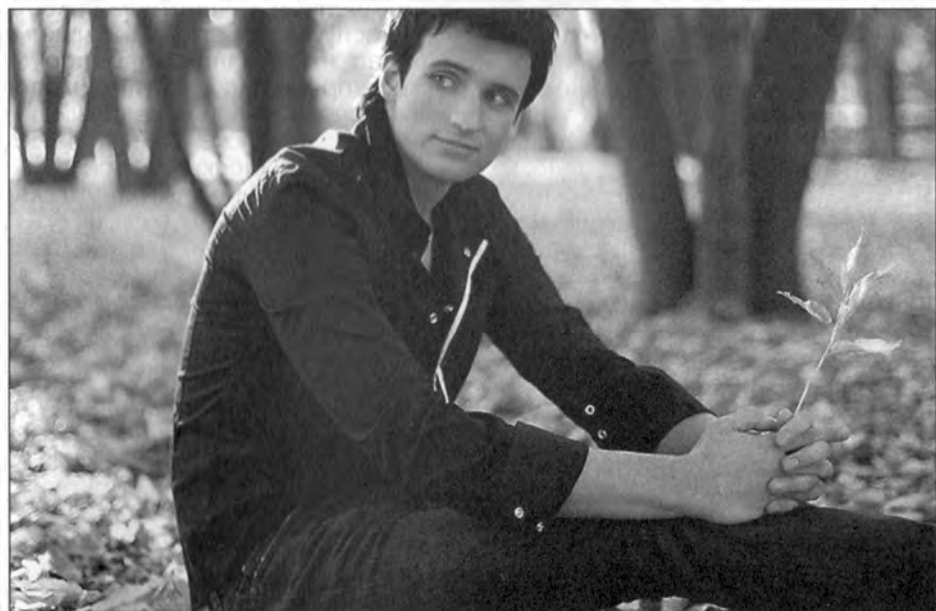
Петя Дима начал не по зову сердца, а потому, что банально не хотел убираться дома: «Мой брат Георгий хорошо играл на гитаре и хотел, чтобы я тоже научился. А я был такой лентяй, ничего не заставишь делать. Однажды он в ультимативной форме заявил: "Либо наводи порядок в комнате, либо научись играть на гитаре"». Дима выбрал последнее и начал самостоятельно заниматься. Примером для подражания начинающего музыканта стала группа «Ария». В тот момент, когда молодой человек очень громко исполнял песни этого рок-коллектива, мешая соседям, никто и представить не мог, что из него вырастет музыкальная звезда.

В общем, из двух зол парень выбрал наименьшее. И это практически решило его судьбу. Оказалось, что у него хороший музыкальный слух и неплохой голос. Результаты не заставили себя долго ждать. Колдун-младший вместе со школьными друзьями собрал инструментальную группу, которая называлась «Тяжелый колесный плуг», и регулярно проводил репетиции в школьных подвалах и гаражах, распугивая жителей окрестных домов гитарным ревом. Случались у них и концерты – ребята выходили на сцену, чтобы повеселить людей. Пели обо всём, только не о любви. Песни у них назывались «Помидорчики», «Зернохранилище»... Это была их принципиальная позиция: о любви напишет каждый. И пишут что-то вроде «люблю тебя, как я тебя, и помни обо мне». А вот про поливочный шланг или зернохранилище – тут придется голову поломать. У Ди-

мы, например, есть песня про помидоры: история беззащитных зеленых росточков, которые, пробиваясь сквозь густой терновник, изо всех сил борются за место под солнцем. Вроде про овощи, но ведь и люди тоже борются за место под солнцем. Однако тут есть и другое объяснение: для будущего певца эти выступления были скорее дурачеством до тех пор, пока он не понял, что всё это может быть и всерьез.

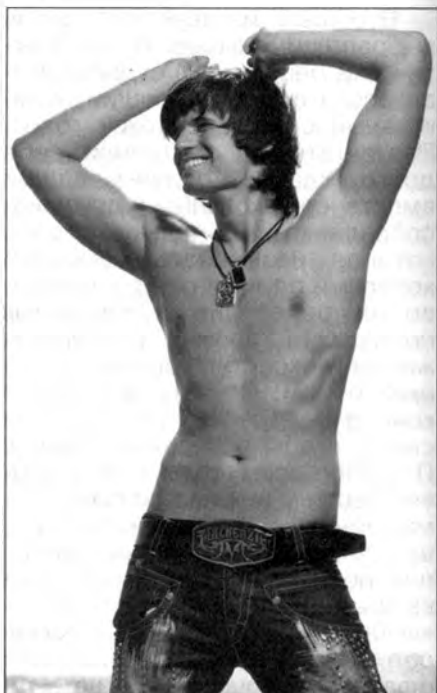
У группы была даже определенная популярность: трое парней с гитарами часто выступали на школьных концертах, участвовали в различных конкурсах, где Дима никогда не оставался без призовых мест и подарков.

Было лишь одно «но», которое его огорчало: «Девушки не обращали на меня внимания, и это очень расстраивало. Я смотрел на себя в зеркало и недоумевал: "Странно, вроде всё у меня в порядке, всё на месте, а счастья

нет". А сейчас, глядя на свои фотографии того времени, понимаю, в чём дело. Я был очень нелепым подростком: высокий, тощий, угловатый. Носил почему-то рубашки, которые на мне болтались. Еще у меня была "модная" куртка, сшитая, видимо, не на человека, а на пивную бочку. Она заканчивалась где-то в районе коленок, и из-под нее торчали тонюсенькие ножки. Сами посудите: кто на такое чудо мог позариться? Однако в десятом классе у меня, к моему собственному удивлению, появилась девушка. Звали ее Вика. Я, счастливый, ходил на свидания, радуясь, что на меня кто-то обратил внимание. Мы мило встречались года два, а потом Вика призналась, что "влюбилась" в меня на спор. Поспорила с подружками на шоколадку, что ей "не слабо" начать встречаться с этим "красавцем". В итоге пари она выиграла. И как это часто бывает, отношения, начавшиеся с легкомысленного спора, переросли в нечто серьезное. Уехав из Минска на "Фабрику", я очень скучал по Вике, потом старался использовать каждую возможность, чтобы выбраться в Минск, повидаться с любимой. Но в разлуке поддерживать отношения очень трудно. К тому же я очень изменился, многое пережил и со временем начал чувствовать, что пропасть между нами растет и растет. В общем, я нашел в себе силы поговорить с Викой, всё ей объяснил, и спустя шесть лет мы расстались хороши-ми друзьями».

Постепенно музыка из хобби стала превращаться для Колдуна в главное дело его жизни. Молодой певец был солистом в вокальной студии «Гран-При», в составе которой выступал на сцене фестивалей белорусской песни и поэзии «Молодечно» и «Славян-

ский базар», поработал в государственном концертном оркестре Республики Беларусь, вышел в финал национального белорусского проекта с участием молодых исполнителей «Звездный дилижанс». А также по приглашению сборной Москвы «Штормовое предупреждение» выступал в евролиге КВН, где блеснул в музыкальных паузах... Словом, в Минске он кое-чего добился. Естественно, хотелось творческого развития, чтобы сделать следующий шаг вперед. И первой попыткой на этом пути стало участие Димы Колдуна в шоу телеканала «Россия» «Народный артист».

«Пройдя в Минск несколько кастингов, — рассказывает Колдун об этом не самом успешном периоде своего творчества, — я приехал в Москву и тут же попал в цепкие руки стилиста шоу Сергея

Зверева, который ничтоже сумняшеся сделал из меня жгучего блондина. А потом члены жюри надо мной насмеялись – дескать, что это за чудо, похожее на куклу. Ничего себе! Вытравили мне волосы, сделали бог знает что и сами же нос воротят! Но я тоже там показал себя во всей красе – принялся что-то доказывать продюсерам, откровенно хамить. Короче говоря, в Минск я вернулся довольно быстро».

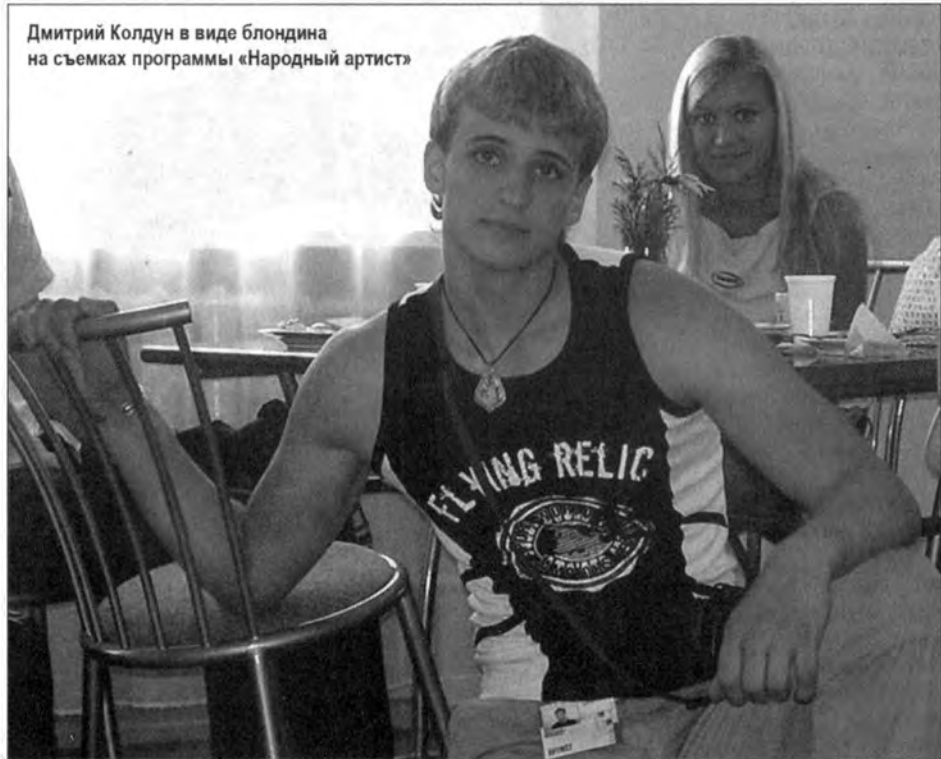
Дмитрий дошел до финала, но призового места не занял, хотя зрителям запомнился. Кроме того, благодаря участию в проекте, многие впервые услышали о молодом певце. Тогда же он решил стать участником национального отбора «EuroFest» от Республики Беларусь с песней собственного

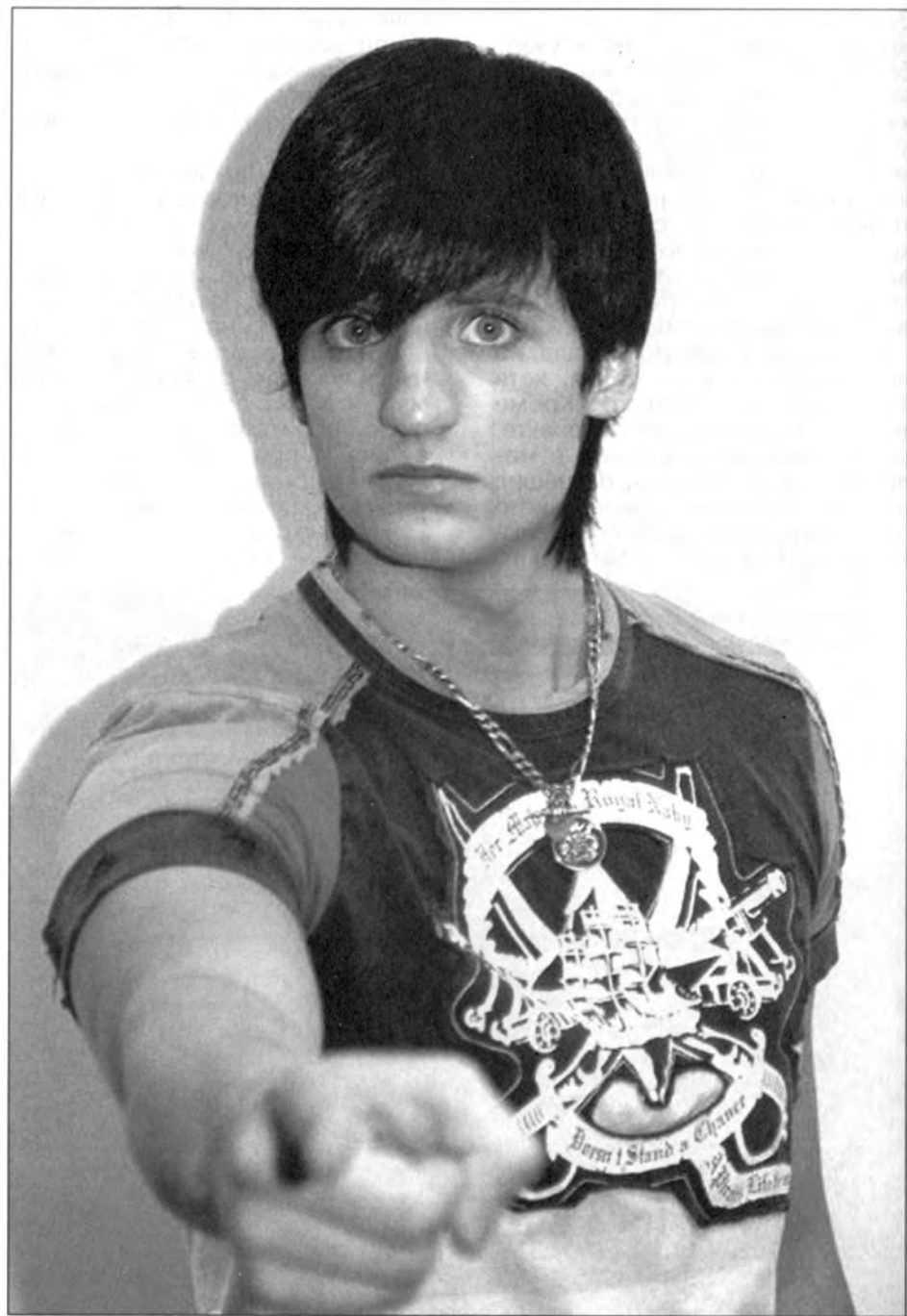
сочинения «Maybe». В результате занял восьмое место из пятидесяти возможных и на международный конкурс «Евровидение 2006» не попал. Снова не повезло.

Однажды Димина мама посоветовала сыну поехать в Москву и рассказала ему о наборе на «Фабрику звезд 6». Учился он тогда на четвертом курсе, взял академический отпуск, купил самый дешевый билет, на который едва наскреб денег, и очертя голову ринулся покорять столицу. Он понимал, что без денег и знакомств шанс пробиться к пьедесталу невелик. И преподаватели, и соскурники были в шоке от его затеи. Но всё же он решил рискнуть.

«Можно сказать, что я сбежал в столицу, – признаётся Колдун. –

Дмитрий Колдун в виде блондина
на съемках программы «Народный артист»

Дело в том, что незадолго до этого мне принесли повестку из военкомата, в которой черным по белому было написано: явиться с вещами для прохождения воинской службы. В университете я не посещал военную кафедру, а в армию мне не хотелось. Так что спешно собрался и прямо как был – в осенней куртке и легких ботинках – рванул в Москву». В принципе, дело не в том, хотел этот парень служить или нет. Просто он уже больше ничего не хотел, кроме музыки. Какое бы даже самое завидное предложение ему ни сделали, он не считал бы его для себя интересным и ни на что бы не согласился, кроме того, что помогло бы ему стать артистом. Когда у человека есть идея фикс, он не остановится ни перед чем, чтобы добиться своей цели.

«С вокзала я прямиком отправился к "Звездному дому", день провел там в очереди на морозе и в итоге прошел на следующий тур, – вспоминает певец. – А вечером, когда все стали разъезжаться по домам, я вдруг очнулся: мне же некуда идти! Всё, что у меня имелось, – деньги на обратный билет в Минск и два пирожка, купленные на вокзале. Я чудом вспомнил про одну интер-

нет-знакомую и напросился к ней на ночлег, а чтобы не стеснять ее родителей, вставал в шесть утра и шел в ближайший парк, там сидел на скамеечку и мерз, пока не наступало время ехать на кастинг. К счастью, мои мытарства не прошли зря – я всё-таки стал "фабрикантом"».

Выпускник очередной «Фабрики» прекрасно понимает, что «Фабрика» – поточное производство, где штампуют артистов: «Да и само шоу – это оттиск с одной сделанного: в каждом наборе обязательно есть мальчик-блондин, по которому маленькие девочки сходят с ума, колоритная девушка – либо очень крупная, либо с другим цветом кожи, либо с волосами в разные стороны... Конечно, есть талантливые люди, более того, их много, но формат проекта обязывает быть таким, каким тебя хочет видеть продюсер. Но, с другой стороны, "Фабрика", конечно, стала для меня стартом, а еще дала мне очень много условных рефлексов – вроде реакции на красную лампочку на камере, в которую нужно смотреть. Ну и популярность, разумеется. И вообще это хорошая стартовая площадка для молодых.

Три месяца, проведенные в "Звездном доме", стали для меня суровым испытанием. Никакой

дружбы там не было и в помине. Если кто-то из "фабрикантов" вам скажет, что приходил на отчетный концерт поддержать друга, — не верьте ему, такого не бывает, там только зависть и злость.

Мне кажется, в шоу-бизнесе друзей не бывает, а если они бывают, то это огромная редкость. Потому что всё-таки те, кто приходит в шоу-бизнес, это люди, которые, естественно, обладают острым чувством конкуренции, и любые достижения своего оппонента для них нож острый. Грубо говоря, есть какая-то определенная целевая аудитория, которая всё воспринимает крайне болезненно, если, допустим, статуэтка какая-то или премия достанется другому человеку. Потому что вся вот эта дружба, которую мы наблюдаем на экране, и заканчивается, когда люди расходятся. "Ой,

здравствуй". — "Здравствуй". — "Я тебя очень люблю, ты же мой учитель". — "Конечно, да. А я столькому тебя научил!" И расходятся в разные стороны: "Да пошел он, бездарь". Вот так всё очень часто заканчивается, поэтому в моём случае это тоже не исключение».

Если действительно в «Звездном доме» царит подобная атмосфера, то «фабрикантов» стоит только пожалеть. Молодые люди, озлобленные друг на друга, недружелюбные, которых ничего не интересует, кроме собственного успеха... Мы как-то привыкли считать, что для артистов главное — служение искусству. Ведь в принципе как бы кто из этих будущих звезд ни пел, если у него нет достижений, за которые ценится человек, тем более публичный, то и цена ему будет ломаный грош.

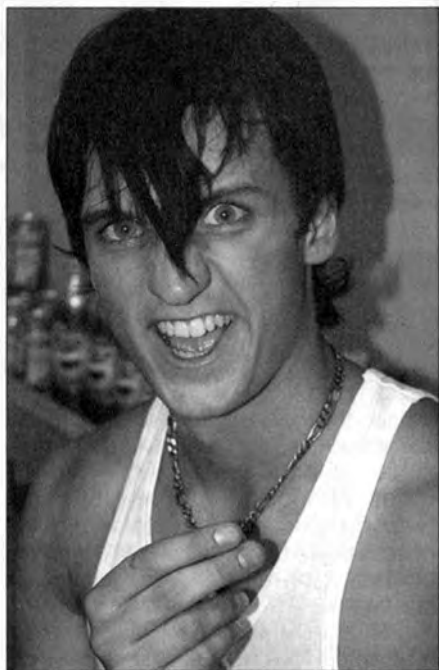
Поющих-то много, у одной «Фабрики» было уже семь выпусков, да еще и «Народные артисты» были, а на поверку оказывается, что чуть ли не все – с гнильцой. Выходит, в шоу-бизнесе ищет успеха бракованный продукт, а готовим этот продукт мы сами.

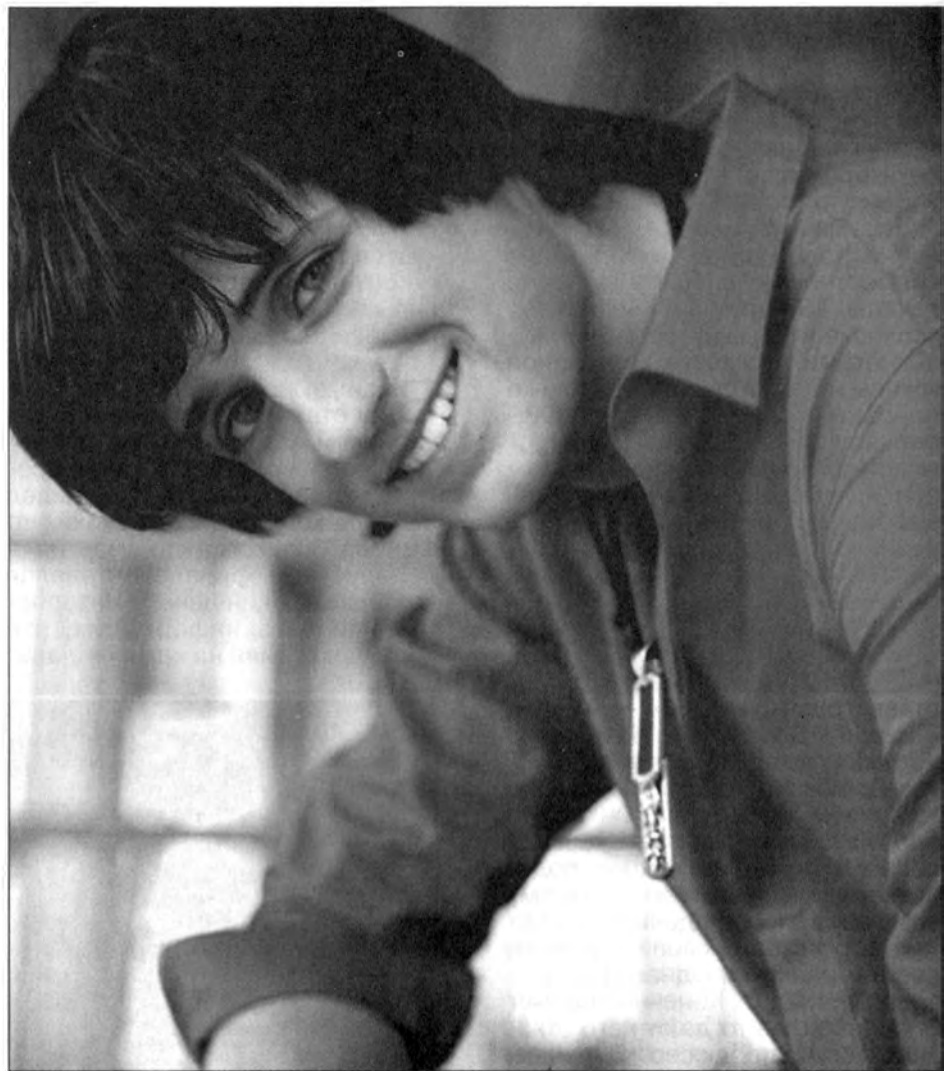
Одним из самых ярких выступлений Колдуна на проекте стало совместное исполнение им песни группы «Scorpions» «Still loving you» вместе с выдающимися музыкантами. Солисту легендарной группы Клаусу Майне настолько понравилось Димино выступление, что он пригласил его в совместный тур. А Филипп Киркоров, исполнив с ним песню, подарил певцу акулий клык на серебряной цепочке: «Дима, если будешь носить этот клык, тогда победишь». Он надел и действительно выиграл.

В июле 2006 года Дмитрий стал солистом в обновленном составе группы «К.Г.Б.» – Колдун, Гуркова, Барсуков, – которую продюсировал композитор Виктор Дробыш. Это было совсем не то, о чём он мечтал. Он думал после этой победы начать карьеру сольного певца, что сможет поделиться с людьми тем, чем ему всегда хотелось поделиться: своим творчеством, своей музыкой, своими песнями. Однако существовал контракт. Конечно, он мог отказаться, но тогда от него отказался бы и продюсер. Впрочем, Дробыш определил Колдуна в группу со «страшным» названием и, казалось, о нём забыл. Выступления коллектива прошли в составе «фабричного» гастрольного тура, после чего группа канула в Лету. Сам проект оказался крайне неудачным. Во-первых, ни Колдун, ни Саша Гуркова не хотели петь в одной группе. Во-вторых, она исполняла всего одну песню,

которая досталась ей по наследству от прежнего состава коллектива. Новых вещей для «К.Г.Б.» никто не писал, и брать их было негде. Конечно, Колдун и Гуркова приносили какие-то свои материалы, но их никто не хотел записывать. И Дима понял, что если он не уйдет из группы, его там и «закопают». Именно в этот период он и решил попробовать свои силы в отборочном туре конкурса «Евровидение».

Видимо, продюсеру было жаль расставаться со способным парнем, он всячески противился его решению, однако потом всё-таки согласился и даже нашел ему для конкурса песню каких-то финнов. Но когда до участия в белорусском финале оставался всего лишь один день, в Интернете появилась информация, что песня выходила на каком-то аль-

боне финской группы. Это была катастрофа, потому что выступать с ранее опубликованной песней категорически воспрещалось. Знал ли об этом Дробыш или нет – история умалчивает. Тем не менее песню нужно было отзывать с конкурса.

«Я был в шоке, – признается певец. – Но я понимал одно – ну-

жно срочно что-то делать. У меня была песня "Ангел мечты", которую я сам когда-то написал. Так как ее хронометраж превышал допустимую норму, ее пришлось редактировать. Я ускорил темп песни, вырезал проигрыш, записал вокал в какой-то подвальной студии... Нетрудно себе представить, как это всё звучало.

Я понимал, что мои шансы на победу в полуфинале невелики. Но меня спасло зрительское голосование: я знал, что они голосовали не за мою песню, а за Диму Колдуна — победителя "Фабрики звезд".

Для победы в финале нужна была новая песня. Дробыш пообещал найти подходящую в Америке, но уехал в Штаты и исчез. Сроки подходили к концу, когда в одном из клубов Колдун встретил Киркорова и поведал ему о своих бедах. Филипп предложил ему на выбор несколько своих песен, и они решили остановиться на «Work your magic». Эта песня принесла Дмитрию триумфальную победу в финале Национального конкурса «Euro-Fest» отборочного тура «Евровидения 2007».

Затем началась активная подготовка к конкурсу, включавшая бесконечные репетиции и промо-туры. В Санкт-Петербурге был снят видеоклип на конкурсную песню и ее русскоязычную версию «Дай мне сил». Колдун вместе с Киркоровым ездил в промо-тур по пятнадцати странам, а его продюсер за всё это время так и не объявился.

Дробыш приехал в столицу Финляндии за два дня до конкурса. А 10 мая 2007 года Дмитрий под руководством Филиппа Киркорова успешно выступил в полуфинале и впервые вывел в финал «Евровидения» родную Беларусь. Спустя два дня по результатам международного зрительского голосования он занял почетное шестое место. Через несколько месяцев из-за дисквалификации болгарских участников Дмитрий перемещается на строчку выше. Теперь он входит в пятерку победителей, подтверждая мнение о себе как о талантливом исполнителе.

Когда журналисты спрашивают певца, как он оценивает свое выступление на «Евровидении», Дима обычно отвечает: «Знаете, нормально оцениваю. Думаю, что если бы я выступал от России, результат был бы гораздо выше. Понятное дело, конкурс политизирован. И мне, допустим, очень стыдно, что я не знаю, где находится Албания. Так вот, так же многие люди ничего не знают о Белоруссии: что это — государство или, может быть, какой-то российский регион? Кстати, если бы я тогда неудачно выступил, Бе-

лоруссия скорее всего отказалась бы от дальнейшего участия в "Евровидении". Насколько мне известно, страны ежегодно платят вступительный взнос порядка пяти сот тысяч евро, а для нашей страны это, конечно, колоссальные деньги. И поскольку в прежних конкурсах ни одному представителю Белоруссии не удавалось пройти в финал, вопрос стоял очень жестко. Но я вошел в десятку финалистов, и решили остаться».

Беларусь встретила Колдуна восторженно. У трапа самолета его поджидал оркестр роты почетного караула Вооруженных сил Белоруссии. В ожидании прилета делегации музыканты шутили: «Как бы Колдун не испугался! Еще решит, что мы ему повестку в армию прямо в аэропорт привезли». А спустя некоторое время его пригласил к себе президент Белоруссии Лукашенко. Скажем прямо – большая честь для юного паренька. К тому же за успешное выступление он получил квартиру в Минске в качестве специальной премии, учрежденной президентом для талантливой молодежи.

Весну 2009 года Дмитрий Колдун встретил в главной роли в возрожденной рок-опере «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». А получилось всё так. Композитора Алексея Рыбникова и Дмитрия Четвергова (гитарная партия), который олицетворял музыкальное сердце спектакля, Дмитрий встретил тогда, когда он со своим тезкой записывал песню в одной из студий. Алексей Львович посмотрел на нового знакомого и вдруг сказал: «Вот это настоящий Хоакин!» Вначале речь шла о том, чтобы записать аудиовersion партии главного героя. А позднее, по убеждению создателей оперы, он согласился сыграть и

самого легендарного разбойника. До этого он отказывался от лестного предложения, потому что и подумать не мог, как это он сможет выйти на сцену как актер, без опыта и соответствующего образования. На репетициях Дмитрий познакомился со Светой Светиковой (певица и актриса мюзиклов «Метро» и «Норд Дам де Пари»), которая очень просто убедила его: «Дима, давай играть, тут весело». Так они начали веселиться, и уже через месяц репетиций премьерные показы при поддержке столичного правительства состоялись в Москве. «Конечно, зрители, которые видели постановку Ленкома с участием Абдулова, сравнивали не в мою пользу, – говорит певец. – Хоакин в моём исполнении другой. Более романтический и уставший. Но когда я слышу, как мою игру сравнивают с игрой великого мастера, мне это льстит».

В феврале 2008 года на церемонии вручения премий «Звукотворчество» Колдун победил в номинации «Sexy M» и представил на суд зрителей новую песню «Царевна». Конечно, подобные премии больше похожи на шутку. Самого же Диму в первую очередь больше интересует творчество. В этом году вместе со своим коллегой по сцене Александром Асташёнком они создали свою студию звукозаписи «Ящерица», где Дмитрий и записывает свой новый альбом. А в июне этого года он выступил с концертом на Театральной площади столицы, исполнив свои хиты и песни, которые войдут в этот альбом. «А еще у меня есть мысль еще раз выступить на "Евровидении", – признается певец.

Ник. КЕДРОВ

Дима
КОЛДУН